

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХVII.

1885.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

PRINTED IN RUSSIA

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.	21
Ф. Д. Батюшковъ. Сага о Флинбогъ Ольномъ.	217
В. В. Богиничъ. О несложной сельской семьѣ у Сербовъ и Хорватовъ.	278

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Вудилевичъ. Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса.	316
А. Н. Соболевскій. Источники для знакомства съ кievскимъ говоромъ	349
К. С. Морезжковскій. Антропологическія изслѣдованія въ Россіи	357
Г. С. Дестунисъ. Записки греческаго историческаго и этнологическаго общества	384
И. А. Смирновъ. Въ вопросу объ экзаменахъ въ нашихъ гимназіяхъ	37
— Наша учебная литература (разборъ семи книгъ)	48

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

К. С. Веселовскій. Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1884 годъ.	51
Я. К. Гротъ. Отчетъ о дѣятельности втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1884 годъ	74
— Пятидесятилѣтіе Археологической Комиссіи	93
— Уральское общество любителей естествознанія въ Екатеринбургѣ.	106
Графъ А. А. Мусянъ-Пушкинъ. Воспоминаніе о В. В. Вауерѣ.	116
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Графъ А. О. Уваровъ (некрологъ).	123

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ф. Ф. Зѣлинскій. О дорійскомъ и іонійскомъ стилихъ въ древней аттической комедіи.	65
---	----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го февраля).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса.

SECRET D'ÉTAT DE VENISE. Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves, et la Porte Ottomane à la fin du XV-e et au XVI-e siècle. Par *Vladimir Lamansky*. St.-Petersbourg. 1884.

„Гласъ убо—гласъ Іаковъ; рудъ же—рудъ Исавовъ“. (Быт. 27, 22).

Странное на первый взглядъ впечатлѣніе производитъ на русскаго читателя французская книга профессора Ламанскаго. Ужели нашъ заслуженный славянистъ перешелъ въ лагерь тѣхъ нашихъ ученыхъ, которые считаютъ русскій языкъ недостойнымъ чести быть органомъ науки въ высшихъ и специальныхъ областяхъ знанія? Ужели онъ отказался отъ мысли о всемірно-историческомъ призваніи этого языка, одушевлявшей его въ теченіе 25-лѣтней писательской дѣятельности? Ужели въ сочиненіи, посвященномъ ученикамъ, въ числѣ которыхъ я съ гордостію нахожу свое имя, учитель славяновѣдъ желалъ подать примѣръ пренебреженія отечественнымъ языкомъ?

Близкое и продолжительное знакомство съ В. И. Ламанскимъ позволяетъ и даже обязываетъ меня рѣшительно отвергнуть всѣ эти догадки. Нѣтъ, это не есть переходъ въ чужой лагерь или отреченіе отъ прежнихъ идей, а просто результатъ авторской непредусмотрительности, въ соединеніи съ нѣкоторыми особыми цѣлями пропаганды. На стр. III предисловія самъ авторъ говоритъ: „Червоначально я намѣренъ былъ издать одни документы, съ краткими лишь примѣ-

чаніями; а такъ какъ документы эти писаны на языкахъ латинскомъ и италіанскомъ и представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ, то я прибѣгъ при этомъ къ французскому языку. Впоследствии, когда примѣчанія эти незамѣтно и невольно разрослись до цѣлыхъ статей, опытовъ, очерковъ, я принужденъ былъ для послѣдовательности держаться того же языка, вмѣсто русскаго^а. Если выкинуть изъ приведенной выдержки слова: „представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ“, то нельзя не признать извѣстной вѣскости указанныхъ мотивовъ.

Что касается пропагандистскихъ цѣлей автора, аналогичныхъ тѣмъ, какія преслѣдовали Хомяковъ, Тютчевъ, Гильфердингъ и др. въ своихъ французскихъ брошюрахъ, то онѣ особенно ярко пробиваются въ его Предисловіи, затѣмъ въ очеркахъ: О покушеніяхъ на жизнь папъ въ средніе вѣка и въ 16 в. и о борьбѣ латино-германскаго запада съ греко-славянскимъ востокомъ (особенно на стр. 379—396); О политическихъ низостяхъ въ западно-европейскихъ государствахъ 16 в. (стр. 417—459); О роли инородцевъ въ старой Венеціи и новой Австро-Венгріи (547—551); О социальномъ положеніи Венеціи въ 16 в. (671—850) и н. др. Да и самый подборъ матеріала изъ венеціанскихъ архивовъ не чуждъ извѣстной тенденціи, именно желанія открыть изнанку западно-европейской жизни въ вѣкъ возрожденія и гуманизма, въ противоположность господствующему панегиризму западныхъ историковъ этой блестящей эпохи.

Нѣтъ сомнѣнія, что во французскомъ изложеніи историческіе взгляды нашего автора скорѣе могутъ дойти до свѣдѣнія, а быть можетъ, и войти въ сознаніе западныхъ писателей и дѣятелей, чѣмъ въ недоступномъ имъ русскомъ текстѣ; но за то читатель русскій оставленъ здѣсь на заднемъ планѣ. Быть можетъ, со временемъ это неудобство будетъ устранено издавіемъ русскаго перевода по крайней мѣрѣ болѣе значительныхъ очерковъ сборника; но пока этого нѣтъ, небезполезно будетъ представить краткій систематическій обзоръ того обильнаго матеріала, который собранъ, а отчасти и разработанъ г. Ламанскимъ.

I

В. И. Ламанскій озаглавилъ свой сборникъ документовъ и этюдовъ: „Государственныя тайны Венеціи“. Если бы содержаніе сборника точно соотвѣтствовало этому заглавію, то онъ имѣлъ бы мало

отношенія къ славяновѣдѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни смотрѣть на народность древнихъ верхне-италійскихъ Венетовъ и на происхожденіе города Венеціи, все же нельзя отрицать, что въ XV—XVI вв. это былъ городъ латинскій, западный, европейскій, а не восточный, славянскій или хотя бы греко-славянскій. Исторія этого города и государства принадлежитъ къ славяновѣдѣнію не больше, чѣмъ средневѣковая и новая исторія Генуи, Неаполя, Рима, Вѣны, Берлина и т. п. Но „государственныя тайны Венеціи“ составляютъ хотя и важный, но далеко не первенствующій вопросъ въ сборникѣ г. Ламанскаго. Ему посвящена лишь первая изъ трехъ серій документовъ, обнимающая 156 страницъ, да незначительная часть второй серіи. При всемъ своемъ интересѣ и обще-психологическомъ, и частно-историческомъ, этотъ отдѣлъ документовъ не представляетъ такой перво-степенной важности, какъ другіе, тѣмъ болѣе, что значительная часть данныхъ о политическихъ убійствахъ въ старой Венеціи издана была еще въ 1882 г. италіанскимъ ученымъ Фулиномъ (Fulin) въ его „Egroti vecchi e documenti nuovi“, какъ это заявляетъ и авторъ сборника на стр. V—VI предисловія. Центръ тяжести его книги лежитъ не въ „государственныхъ тайнахъ Венеціи“, а въ новомъ освѣщеніи многихъ сторонъ такъ-называемаго „восточнаго вопроса“, то-есть, исторіи культурныхъ и политико-экономическихъ отношеній греко-славянскаго востока къ романо-германскому западу въ XV и особенно XVI вв. Въ этомъ же вопросѣ сбѣгаются, какъ въ фокусѣ, и располагаются въ своеобразномъ спектрѣ лучи очень различныхъ историческихъ свѣтилъ: Рима перваго и втораго, а потомъ и третьяго, папства и церкви соборной, имперіи западной и восточной, Европы и Турціи, а затѣмъ Европы и Россіи. Для разъясненія этого „великаго спора“, дѣйствительно, необходимо знать какъ явныя, такъ и тайныя дѣйствія Венеціи, Рима, Испаніи, Франціи, Германіи, Угрии, Турціи, Россіи, положеніе и стремленія греческой, албанской и славянской райи, подчиненной то султану, то синьоріи и т. п. Вотъ тутъ то и можетъ служить неисчерпаемымъ рудникомъ свѣдѣній и надежнымъ руководителемъ при ихъ обработкѣ сборникъ г. Ламанскаго. Предоставляя нашимъ „всеобщимъ историкамъ“ разработку тѣхъ его отдѣловъ, которые выходятъ за предѣлы славяновѣдѣнія, я сосредоточу вниманіе читателя на собранныхъ въ этой книгѣ „Новыхъ данныхъ для исторіи восточнаго вопроса“, предположивъ своему своду нѣсколько замѣчаній объ источникахъ, кото-

рыми пользовался нашъ авторъ при составленіи сборника, а равно о нѣкоторыхъ методологическихъ его особенностяхъ.

II.

Основной матеріалъ сборника г. Ламанскаго заимствованъ, по его собственнымъ словамъ (I), изъ бумагъ венеціанскаго Сената, Совѣта Десяти и нѣкоторыхъ другихъ, рассмотрѣнныхъ имъ въ теченіе 13-ти-мѣсячнаго пребыванія въ Венеціи въ 1868—1869 учебномъ году въ архивѣ del Ffagi, въ библиотекѣ св. Марка, въ музеѣ Корреръ и фамильномъ архивѣ гр. Донà. Количество рукописныхъ томовъ, изъ коихъ сдѣланы выписки, по приблизительному расчету достигаетъ сотни. Однихъ журналовъ Совѣта X подъ наименованіемъ *Misti* рассмотрѣно до 50 томовъ, а *Secreta* того же Совѣта болѣе 20 томовъ. Въ библиотекѣ св. Марка авторъ экскерпировалъ значительную часть многотомныхъ *Diarii* Марино Санудо. Кое-что заимствовано имъ и изъ рукописей императорской Вѣнской (см. стр. 411) и С.-Петербургской публичной библиотекъ.

Какъ значительно было количество экскерптовъ и копій, вывезенныхъ авторомъ изъ Венеціи, видно изъ того, что онъ въ состояніи былъ наполнить ими почти 1000 страницъ своего сборника, то въ полномъ воспроизведеніи, то въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ и выдержкахъ.

Нельзя не подивиться этой энергіи нашего слависта, а еще болѣе его умѣнію ориентироваться въ массѣ рукописнаго матеріала, особенно если вспомнить, что по предшествовавшимъ своимъ занатіямъ онъ не былъ столь близокъ въ италіанскоу міру, какъ напримѣръ, загребскій ученый Любичъ или нашъ столь преждевременно почившій славяновѣдъ В. В. Макушевъ. Что касается нѣкоторой медлительности въ обработкѣ и изданіи привезеннаго г. Ламанскимъ еще въ 1870 г. рукописнаго матеріала, то она объясняется самымъ способомъ этого изданія. Еслибъ авторъ ограничился, какъ Любичъ и Макушевъ, механическимъ воспроизведеніемъ въ печати своихъ экскерптовъ и копій, то дѣло не могло бы затануться на десятое лѣтъ; но разъ углубившись въ комментированіе издаваемыхъ матеріаловъ, въ ихъ научную разработку, авторъ долженъ былъ посвятить не одинъ мѣсяцъ, даже не одинъ годъ изученію обширной литературы по италіанской и вообще западно-европейской исторіи, о чемъ свидѣтельствуеетъ множество ученыхъ ссылокъ въ сборникѣ, особенно въ очер-

кахъ и разысканіяхъ, сопровождающихъ 2-ю и 3-ю серіи изданныхъ документовъ.

Нельзя, конечно, утверждать, что авторъ успѣлъ въ равной мѣрѣ обработать всѣ части своего обширнаго сборника документальныхъ данныхъ для исторіи восточнаго вопроса. Даже въ распредѣленіи матеріала по известнымъ рубрикамъ нерѣдко замѣтны пробѣлы и скачки. Такъ значительная часть документовъ второй серіи (о политическихъ убійствахъ) должна бы войти въ хронологическую сѣть документовъ первой серіи, трактующихъ нерѣдко о тѣхъ же лицахъ и событіяхъ. Въ третьей же серіи матеріалъ сгруппированъ не въ хронологической уже послѣдовательности, а по содержанію, напримѣръ: о разноплеменности венеціанскихъ подданныхъ; о злоупотребленіяхъ въ венеціанскомъ флотѣ; о недостаткахъ въ оборонѣ венеціанскихъ областей и крѣпостей; о доходности греческихъ острововъ; объ экономическихъ и социальныхъ отношеніяхъ послѣднихъ, въ связи съ злоупотребленіями въ ихъ администраціи; объ отношеніяхъ сеньориі къ греческой церкви и духовенству. Нельзя не признать, что систематическое распредѣленіе матеріала въ третьей серіи имѣетъ преимущество предъ болѣе механическимъ его размѣщеніемъ въ первыхъ двухъ серіяхъ.

Нѣтъ равномѣрности и въ обработкѣ собраннаго авторомъ матеріала. Такъ, напримѣръ, онъ посвятилъ особые очерки вопросамъ: объ отношеніи западно-европейцевъ къ папамъ, о недостаткахъ венеціанской администраціи и т. п., тогда какъ многіе другіе, не менѣе важные вопросы, напримѣръ, объ экономическомъ, общественномъ и религіозномъ состояніи греческихъ подданныхъ Венеціи, остались безъ разработки. Въ другихъ случаяхъ она не доведена до конца, напримѣръ, о судьбѣ султана Джема.

Но зачѣмъ требовать полноты и всесторонности тамъ, гдѣ она недостижима? При такой обширности матеріала комментарий къ нему по необходимости будетъ не полонъ. Лучше поблагодаримъ автора за освѣщеніе и обработку хоть части этого матеріала, особенно за богатые мыслями и фактами трактаты его о папствѣ (357—396), о центральной администраціи и социальномъ бытѣ Венеціи въ XVI вѣкѣ (671—850) и за прекрасное предисловіе, гдѣ указана связь прошлаго съ настоящимъ въ восточномъ вопросѣ. Неудобства же, возникающія отъ сложной системы распредѣленія матеріала въ трехъ серіяхъ, съ хронологическимъ порядкомъ въ двухъ первыхъ и съ предметнымъ въ третьей, если и не вполне устраняются, то значительно

ослабляются подробнымъ оглавленіемъ въ началѣ книги и указателемъ именъ личныхъ и мѣстныхъ въ концѣ ея.

III.

Для оцѣнки научнаго значенія документовъ сборника г. Ламанскаго необходимо имѣть въ виду, что большая часть ихъ имѣютъ характеръ официальныхъ актовъ, напримѣръ, выписки изъ протоколовъ засѣданій Сената и Совѣта X, распоряженія того и другаго, донесенія имъ подвѣдомственныхъ чиновниковъ. Лишь меньшая сравнительно часть матеріала заимствована изъ частныхъ сообщеній, писемъ, статей, книгъ и т. п.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что протоколы венеціанскихъ присутствій или донесенія центральному правительству подвѣдомственныхъ органовъ совершенно свободны отъ неумышленного, или умышленнаго искаженія фактовъ. При всей своей хваленной „змѣнной мудрости“, адриатическая республика не разъ попадала въ просакъ, между прочимъ и благодаря невѣрнымъ сообщеніямъ чиновниковъ, на которыя горько жаловался правдолюбивый Марино Сандудо, говоря даже, что „венеціанскіе чиновники никогда не сообщаютъ своему правительству правды, если она имъ не на руку“ (597). Тѣмъ не менѣе уже самый фактъ тысячелѣтняго существованія этой республики и ея громаднхъ политическихъ успѣховъ въ XIII—XV вѣкахъ, при слабости матеріальныхъ силъ, свидѣтельствуеетъ о политической мудрости ея высшихъ и низшихъ государственныхъ органовъ, правильной оцѣнкѣ ими политическихъ условий, вѣрности получаемыхъ свѣдѣній и цѣлесообразности распоряженій.

Въ сборникѣ г. Ламанскаго имѣются указанія и на намѣренную фальсификацію нѣкоторыхъ официальныхъ документовъ, даже донесеній Сенату, проходившихъ черезъ цензуру Совѣта X, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же фактъ иной разъ обрисовывается совершенно иначе въ бумагахъ Сената, чѣмъ въ дѣлахъ Совѣта X, напримѣръ, смерть хорватскаго бана Тарпавала въ 1473 г. (стр. 169); но въ подобныхъ случаяхъ мы всегда знаемъ, какое показаніе слѣдуетъ считать подлиннымъ и какое искаженнымъ. Сборникъ г. Ламанскаго тѣмъ главнѣйше и отличается отъ аналогичныхъ изданій Шафарика, Любича и др., что основной его матеріалъ заимствованъ изъ дѣлъ Совѣта X, а не Сената. Положимъ, и въ этихъ дѣлахъ есть значительныя пробѣлы, даже намѣренныя, происходящія отъ уничтоженія Десятью письменныхъ слѣдствъ содѣянныхъ ими злодѣяній, на что ука-

является и нашъ авторъ (стр. 302, 815), но это допускалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ; въ большинствѣ эти слѣды сохранились подъ покровомъ непроницаемой тайны архивовъ этого страшнаго Совѣта. Поэтому г. Ламанскій былъ совершенно правъ, признавая особенную важность за бумагами этого Совѣта (стр. 768) и принимая ихъ исходной точкой при оцѣнѣ многихъ важныхъ событій европейской жизни XV—XVI вв.

Историческое значеніе официальныхъ донесеній венеціанскихъ сановниковъ еще увеличивается отъ особенной ихъ подробности, мѣткости наблюдений и тонкости характеристики. Стоитъ, напримѣръ, прочесть донесеніе изъ Рима посла Антонія Джустиниана о смерти папы Александра VI (стр. 341—354: депеша эти напечатаны уже раньше во Флоренціи), или сохранные въ *Diarii* Марино Санудо донесенія о смерти Льва X въ 1521 г. (стр. 396—406), либо подробнѣшія реляціи объ островахъ: Кипрѣ (стр. 622—630), Критѣ (стр. 630—648), Корфу (стр. 650), Тиносѣ и Чериго (стр. 651—670), чтобы убѣдиться, что мы имѣемъ въ этихъ донесеніяхъ образцы несравненнаго описательнаго и повѣствовательнаго искусства, выдержки изъ коихъ могли бы служить украшеніемъ любой исторической хрестоматіи. Венеціанскіе отчеты, вмѣсто общихъ фразъ и приблизительныхъ расчетовъ, представляютъ самыя точныя описанія и характеристики, сопровождаемыя полными статистическими данными, и притомъ не въ сухомъ схематическомъ изложеніи, а въ видѣ живой картины, напоминающей Тиціана и Веронезе по изяществу рисунка, мягкости и блеску колорита.

Въ реляціяхъ многихъ губернаторовъ, адмираловъ и особенно синдиковъ глубокія рапы государственнаго и общественнаго организма Венеціи открыты съ такимъ благороднымъ мужествомъ и вмѣстѣ патриотической грустью, что въ авторахъ этихъ донесеній мы никакъ не можемъ предполагать тѣхъ чиновниковъ формалистовъ, на которыхъ жаловался съ нѣкоторымъ пессимистическимъ преувеличеніемъ Марино Санудо въ своихъ „Дневникахъ“.

Критическіе приемы автора сборника находятся на высотѣ и его великолѣпнаго матеріала, и той трудной задачи, которую онъ себѣ намѣтилъ. Мы не видимъ въ его этюдахъ ни поспѣшныхъ обобщеній, ни несоразмѣрности выводовъ съ данными; наоборотъ, всюду встрѣчаемъ слѣды строгаго научнаго самообладанія и благородной сдержанности. Рисуя картину съ очень темнымъ и грустнымъ фономъ, авторъ не оставляетъ читателя въ жертву безнадежнаго разо-

чарованія въ чловѣкѣ и чловѣчествѣ; надъ этими „повапленными гробами“ всюду видно сіяніе христіанскаго неба, „дождащаго на праведныхъ и неправедныхъ“, чувствуется теплое дыханіе чисто христіанской морали, примирающей всѣ противорѣчія жизни и прощающей враговъ. Этотъ идеальный греко-славянскій сводъ, раскинутый любовно надъ грубымъ реализмомъ западнаго міросозерцанія, производитъ самое отрадное впечатлѣніе на русскаго читателя и миритъ его съ ѣлкимъ юморомъ, который пронизываетъ всѣ части нарисованной картины. Сквозь этотъ юморъ просвѣчиваетъ любовь автора къ адриатической грѣшницѣ, все еще прекрасной и въ глубинѣ ея нравственнаго паденія. И эта любовь, какъ живая искра, невольно переливается въ душу читателя, прощающаго все за полную обаянія и силы архивную исповѣдь ея—увн!—великихъ грѣховъ.

Въ этомъ отношеніи обнаженная грѣшница—хотя и не кающаяся, а закоснѣлая, не Магдалина, а Фрина—картины славянской все же больше вызываетъ сочувствія и прощенія, чѣмъ покрытая черною маской Венеція Фулина и другихъ италянскихъ историковъ. Не будь этихъ грѣховъ, не было бы и исповѣди; а безъ послѣдней сколько тайнъ прошлаго погибло бы для чловѣчества, для Европы, для Славянства!

Прислушаемся же къ этой исповѣди сначала о ней самой и ея близкихъ, а потомъ и по отношенію къ намъ и нашимъ.

IV.

Точкою отправленія для діагноза государственныхъ и общественныхъ болѣзней старой Венеціи В. И. Ламанскій избралъ явленіе политическаго убійства. Въ самомъ дѣлѣ, явленіе это имѣетъ важное значеніе и какъ симптомъ тяжелой духовной болѣзни соответствующаго политическаго или нравственнаго организма, и какъ одинъ изъ историческихъ факторовъ, вліявшихъ на судьбы государствъ и народовъ.

Преступно и позорно убійство явное, совершенное въ порывѣ страсти или изъ-за куска хлѣба какимъ-нибудь бандитомъ, вышедшимъ изъ подонковъ общества; но во сколько разъ позорнѣе убійство политическое, произведенное по спокойномъ и холодномъ обсужденіи людьми развитыми и обеспеченными, высшими сановниками государства, даже выборными его представителями!

Каждый почти фактъ венеціанскаго политическаго убійства совмѣщалъ въ себѣ обѣ категоріи преступленій: исполнителями его были

обыкновенно бандиты, бродяги, отребье общества и лишь въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ—монахи, священны, епископы, нобили; но идея убійства давалась обыкновенно какому-нибудь высокимъ сановникомъ республики и затѣмъ, по обсужденіи ея въ Совѣтъ X и на основаніи его рѣшенія, приводилась въ исполненіе тѣмъ или другимъ органомъ и способомъ.

Особенную этическую важность и психологическій интересъ получаютъ эти убійства еще по той причинѣ, что они декретировались и затѣмъ выполнялись не при какихъ-либо исключительныхъ лишь условіяхъ и случаяхъ, но составляли довольно обыденное явленіе венеціанской государственной жизни, одну изъ постоянныхъ и какъ будто даже неизбѣжныхъ пружинъ государственнаго механизма. При этомъ нужно еще то имѣть въ виду, что Совѣтъ X ежегодно обновлялся въ своемъ составѣ; это былъ трибуналъ изъ людей выборныхъ, большею частію изъ самыхъ заслуженныхъ и опытныхъ дѣателей. Легко понять появленіе на тронѣ злодѣя или маніяка, пожалуй, даже кратковременное существованіе какого-нибудь разбойничьяго *comité du salut public*; но какъ объяснить непрерывное существованіе такого комитета въ теченіе многихъ столѣтій, при самыхъ разнообразныхъ политическихъ условіяхъ и при обязательной ежегодной смѣнѣ всѣхъ его членовъ?

Очевидно, что средній уровень общественной нравственности въ старой Венеціи не былъ выше средняго уровня морали этого разбойничьяго трибунала,—что число то отъявленныхъ, то тайныхъ бандитовъ въ высшихъ слояхъ венеціанскаго общества было не меньше, чѣмъ въ низшихъ. Констатируя многовѣковое существованіе такого трибунала, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ фактъ тяжелой общественной болѣзни, — болѣзни ума, чувства, воли, особенно же совѣсти. Объясненіе причинъ этой болѣзни составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ задачъ въ исторіи западно-европейскихъ обществъ и государствъ.

Но не одними этическими сторонами можетъ насъ интересовать исторія политическихъ убійствъ такого знаменитаго государства, каковымъ была Венеція XV—XVI вв. Она имѣетъ и болѣе непосредственное отношеніе къ судьбѣ народовъ того времени своимъ—такъ сказать—механическимъ на ней отраженіемъ. Устраняя съ исторической сцены, посредствомъ яда или кинжала, какого-либо императора, султана, короля, или хоть папу, вліятельнаго кардинала либо министра, Венеція пересѣкала тѣмъ нити многихъ дипломатическихъ затѣй, выводила

на сцену новыхъ дѣятелей, а съ ними перѣдко и новыя идеи, комбинаціи, отношенія. Это случилось, напримѣръ, по убіеніи Матвѣя Корвина, Карла VIII, Александра VI, Льва X и многихъ другихъ. Нѣтъ сомнѣній, что историки западно-европейской жизни XV—XVI вв. внимательно изучаютъ относящіяся сюда страницы Сборника и примутъ ихъ въ соображеніе при изложеніи отдѣльныхъ эпизодовъ и общаго движенія этой жизни въ блестящій вѣкъ „возрожденія и гуманизма“.

V.

Лица, на жизнь которыхъ Совѣтъ X дѣлалъ то удавшіяся, то неудавшіяся покушенія, принадлежали къ очень различнымъ общественнымъ классамъ.. Между 80-ю такими лицами, помеченными г. Ламанскимъ на стр. 817—823 за періодъ времени отъ 1415 до 1768 г., по документамъ его сборника, съ дополненіями изъ Фулина „Eggori veschi e documenti nuovi“, мы находимъ: императоровъ (Сигизмундъ Люксембургскій и Максимилианъ I), султановъ (Магометъ II, Баязеть II, Селимъ II и два его сына), королей (Матвѣй Корвинъ, Карлъ VIII, Людовикъ XII), папъ (Александръ VI, Люцій II), герцоговъ, князей, маркизовъ, графовъ, министровъ, дипломатовъ, бановъ, генераловъ, адмираловъ, визирей, пашей, кардиналовъ, епископовъ, nobлей, докторовъ, драгомановъ, монаховъ, ксендзовъ, агентовъ, шпионовъ, кондотьеровъ, пиратовъ, ускоковъ, бандитовъ, плѣнниковъ, простыхъ турокъ, албанцевъ и тому подобное. Нѣкоторыя изъ жертвъ были намѣчаемы Совѣтомъ X не однажды, а по нѣскольку разъ. Такъ убіеніе императора Сигизмунда Люксембургскаго было декретировано три раза, Магомета II—14 разъ, Миланскаго герцога Франциска Сфорцы—18 разъ. Если же при всемъ томъ эти и многія другія изъ намѣченныхъ Совѣтомъ жертвъ остались цѣлы и невредимы, то конечно не по недостатку доброй воли Десяти, а благодаря вѣрности своихъ приближенныхъ. Менѣе счастливы были въ этомъ отношеніи Матвѣй Корвинъ, Карлъ VIII, папа Александръ VI, хорватскій банъ Тарнавалъ, Драчскій епископъ Мартинъ и многіе другіе, которыхъ смерть по почину Совѣта X удостовѣрена съ большею или меньшею несомнѣнностію документами сборника и объясненіями къ нимъ г. Ламанскаго.

Наименѣе разъяснено въ Сборникѣ участіе Свигорія въ отравленіи Матвѣя Корвина (201, ср. 198,542) и Карла VIII (300—315),

хотя приведенныя авторомъ прямыя и косвенныя улики довольно тяжелы, особенно въ отношеніи къ послѣднему. Разслѣдованіе этихъ, какъ и многихъ другихъ, удавшихся убійствъ, особенно лицъ коронованныхъ, затруднено и тѣмъ обстоятельствомъ, что Совѣтъ X въ подобныхъ случаяхъ уничтожалъ компрометирующіе его документы, чтобы замести за собою слѣдъ злодѣянія. Впрочемъ, такіе документы могли и не существовать, при господствовавшемъ тогда обычаѣ наиболѣе опасныя и тайныя распоряженія давать исполнителямъ устно, а не письменно.

Довольно подробно рассмотрѣны г. Ламанскимъ (на стр. 315—320 и на стр. 354—357) обстоятельства смерти папы Александра VI. Изъ собранныхъ имъ данныхъ оказывается, что этотъ папа былъ отравленъ своимъ поваромъ, вмѣстѣ съ сыномъ Цезаремъ Борджія, и что поваръ этотъ былъ подкупленъ кардиналомъ Адрианомъ де Корне, который разчитывалъ самъ сдѣлаться папою, при содѣйствіи венеціанцевъ.

Жаль только, что г. Ламанскій на стр. 319 самъ подрываетъ силу своихъ аргументовъ совершенно неожиданнымъ для читателя и невѣроятнымъ предположеніемъ, будто Александръ VI умеръ не отъ яда, а отъ сильнаго потрясенія, произведеннаго въ немъ мыслью объ отравленіи его любимаго сына Цезаря Борджія. Этому предположенію противорѣчатъ: а) характеръ обонхъ Борджіевъ — отца и сына, не страдавшихъ такой слабостью нервовъ, что-бы видѣ даже не смерти, а лишь болѣзни втораго могъ сразить перваго; б) описаніе болѣзни Александра VI у Марино Санудо (338) и ужаснаго вида его трупа (339—340), какой возможенъ лишь при насильственной смерти, именно отъ яда, и наконецъ в) послѣдующая судьба кардинала Адриана и довольно распространенный взглядъ свѣдущихъ современниковъ на него, какъ на виновника смерти Александра VI (855, 403). Въ нерѣшительности г. Ламанскаго приписать эту смерть яду, и притомъ яду венеціанскому, мы видимъ доказательство его крайней осторожности при подобнаго рода тяжелыхъ уголовныхъ обвиненіяхъ, даже въ отношеніи къ давно сошедшимъ со сцены и чуждымъ намъ историческимъ дѣятелямъ.

Изъ того обстоятельства, что г. Ламанскій, а равно и венеціанскій ученый Фулинъ успѣли обнаружить въ бумагахъ Десяти не болѣе сотни случаевъ то задуманныхъ, то и выполненныхъ политическихъ убійствъ въ XV—XVIII вв., нельзя сдѣлать заключенія объ ихъ относительной малочисленности и рѣдкости, такъ какъ оба автора

успѣли просмотрѣть, и то довольно бѣгло, по собственному ихъ сознанию, лишь часть журналовъ Совѣта X. Къ тому же многіе относящіеся сюда документы уничтожены, по вышеприведеннымъ соображеніямъ, самимъ этимъ Совѣтомъ.

VI.

Перехода къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей венеціанскихъ политическихъ убійствъ, мы прежде всего остановимся на ихъ обычной процедурѣ. Дѣло вчинялъ обыкновенно одинъ изъ 3 инквизиторовъ или одинъ изъ головъ (caput) Совѣта X, по собственному побужденію или предложенію какого-либо подвѣдомственнаго ему органа, на примѣръ, посла, губернатора (provedifore), ректора, адмирала, генерала и тому подобное. Внесенное на рѣшеніе Совѣта дѣло обсуждалось со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ подвергалось закрытой баллотировкѣ, при чемъ для рѣшенія требовалось то три четверти, то двѣ трети, то половину голосовъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ предложеніе было забаллотировываемо, въ виду, на примѣръ, ненадежности исполнителей, слишкомъ высокихъ денежныхъ ихъ требованій или другихъ вѣскихъ мотивовъ. Въ болѣе важныхъ случаяхъ приглашаемы были въ Совѣтъ X къ обсужденію предположеннаго убійства дожъ и его совѣтники, а равно и нѣкоторые другіе высшіе сановники республики, при чемъ всѣ члены такого усиленнаго Совѣта приводились иной разъ къ предварительной присягѣ о сохраненіи въ величайшей тайнѣ предмета обсужденія. Въ этомъ отношеніи особенно характеристиченъ документъ, напечатанный въ сборникѣ на стр. 44, относительно предложенія фратра Іо. Рагузскаго въ 1514—1515 гг. поступить въ официальные, такъ сказать, убійцы венеціанскаго правительства, съ опредѣленнымъ жалованьемъ, съ дополнительной платой разовыхъ по особой таксѣ. Въ обсужденіи этого предложенія участвовали кромѣ Десяти еще дожъ, 6 его совѣтниковъ, 8 sapientes consilii, 6 sapientes terrae fermae и нѣкоторые другіе, всего 31 лицо, при чемъ всѣ они дали клятву, что не выдадутъ тайны ни словомъ, ни письмомъ, ни какимъ либо жестомъ, не будутъ даже говорить о ней ни съ участвовавшими при обсужденіи, ни съ имѣвшими на то право (44). Правда, документъ этотъ заимствованъ г. Ламанскимъ не изъ официальныхъ протоколовъ Совѣта X, а изъ особой тетради: *Secreta Secretissima*, но нѣтъ никакихъ основаній заподозривать подлинность этого документа, какъ

и другихъ, заимствованныхъ изъ той же тетради, къ которой съ полнымъ довѣріемъ отнесся и Ранке ¹⁾).

Въ документахъ разсматриваемаго Сборника можно найти много и другихъ указаній на заботы Совѣта X держать свои рѣшенія по политическимъ убійствамъ въ величайшей тайнѣ не только отъ современниковъ, но и отъ потомства. Такъ, въ 1453 году, при обсужденіи покушенія на жизнь герцога Франциска Сфорца запрещено было, подѣ страхомъ личной и имущественной отвѣтственности, упоминать словами или жестами объ этомъ покушеніи въ разговорѣ даже съ тѣми лицами, которыя присутствовали при докладѣ дѣла въ Совѣтѣ (стр. 15). Въ 1472 г., по убіеніи хорватскаго бана Тарнавала, Совѣтъ X распорядился, чтобы участь его въ этомъ дѣлѣ держалась подвѣдомственными органами въ величайшей тайнѣ и не могла обнаружиться ни въ то время, ни впоследствии (in futurum 22). Въ 1498 г. венеціанскому послу въ Угріи сдѣланъ былъ строгій выговоръ за сообщеніе какому-то лицу ²⁾ тайныхъ инструкцій своего правительства и данъ формальный приказъ не говорить впредь о томъ ни съ однимъ живымъ лицомъ (198). Въ 1562 г. задрскому ректору предписано было отравить нѣкоего потурчепца, Камилла Пекиари, но такимъ ядомъ, который дѣйствуетъ медленно, въ теченіе восьми дней, чтобы можно было потомъ сказать, что онъ умеръ отъ какой нибудь болѣзни (68). Инструкція была въ точности исполнена, и злополучный Пекиари скончался лишь на десятый день по принятіи яда (ib.).

Но особенно возмутительнымъ показался профессору Ламанскому принятый Совѣтомъ X большинствомъ 27 голосовъ противъ 3 проектъ „дѣвольскаго письма“, отправленнаго 12-го мая 1568 г. къ адмиралу залива (Golfo), съ приказомъ секретно отравить одного изъ двухъ плѣнныхъ турецкихъ матросовъ. Ядъ предписано было впустить въ рану, при перевязкѣ ея фельдшеромъ, въ видѣ лѣкарства, такъ чтобы второй турокъ, выпущенный потомъ на волю, могъ де всѣмъ разказать о великодушномъ съ ними обращеніи венеціанскихъ властей (76 — 77, ср. 821). „Сколько грѣховъ, восклицаетъ нашъ

¹⁾ Навѣдъ по вопросу о Secreta Secretissima справку у самаго прое. Ламанскаго, мы узнали, что тетрадь эта не есть частный сборникъ, а также одно изъ дѣлъ, бумаги Совѣта X и входила въ составъ его архива. *Ред.*

²⁾ Вѣроятно, Угорской королевѣ Беатриче, участвовавшей въ австро-венеціанскомъ заговорѣ на жизнь ея мужа Матвея Корвина (198, ср. 201, 542).

авторъ, приняли тутъ на свою душу 30 христіанъ для того лишь, чтобы отдѣлаться отъ ничтожнаго турецкаго плѣнника“ (821)! Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не замѣтно и требованій „государственной пользы“, а просто какое-то сладострастіе убійства—подлаго, іезуитскаго!

Строгая тайна венеціанскихъ политическихъ убійствъ имѣла двоякую цѣль: а) обезпеченіе успѣха замысла и б) охраненіе чести совѣта X, въ силу италіанскаго взгляда на оправдывающую силу тайны при грѣхопаденіи: *peccato occultato è mezzo perdonato* (830)! Последняя цѣль несомнѣнна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ принимаются мѣры для уничтоженія слѣдовъ уже совершеннаго убійства. Не заключается ли однако въ этомъ и косвеннаго признанія безчестности подобныхъ дѣяній, хотя бы и ослабляемой мотивами государственной пользы? Пусть существовали тогда юрисконсульты, доказывавшіе „право государей посягать на жизнь своихъ политическихъ непріятелей“, какъ напримѣръ, авторъ анонимной записки XVI в. на эту тему, изданной г. Ламанскимъ (529—533): все же политическое убійство считали нужнымъ скрывать, слѣдовательно, считали его позорнымъ. Члены Совѣта X не имѣли въ этомъ отношеніи нахальнаго, но и героическаго мужества Клитемнестры или Медей: это были шакалы, а не тигры, тѣмъ менѣе львы, несмотря на гордый гербъ св. Марка.

Для своего внутреннего обихода венеціанцы имѣли опредѣленное число стереотипныхъ фразъ, служившихъ якобы достаточными мотивами политическаго убійства, въ родѣ, напримѣръ: интересовъ государства, его пользы, безопасности, славы, чести (1, 6, 10, 77, 83 и т. д.). Нерѣдко на подмогу призываются интересы христіанства (17, 18, 26, 86, 251), особенно при покушеніяхъ на турокъ, а иной разъ и христіанъ. Фарисейскій цинизмъ доходилъ до того, что Господь Богъ и его угодники призывались иногда въ сообщники убійства. Такъ, въ 1576 г. Совѣтъ X, готовя тайное убійство на улицахъ Венеціи турецкаго агента Мустафы, ссылается на „соизволеніе Господа Бога, возвратившаго этого турка въ ихъ городъ“ (96). Въ 1595 г. по удушеніи въ тюрьмѣ албанскаго капитана Цезаря Капуццимальди (*Cesare Capuzzimaldi*) велѣно было дать 26 дукатовъ отцамъ капуцинамъ на поминъ его души (113). Въ 1646 г. далматинскій губернаторъ Фосколо, испрашивая у Совѣта X яду на отравленіе въ Босніи колодцевъ, въ концѣ письма призываетъ Божье благословеніе на этотъ „удивительный ударъ“ (127). Тотъ же генералъ въ 1650 г., повергая на благоусмотрѣніе Совѣта X дѣвольскій планъ посягать между турецкимъ войскомъ въ Кандіи чуму посредствомъ

изготовленной однимъ жидомъ-врачемъ „чумной квинтессенціи“, призываетъ „помощь Господа Бога на это неправдивѣйшее дѣяніе“ и выражаетъ „вѣру въ его милосердіе“ (130). Онъ же, предлагая этому врачу ѣхать въ Кандію для зачумленія Турокъ, указываетъ на „безсмертную заслугу черезъ то передъ Богомъ, государемъ и христіанствомъ“ (138). Совершенно въ томъ же фарисейскомъ духѣ венеціанскій гражданинъ Пазини рекомендовалъ въ 1646 г. государственнымъ инквизиторамъ человѣка, согласнаго убить за 100,000 цехиновъ султана, „при помощи Господа Бога, пресвятой Дѣвы Маріи и нашего патрона евангелиста св. Марка“ (521).

Къ тому же виду психическихъ движеній относятся и притворныя заботы Совѣта X о предсмертной исповѣди своихъ жертвъ, если при этомъ не имѣлось въ виду и раскрытіе какихъ либо новыхъ обстоятельствъ преступленія. Такъ, въ 1561 г. кремскому начальнику (*potestà*) предписано было задушить ночью въ тюрьмѣ его узника Жуана, подвергнувъ предварительно исповѣди по христіанскому обряду (68). То же „удобство“ (*commodità di potersi confessar*) было предоставлено въ 1574 г. турецкому агенту Пьеро да Портогруеръ (*Portogruer*), при удушеніи или утопленіи его ночью въ тюрьмѣ (97), а въ 1575 г. священнику Николаю да Кодройпо (*Codroipo*) при удушеніи въ тюрьмѣ же (100).

VII.

Неистощимо было воображеніе десяти и ихъ пособниковъ при изысканіи способовъ политическаго убійства. Всего чаще, конечно, прибѣгали къ яду, этой спеціальности старыхъ италіанцевъ, особенно же венеціанцевъ. *Tossicare*, *venenare* въ официальномъ языкѣ послѣднихъ были чуть не синонимами словъ: *rimuovere*, *spedire*, *mandar via*, то-есть, устранить, спроводить и т. п. При этомъ различаемы были различныя виды отравленія. Ядъ былъ вводимъ въ организмъ жертвы то въ пиццѣ, то въ напиткахъ, то чрезъ осязаніе (7), или обоняніе (9, 10). Иногда онъ вливался въ лицо, изготовленное въ смятку (411), въ виноградъ (408), фиги (372), конфеты (60), кофе (148), въ чашу вина при мессѣ (371), въ колодцы и цистерны (26 сл., 78, 126 сл., 150); иногда передавался въ видѣ алмазнаго порошка (*polvere di diamante* 147), чрезъ отравленную печать на конвертѣ (463) или въ составѣ „шариковъ, издававшихъ при горѣніи пріятный запахъ“, убивавшій того, кто имъ наслаждался (9, 10). Дѣйствовалъ этотъ ядъ то мгновенно, то дня черезъ два (127—128),

дней через 8—10 (68) или даже 15 (407). Такое искусство въ „дистилляціи ядовъ“ достигнуто было, конечно, не теоретическимъ, а практическимъ путемъ, частыми опытами, которые производились иной разъ по желанію правительства надъ свиньями (6) или и людьми (9, 463).

Г. Ламанскій отыскалъ въ дѣлахъ Совѣта X и рецепты нѣкоторыхъ изъ этихъ ядовъ (534 сл.), которые однако, по заключенію академика Бутлерова, не представляютъ чего-либо рациональнаго въ химическомъ отношеніи, а разчитаны на возможно большее накопленіе ядовитыхъ веществъ, въ смѣси которыхъ могли заключаться „хлоруры аммоніакальныхъ соединеній“ (538). По всей вѣроятности, это рецепты времени упадка Венеціи и ея искусства въ ядовареніи. Для болѣе стараго времени мы должны предполагать тамъ болѣе „раціональные“ методы изготовленія ядовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ ихъ столько разъ испытанное смертоносное дѣйствіе. Изрѣдка встрѣчаемъ мы однако и въ XVI вѣкѣ осѣчки въ венеціанскихъ отравленіяхъ. Такъ, на примѣръ, въ 1574 г. турецкій агентъ два раза былъ отравляемъ безъ дѣйствія (92), по винѣ неопытнаго „дистиллятора“.

Вторымъ обычнымъ приемомъ политическаго убійства было удушеніе. Въ протоколахъ Совѣта X слово *strangolare* встрѣчается если и не такъ часто, какъ *tossicare*, *venenare*, то все же частенько. Иногда правительство предоставляло исполнителю выборъ между отравленіемъ и удушеніемъ (стр. 44, 78, 97). Всего чаще обращались къ послѣднему въ примѣненіи къ жертвамъ, уже попавшимся въ руки правительственныхъ органовъ. Такъ, въ 1574 г. предписано было губернатору (*proveditore*) зантскому схватить албанца Петра Ланца (*Lanze*) и повѣсить его за горло такъ, чтобы онъ умеръ“ (*lo farete arricar per la gola, si chel tuori* 461). Въ 1595 г. приказано было задушить въ тюрьмѣ албанскаго же капитана Цезара Капуццимади (стр. 113).

Третьимъ приемомъ убійства было утопленіе. Оно всего чаще применялось къ плѣннымъ матросамъ и вообще узникамъ флота. Такъ въ 1572 г. Совѣтъ X предписалъ своимъ адмираламъ секретно утопить всѣхъ болѣе значительныхъ турецкихъ моряковъ, взятыхъ въ плѣнъ въ знаменитомъ Лепантскомъ сраженіи (стр. 87). Но подчасъ топили и на сушѣ: такъ въ 1574 г. задрскому ректору приказано было задушить или утопить схваченнаго турецкаго агента (стр. 97).

Рѣдко упоминается въ документахъ сборника убійство ножомъ,

мечомъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ 1472 г. взрубленъ былъ саблями венеціанскихъ наемныхъ солдатъ Хорватскій банъ Тариваль, завлеченный въ сѣти, раскинутыя на него Десятью (стр. 20). Въ 1652 г. рѣшено было убить ружейнымъ выстрѣломъ (con archibuggiata) одного турецкаго пашу въ Албаніи (стр. 141); но Совѣтъ и при этомъ случаѣ выразилъ свое предпочтеніе яду (тамъ же).

И поджоги практиковались Совѣтомъ X для отмщенья политическимъ врагамъ республики, какъ это видно изъ показаній пойманнаго нѣмцами въ 1512 г. фратра Христофора, который вмѣстѣ съ бандою другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ ходилъ по австрійскимъ областямъ и разбрасывалъ по городамъ и селамъ „самбуковыя трости, начиненныя порохомъ и сѣрою“, которыя, зажигаясь при паденіи, производили пожаръ (стр. 413). Эти поджоги были, кажется, вызваны подобнымъ же актомъ венеціанскихъ недоброжелателей—папы Юлія II, императора Максимилиана I и короля Людовика XII, нанесшихъ Венеціи тяжелый ударъ поджогомъ ея арсенала, который и сгорѣлъ 14-го марта 1509 г. (стр. 417, 421 и сл.).

Но всѣ эти способы челоуѣкоубійства блѣднѣютъ передъ гнусной идеей, пришедшей въ 1649 г. въ голову нѣкоему „доброжелательному“ (virtuoso, 129) задрскому врачу и славному „дистиллятору“ Михаилу Анджело Саломоне, какъ видно, италианизованному жиду приготовить особаго рода ликеръ изъ жидкости, выжатой изъ желчи, бубоновъ и карбункула чумныхъ труповъ, въ смѣшеніи съ дѣкоторыми другими ингредиентами. Цѣлью этой „чумной квинтессенціи“ или этого „чумоноснаго сѣмени“ было распространеніе чумы между турецкими войсками, посредствомъ ячумленныхъ этимъ ликеромъ шапочекъ all' albapasa или просто кусковъ сукна, а въ случаѣ надобности и чрезъ вливанія „ликера“ въ цистерны и колодцы (стр. 129). Губернаторъ венеціанской Далмаціи Фосколо принялъ этотъ проектъ подъ свое покровительство и въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ рекомендовалъ его Совѣту X. Послѣдній одобрилъ проектъ въ принципѣ, но выполненіе его обусловилъ желаніемъ главнокомандующаго венеціанскимъ флотомъ (стр. 132). Кажется, и адмиралъ не прочь былъ испытать дѣйствіе „чумной квинтессенціи“, для чего и выписалъ къ себѣ медика Саломоне съ его ликеромъ; но вскорѣ компанія этого года была закончена, и услугами славнаго дистиллятора не пришлось воспользоваться (стр. 139). Вслѣдъ затѣмъ онъ очутился даже въ тюрьмѣ, быть можетъ, за неумѣстную откровенность или неумѣренныя требованія отъ правительства за свою эссенцію. Въ августѣ

1651 г. онъ былъ однако, послѣ полугодичнаго заключенія, выпущенъ на свободу и даже вызванъ вновь на островъ Критъ къ услугамъ адмирала Фосколо (стр. 140), но мы не находимъ въ документахъ сборника свидѣній о дальнѣйшей судьбѣ „ликера“. Быть можетъ, онъ былъ въ концѣ концовъ брошенъ въ море, какъ предполагалось и раньше съ нимъ поступить въ случаѣ невозможности примѣнить къ дѣлу (стр. 135).

Къ этой длинной серіи политическихъ подлостей старой Венеціи примыкаетъ до извѣстной степени по духу и цѣли оригинальное предложеніе, сдѣланное 19-го августа 1579 г. Совѣту X нѣкинъ Маласпиноу: поступить на службу правительства въ качествѣ официального фальсификатора письменныхъ документовъ, паспортовъ, печатей, депешъ и т. п. при помощи прибрѣтеннаго имъ съ большимъ трудомъ искусства поддѣлывать любой почеркъ не только на извѣстныхъ ему лично языкахъ латинскомъ, италіанскомъ, французскомъ и испанскомъ, но при содѣйствіи переводчика и на любомъ другомъ языкѣ, напримѣръ, нѣмецкомъ, греческомъ, славянскомъ, еврейскомъ, турецкомъ и т. п. По мнѣнію изобрѣтателя, при помощи этихъ поддѣлокъ можно будетъ получать чужія деньги, направлять голоса кардиналовъ при выборѣ папы, разстраивать брачныя союзы государей, словомъ—совершать много важныхъ дѣлъ, такъ какъ мѣръ издревле-де управляется письмомъ (стр. 539—541). Предложеніе это признано было заслуживающимъ обсужденія въ Совѣтѣ X и баллотировки въ немъ, при которой однако изъ 25 членовъ 21 высказались противъ принятія на службу такого спеціалиста съ жалованьемъ въ 800 дукатовъ (ib.).

VIII.

Изъ какого же общественнаго класса избирались венеціанскимъ правительствомъ исполнители его смертоубійственныхъ рѣшеній?

Спеціалистами по этой части считались прежде всего бандиты въ смыслѣ людей, поставленныхъ приговоромъ суда внѣ охраны законовъ, а нерѣдко и настоящихъ разбойниковъ. Въ этой средѣ всегда можно было найти лицо „ловкое, способное и вѣрное“ (стр. 152, стр. 54: uno bandito fidelissimo del stato nostro), а съ тѣмъ вмѣстѣ „рѣшительное и смѣливое“ (стр. 28), слѣдовательно, наиболѣе подходящее къ требованіямъ Десяти. Къ тому же услуги такихъ лицъ обходились гораздо дешевле, ибо бандитъ особенно дорожилъ снятіемъ съ него опалы, ничего не стоившимъ Совѣту X. Въ случаѣ

неудачи покушенія и захвата бандита, правительству гораздо легче было отклонить отъ себя отвѣтственность за его показанія, добровольныя или на пыткѣ, чѣмъ при понижѣ болѣе авторитетнаго лица. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ не трудно было и окончательно зажать ротъ безвѣстному бандиту, чтобы похоронить съ нимъ тайну сообщая содѣяннаго злодѣянія.

Нерѣдко къ участію въ убійствѣ была привлекаема дворовая челядь жертвы, особенно его поварь (стр. 142, 316) или постельничій (стр. 300), а также домашній врачъ (стр. 66), либо какой-нибудь другъ дома (стр. 13, 19).

Въ важныхъ случаяхъ убійцы вербовались и въ средѣ болѣе интеллигентной, между нобиліями, напримѣръ (стр. 18, 20, 30, 56, 90, 161), офицерами (стр. 16, 161, 300), драгоманами (стр. 530) и т. п. Но всего чаще пользовались при этомъ услугами латинскихъ ксендзовъ и монаховъ, а нерѣдко епископовъ и кардиналовъ. Последнее обстоятельство такъ невѣроятно, что требуетъ доказательствъ. Вотъ нѣкоторые примѣры въ хронологическомъ порядкѣ:

1) Въ 1419 году одинъ пьяченскій клерикъ (*opus clericus Piacentinus*) предложилъ Совѣту X свои услуги для убіенія Венгерскаго короля (стр. 4), каковымъ былъ тогда его апостолическое величество императоръ Сигизмундъ Люксембургскій, извѣстный дѣятель Констанцскаго собора и гуситскихъ войнъ.

2) Въ 1463 г. одинъ монахъ (*opus frater*) вызвался убить Магомета II (стр. 17).

3) Въ 1478 г. въ Венеціи былъ схваченъ одинъ отшельникъ (*gemitto*), отравлявшій по порученію Неаполитанскаго короля Фердинанда I венеціанскія цистерны (стр. 163).

4) Въ 1499 г. въ албанскомъ г. Драчѣ, во дворцѣ венеціанскаго баяла (консула) былъ отравленъ мѣстный латинскій епископъ Мартинъ его собственными капитульными канониками, именно: архидіакономъ Марціусомъ (*Martius*), архипресвитеромъ Михаиломъ и каноникомъ Наталисомъ Скура (стр. 294, 297), которые предавы были за то суду Венеціанскаго патріарха, но по протекціи правительства уволены якобы за недостаткомъ уликъ (стр. 295), съ запрещеніемъ однако возвращаться въ г. Драчѣ, чтобы не вызывать ропота и смятенія въ мѣстномъ населеніи (стр. 297). Очень правдоподобна догадка г. Ламанскаго, что каноники эти заперли руку на своего епископа по наущенію не Турокъ, а венеціанскаго правительства, которому епископъ Мартинъ не внушалъ полного довѣрія (стр. 297—299).

5) Въ 1504 г. монахъ (frater) Франческо де Раванне сдѣлалъ венеціанскому правительству черезъ его посла въ Римѣ столь ужасное предложеніе, что Совѣтъ X призналъ опаснымъ не только обсудать, но даже вообразить его себѣ: *periculosissima non solum de tractarla, ma de imaginarla et pensarla* (стр. 33). По всей вѣроятности, дѣло шло объ убіеніи папы Юлія II, виновника камбрейской лиги противъ Венеціи.

6) Въ 1513 г. монахъ Іоаннъ Рагузскій (frater Io. de Ragusio) „предложилъ произвести чудеса по части убіенія лицъ неугодныхъ Венеціи (*obtulit se facturum mirabilia ad interitum cuius voluerint certis artificis*), съ тѣмъ чтобы послѣ перваго удачнаго опыта ему назначено было 1500 дукатовъ ежегоднаго жалованья, съ прибавкою разовыхъ за каждое убіеніе (стр. 43), по особой таксѣ (стр. 412).

7) Въ 1546 г. ксендзъ ди Ланци былъ членомъ банды наемныхъ убійцъ на службѣ герцога Феррарскаго, застрѣлившихъ на одной изъ венеціанскихъ улицъ кондотьера Монфроне (стр. 64).

8) Въ 1593 г. францисканецъ Августинъ Нимира, по распоряженію папы Климента VIII, отправленъ былъ на островъ Рабъ для убіенія тамъ нѣкоего Марка ди Шара (Sciara) и двухъ другихъ лицъ (479).

9) Въ 1686 г. „отецъ Филиппъ изъ Ливорно, апостолическій миссіонеръ“ (padre Filippo di Livorno, missionario apostolico), предложилъ венеціанскому правительству свои услуги по отравленію скадрскаго паши Сулимана чашкою кофе (стр. 148).

Наконецъ, напомнимъ здѣсь еще разъ того фратра Христофора, который въ 1509—1511 гг. участвовалъ въ бандѣ венеціанскихъ поджигателей, состоявшей подъ командою фратра же Іоанна и составленной главнымъ образомъ изъ ксендзовъ и монаховъ (*un prete, un frate del' ordine di predicatori, frati del sacco* и т. п. стр. 412, 414).

Но не одни безвѣстные фратры и ксендзы, даже не одни каноники встрѣчаются въ спискахъ венеціанскихъ убійцъ: есть между ними епископы, даже кардиналы. Такъ, въ 1419 году Трапезунтскій архіепископъ (*in partibus infidelium?*) вызвался отравить Мирсилія Каррарскаго (стр. 3—4); въ 1503 г. послѣ неудачнаго заговора на жизнь папы венеціанскаго кардинала Микеля (стр. 317, 319), венеціанскій протезе кардиналъ Адрианъ, при помощи подкупленнаго папскаго повара, отравилъ у себя въ гостяхъ папу Александра VI и его сына Цезаря Борджіа (стр. 315—357); въ 1518 г. кардиналъ (венеціанскій?) Петруччи также былъ уличенъ въ заговоръ на жизнь Льва X (стр. 317), вѣроятно, не безъ участія Синьоріи, которая была

вообще очень имъ не довольна и въ 1515 г. предостерегала Французскаго короля отъ коварныхъ замысловъ папы и его кардиналовъ (стр. 45).

Итакъ, венеціанскіе убійцы вербовались изъ самыхъ разнообразныхъ классовъ мѣстнаго общества, но главнѣйше изъ двухъ: бандитовъ и ксендзовъ. Изрѣдка встрѣчаемъ мы въ этой роли и инородцевъ: француза (стр. 24), испанца (стр. 90), жида (стр. 26, 65), албанца (стр. 27), турка (стр. 26, 144), и даже одного черногорца (стр. 142) и одного хорватскаго племянца (*nobilis Crovatus* стр. 18). И здѣсь мы должны предполагать нравственную атмосферу тогдашней Италіи, а съ нею и вообще тогдашняго латинскаго Запада.

IX.

Совѣтъ X руководился при политическихъ убійствахъ соображеніями государственной пользы, а иногда, какъ мы видѣли, требованіями своей религіи и якобы интересами христіанской образованности. Но исполнители—что получали они за свои услуги? То же, что Иуда Искариотскій: сребреники, только не 30, а гораздо больше.

Убійцы изъ бандитовъ были освобождены отъ ошала, могли возвратиться изъ изгнанія въ Венецію и вновь стать ея полноправными гражданами (стр. 30, 31, 42, 54, 55, 117, 126 и т. д.). Иногда они получали лишь охранную грамоту (*salvus conductus*), но обыкновенно на столь продолжительный срокъ, напримѣръ, на сто лѣтъ (стр. 28), что это равнялось полному снятію ошала.

Затѣмъ убійцы изъ бѣдняковъ получали какую-нибудь подачку или льготу, напримѣръ: кусокъ суена (стр. 147), платье (стр. 26), домишко (стр. 24) или кусокъ земли (стр. 30), право ловить рыбу на какой-нибудь сколин (стр. 79), рекомендацію на службу (стр. 476) и т. п.

Убійцамъ же изъ средняго круга давалось: дворянство (стр. 14), какой-нибудь феодеъ или замокъ (стр. 90, 164), духовная бенефиція на 1000—2000 дукатовъ дохода (стр. 5, 17, 125, 354), команда надъ отрядомъ солдатъ (стр. 55, 162), приданое дочерямъ (стр. 24) и т. п.

Но самую обычную форму вознагражденія за убійство составляли деньги. „Цѣна крови“ бывала при этомъ очень различна: иной разъ она составляла едва нѣскольско дукатовъ разовыхъ (стр. 24, 413, 476) или въ видѣ пенсіи (стр. 25, 26, 30); въ другихъ случаяхъ она изчислялась сотнями дукатовъ разовыхъ (стр. 36, 44, 105, 107, 152, 160) или пенсіи (стр. 18, 24, 28, 79); иногда доходила до одной или нѣсколькихъ

тысячъ дукатовъ разовыхъ (стр. 9, 19, 30, 56, 122, 414) или ежегодной пенсiи (стр. 2, 5, 9, 17, 26, 43, 160, 162, 164), въ важныхъ же случаяхъ достигала десятковъ тысячъ. Такъ, напримѣръ, кардиналъ Адрианъ уплатилъ въ 1503 г. десять тысячъ дукатовъ папскому повару за отравленіе Александра VI и его сына Цезаря Борджіа (стр. 337); въ 1448 г. обѣщано было за убіеніе Миланскаго герцога Франциска Сфорци десять тысячъ дукатовъ разовыхъ да тысячу дукатовъ пенсiи, либо двадцать тысячъ дукатовъ разовыхъ (стр. 160), съ прибавкой еще команды надъ отрядомъ изъ 100—200 человекъ (стр. 162); въ 1453 г. за того же герцога предложено было сто тысячъ дукатовъ и дворянство (стр. 14); въ 1571 г. одинъ испанскій дворянинъ вызвался убить султана Селима II, за пятьдесятъ тысячъ червонцевъ (zecchino), съ придачей замка или феода (стр. 90); за императора Сигизмунда въ 1415 г. условлено было выплатить убійцѣ тридцать-пять тысячъ дукатовъ (стр. 1); при переговорахъ объ убіеніи султана Ибрагима въ 1648 г. было запрошено сто-тысячъ дукатовъ, но потомъ спущено до пятидесяти-четырехъ тысячъ шестисотъ сорока пяти дукатовъ (стр. 540).

Вообще, жизнь султановъ оцѣнивалась венеціанскими спеціалистами всего дороже. Такъ, въ 1513 г. и рагузскій фратеръ Іоаннъ требовалъ за званіе присяжнаго убійцы тысяча-пятьсотъ дукатовъ жалованья, да разовыхъ: пятьсотъ дукатовъ за султана, сто-пятьдесятъ дукатовъ за Испанскаго короля съ путевыми расходами, шестьдесятъ дукатовъ за Миланскаго герцога, пятьдесятъ дукатовъ за маркграфа Мантуанскаго и всего сто дукатовъ за папу (стр. 412). И такъ, даже въ глазахъ латинскаго монаха жизнь „святѣйшаго отца“ цѣнилась впатеро ниже жизни падишаха! Это соответствовало приблизительно не только затрудненіемъ при убіеніи перваго и втораго, но и удѣльному ихъ вѣсу на политическихъ вѣсахъ того времени.

Х.

Констатировавъ по документамъ сборника профессора Ламанскаго фактъ политическаго убійства, какъ одной изъ сильныхъ пружинъ старо-венеціанской политики, мы невольно задаемся вопросомъ о причинахъ появленія и развитія этой тяжелой общественной болѣзни.

И тутъ сборникъ не оставляетъ насъ безъ отвѣта, если и не песонѣннаго, то весьма вѣроятнаго. Сводъ соображеній нашего автора по этиологiи венеціанскихъ политическихъ убійствъ изложенъ на страницахъ 804—830 сборника. Основнымъ ихъ источникомъ профес-

сору Ламанскій считаетъ утилитарную и казуистическую мораль латинской церкви (стр. 809), которая подала государямъ и примѣръ политическихъ убійствъ, объявляя опальными и разрѣшая, даже благословляя всевозможныя насилія надъ отлученными отъ нея (церкви) лицами, областями и цѣлыми народами (стр. 810). Въ самомъ дѣлѣ, если христіанская мораль допускаетъ и даже рекомендуетъ избиеніе невѣрныхъ, анаематизованныхъ, еретиковъ, схизматиковъ и т. п., словомъ—всѣхъ недруговъ латинской церкви, то почему бы и государямъ не казнить то явнымъ, то тайнымъ образомъ своихъ политическихъ противниковъ и недоброжелателей? Если все позволительно дѣлать въ интересахъ латинской церкви, то не слѣдуетъ ли предоставить той же свободѣ въ выборѣ средствъ латинскому государю и государству, въ интересахъ обоихъ? Понизивъ уровень христіанской морали до самаго грубаго утилитаризма, латинская церковь сдѣлала, наконецъ, по словамъ нашего автора, „Господа Бога орудіемъ и сообщникомъ грѣха“ (стр. 830).

Въ Италіи теорія объ „оправданіи средствъ цѣлью“ и практика политическихъ убійствъ развилась раньше и полнѣе лишь потому, что тамъ былъ центръ папизма, локализованный источникъ этой двусмысленной морали и этой развращающей церковно-политической системы; но и въ другихъ римско-католическихъ земляхъ эта система пустила глубокіе корни, какъ явствуетъ, между прочимъ и изъ документальныхъ данныхъ на стр. 417—459 сборника.

То обстоятельство, что Венеція нерѣдко становилась въ холодное и даже враждебное отношеніе къ Римской куріи въ дѣлахъ политическихъ, ни мало не подрываетъ предположенія о связи ея политической морали съ папизмомъ, ибо, и враждуя съ папами, венеціанцы все-таки оставались папистами по своему душевному настроенію. Они не знали или по крайней мѣрѣ не принимали какого-либо другаго просвѣтительнаго начала, на примѣръ, восточно-христіанскаго, а на оборотъ, еще давили послѣднее въ своихъ греко-славянскихъ областяхъ, на сколько это было возможно при тогдашнихъ политическихъ ихъ отношеніяхъ (см. стр. 043—096).

XI.

Вникая ближе въ нравственныя и общественныя условія венеціанской жизни XV—XVI вѣковъ на основаніи собранныхъ, а отчасти и обработанныхъ г. Ламанскимъ данныхъ, мы замѣчаемъ очень темный и неприглядный фонъ этой жизни въ блестящій пе-

рідь возрожденія и гуманизма. Изъ-подъ пышнаго пурпура дожей выглядываютъ лохмотья подданныхъ; на рукахъ же адриатической красавицы алѣютъ пятна плохо смытой крови жертвъ.

Правда, и прежде было извѣстно, что героическій періодъ своей исторіи Венеція прожила въ средніе вѣка, что зенитомъ ея политической силы и славы былъ походъ Дандоло на Царьградъ и послѣдовавшій затѣмъ раздѣлъ европейскихъ областей Восточной имперіи между франками, при чемъ львиная доля досталась именно льву св. Марка, что съ XV—XVI вѣковъ богатства и роскошь постепенно деморализовали бѣдныхъ нѣкогда рыбаковъ лагуны, что съ открытія Новаго Свѣта, новыхъ океаническихъ путей для всемірной торговли, начинаетъ закатываться блестящая звѣзда Венеціи, затмеваемая сіяніемъ новыхъ морскихъ свѣтилъ—Испаніи, Португаліи, Голландіи, Англій; но что процессъ общественнаго и политическаго разложенія совершался здѣсь съ такою быстротой и неотразимою силой, это было неизвѣстно до изданія сборника г. Ламанскаго.

Прекрасную, хотя и нѣсколько пересоленную характеристику венеціанскаго общества и правительства въ началѣ XVI вѣка находимъ мы въ посольскихъ рѣчахъ и въ памфлетѣ французскаго дипломата того времени Геліана. Въ одной изъ своихъ рѣчей (24—28 іюня 1510 г.), сказанной на официальной аудіенціи у Угорскаго короля, онъ называетъ венеціанцевъ „лѣсными звѣрями и полонками чловѣчества“ (*bestie fere et colluvies hominum* 308), драконами, опасными для христіанства не меньше турокъ, узурпаторами, отгнавшими отъ Угріи Далмацію, съ ея 300 островами и 14 епископіями, виновниками утраты Царьграда и Іерусалима, достойными возвращенія въ первобытное состояніе, то-есть, въ рыбаковъ и ткачей (*ibidem*). Еще болѣе рѣзкими эпитетами охарактеризовалъ онъ венеціанцевъ въ рѣчи, сказанной угорскимъ чинамъ 25-го іюня того же года: это-де тираны, обманщики, грязные торгаши, убійцы, плуты, клеветники (310), виновники между прочимъ и турецкихъ успѣховъ въ Европѣ (*ibidem*).

Въ памфлетѣ, напечатанномъ въ 1510 г. въ Аусбургѣ, тотъ же Геліанъ называетъ Венецію „ядовитѣйшею и мятежною ехидною“ (417). Венеціанскіе дипломаты избираются-де изъ самыхъ хитрыхъ и тертыхъ сенаторовъ, чтобы тѣмъ легче было уловлять въ свои сѣти умы государей.... Много потеряли-де они уже денегъ, городовъ, областей, но не утратили своей гордости, коварства, пронырства. Будучи сами людьми жесточайшими, они тѣмъ не менѣе не

стѣснятся-де разными философами склонять васъ къ великодушію, ссылаясъ при этомъ на Бога и его милосердіе, поддерживая доводи мольбою, а мольбу деньгами... А между тѣмъ сами они, увлекаемые жадностію и властолюбіемъ, поступились ли-де тѣмъ-нибудь изъ-за правды и чести, помиловали ли какого человѣка или даже Бога?... Они отравили-де Кипрскаго короля Іакова съ сыномъ, чтобы захватить этотъ обширный островъ, на которомъ было девять королевствъ.... У Аквилейскаго патриарха они отняли-де Истрію и половину Венеціанской области.... Они не только ограбили-де и умертвили 12 аквилейскихъ канониковъ, но еще установили въ память этого преступленія ежегодный праздникъ, состоящій въ публичномъ убіеніи гладіаторами на площади, въ карнавальнѣй четвергъ, 12-ти откормленныхъ свиней съ выбритыми шеями.... У Угорскаго короля они захватили-де 300 острововъ, 10 епископскихъ городовъ, двѣ области (Далмацію и Либурнію), множество портовъ и до 50.000 шаговъ морскаго берега. Они ограбили-де императора Константинопольскаго и многихъ италіанскихъ государей.... Да и могутъ ли-де воздержаться отъ преступленій люди, которые составились изъ различныхъ бродягъ, сбѣжавшихся въ венеціанскія болота, люди, жившіе прежде рыбачествомъ, потомъ корабельничествомъ и судоходствомъ, затѣмъ торговлей, а наконецъ изъ купцовъ ставшіе обладателями прекраснѣйшихъ областей, при помощи разбоевъ, убійствъ, отравленій и другихъ гнусныхъ преступленій? Они называютъ-де своимъ море, которое должно быть общимъ достояніемъ всѣхъ народовъ! Ежегодно они даже обручаются съ моремъ, бросая въ него кольцо. Никогда еще не было-де ни столь легкомысленнаго грека, ни столь дерзкаго варвара, который обручался бы съ моремъ! Не отъ этого ли брака родились-де у Венеціанцевъ дѣти — ненасытные киты, мерзкіе циклопы и полифомы, которые заражаютъ море сильнѣе всѣхъ чудовищъ, разбойниковъ и пиратовъ? Это хорошо знаютъ-де дубровчане, доведенные Венеціей до такого отчаянія, что принуждены были искать покровительства турокъ и стать ихъ данниками. Адриатическое море венеціанцы до того зачумили-де своими указами и пиратами, что италіанцы, рожденные для мореходства, могутъ лишь смотрѣть на него, но не рѣшаются ѣздить. Сколько разорили-де они богатыхъ семействъ и цвѣтущихъ городовъ! Они захватили-де торговую монополію въ Александрію, Сирію, Азію, Грецію, Африку, словомъ—во всѣхъ моряхъ невѣрныхъ. То же и на сушѣ. Своихъ подданныхъ, словно скотъ какой, заставляютъ-де они

сооружать громады, сдають въ солдаты, приковываютъ къ галерамъ, истощаютъ безчисленными налогами. Ихъ правители опытни не въ законовѣдннн, философіи, религіи, а въ вымогательствѣ денегъ, въ приноравливаніи къ обычаямъ варваровъ и обрядамъ мусульманскимъ. Вѣда имѣть одного или двухъ такихъ господъ, а что же дѣлать съ ихъ тысячами или безчисленнымъ почти множествомъ? Они опустошаютъ-де цѣлыя области, при чемъ никто изъ мѣстныхъ жителей не удостоивается ни какой-либо духовной или свѣтской должности, ни званія нобилей... Въ теченіе вѣковъ не было такой войны между христіанами, въ которой они не были бы виновниками. Они надуютъ-де каждого, кто придетъ съ ними въ какое-либо отношеніе. А что можетъ сравниться съ ихъ гордостью? Насъ они называютъ-де варварами, пьяницами, олухами, единственно за то, что мы не одѣваемся въ пурпуръ, не бережемъ въ сундукахъ тысячей, не жестикулируемъ при разговорѣ и не ѣдимъ серебряными вилками. Нѣтъ границъ ихъ насмѣшкамъ надъ галлами, а еще болѣе надъ вами, — нѣмцами. Не бываетъ-де въ Венеціи такой комедіи, въ которой нѣмецъ не былъ бы выведенъ въ роли главнаго шута. О венеціанскомъ скражничествѣ не стоитъ и говорить. Нѣмецкимъ купцамъ они даютъ де ссуды на 30% и то не въ годъ, а въ день! Такимъ образомъ имъ приходится де съ нѣмцевъ 40 — 50.000 дук. ежегодной дани. Нечего-де распространяться объ ихъ обжорствѣ и развратѣ. Достаточно сослаться на арміи сводниковъ, публичныхъ женщинъ и мальчишекъ. При этомъ не принимается-де въ разчетъ ни родство, ни религія, ни возрастъ, ни полъ. Тутъ и кровосмѣшеніе, и содомитство, и всякая мерзость. О венеціанской жестокости свидѣтельствуютъ-де ихъ пытки и казни. Чудныя зданія Венеціи сооружены изъ римскихъ и греческихъ развалинъ и трофеевъ, изъ остатковъ древности многихъ городовъ... Зданія эти можно-де сберечь, но тираннію необходимо искоренить.... Не подобаетъ ни царямъ торговать, ни торговцамъ царствовать.... Кто-де назоветъ васъ, нѣмцы, мужчинами, если вы станете долѣ терпѣть правленіе этой хищной гарніи, этихъ ядовитѣйшихъ аспидовъ, этихъ измѣнчивыхъ рысей и хитрыхъ тигрицъ (417—421).

Положимъ, въ рѣчахъ Геліана и его зломъ памфлетѣ на Венецію мы не можемъ видѣть спокойной и объективной оцѣнки ея характера и роли; но все же они свидѣтельствуютъ о неособенно лестныхъ взглядахъ на республику нѣкоторыхъ государственныхъ людей того времени. Это подтверждается и аналогичными отзывами о ней трехъ

германскихъ пословъ въ Бюдинѣ въ 1511 году, гдѣ венеціанцы обзываются „общими врагами и всесвѣтными грабителями, непріятелями церкви и всѣхъ христіанскихъ государей“ (442).

Нѣсколько лѣтъ спустя, 17-го августа 1517 г., англійскій кардиналъ Вольсей сказалъ въ глаза венеціанскому послу въ Англии Джустиніани, что онъ, Вольсей, не питаетъ ни малѣйшаго уваженія ни къ нему Джустиніани, ни вообще къ венеціанцамъ, ибо знаетъ, что они всегда защищаютъ негодяевъ и матажниковъ (и преслѣдуютъ честныхъ людей, что они искони были противниками папъ, дѣйствуя при этомъ коварно и плутовски, такъ что Венеція сдѣлалась наконецъ убѣжищемъ заговорщиковъ противъ папства (355).

Еще болѣе краспорѣчивымъ свидѣтельствомъ нелюбви тогдашнихъ европейцевъ къ Венеціи служитъ тотъ фактъ, что нѣкоторые изъ западныхъ государей предпочитали венеціанцамъ даже ненавистныхъ турокъ. Такъ папа Александръ VI въ 1500 г. совѣтовалъ Французскому королю позволить Туркамъ потрепать венеціанцевъ (324). И Марино Санудо свидѣтельствуетъ въ своемъ дневникѣ, что во время турецко-венеціанской войны 1499 г. никто не хотѣлъ помогать республикѣ, а на оборотъ, всѣ какъ будто еще радовались ея неудачамъ (345).

Въ 1509 г. Французскій король Людовикъ XII въ письмѣ къ папѣ Юлію II признаетъ необходимымъ искоренить самое имя венеціанцевъ, раздѣливъ ихъ владѣнія между Франціей, Испаніей, Германіей и папою (417). Къ несчастью для Европы, планъ Людовика XII и его союзниковъ не осуществился. Венеція пережила кое-какъ роковую для нея эпоху Камбрейской лиги и имѣла потомъ возможность оказать туркамъ не одну услугу въ ихъ борьбѣ съ Западомъ. Этимъ отчасти объясняются и блестящіе успѣхи въ Угріи Салимана Великолѣнаго, парализовавшіе на два почти вѣка ея германизацію и тѣмъ оказавшіе большую услугу Славянамъ въ ихъ придунайской отчизнѣ и дѣдинѣ.

Но и независимо отъ отзывовъ и мнѣній современниковъ мы имѣемъ много документальныхъ доказательствъ нравственнаго и общественнаго упадка Венеціи XVI вѣка.

Венеціанскіе нобили, монополизовавшіе въ своихъ рукахъ всю власть въ республикѣ, никогда не могли эманципироваться отъ грѣшковъ своего купеческаго происхожденія. На оборотъ, привычка измѣрять всѣ человѣческія отношенія на аршинъ торгаша дошла до крайнихъ размѣровъ въ тотъ періодъ, который обыкновенно считается

зениномъ венеціанской силы и славы, и который наиболѣе освѣщенъ данными нашего сборника.

Торгашеская разчетливость, не парализуемая никакими высшими стремленіями и соображеніями, выражалась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ разврата (695—699).

Рѣдко отрѣшался нобиль отъ аршинничества и на государственной службѣ. Уже сколько придумано было мѣстными законодателями предосторожностей противъ взяточничества при выборѣ дожа въ Большомъ Совѣтѣ: очередь голосованія опредѣлялась жребіемъ; жребіемъ же избираема была первая коммиссія 30 избирателей; жребіемъ изъ ихъ среды избиралась вторая коммиссія 9 избирателей, составлявшая закрытою баллотировкою списокъ третьей коммиссіи 40 избирателей; эти 40 избирали вновь четвертую коммиссію 12 избирателей; эти 12 — пятую коммиссію 25; 25 — шестую 9; 9 — седьмую 45; 45 — восьмую 11; 11, наконецъ, избирали девятую окончательную коммиссію изъ 41 избирателей, которые клали въ урну имена предложенныхъ ими кандидатовъ и по очереди ихъ баллотировали, по выслушаніи необходимыхъ объясненій, при чемъ первый кандидатъ, получившій не менѣе 25 голосовъ изъ 41, провозглашался дожемъ (713—716). И не смотря на всю эту сложную процедуру, злоупотребленія при выборахъ дожей были самымъ обычнымъ явленіемъ въ XV—XVI вв., какъ это видно изъ цѣлаго ряда непрерывно повторяемыхъ, слѣдовательно, бессильныхъ законовъ (720 сл.). Лучшимъ доказательствомъ постоянной и правильной организаціи избирательныхъ маневровъ (*broglio*) въ старой Венеціи служитъ тотъ фактъ, что въ ней въ теченіе 230 лѣтъ (1382—1612 гг.) при 29 выборахъ дожей не прошелъ ни одинъ изъ членовъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ венеціанскихъ семей, каковы были, на примѣръ, Bembo, Контарини, Корнаро, Дандоло, Фальери, Градениго, Морозини, Сануто и др., не прошелъ по той причинѣ, что противъ этихъ венеціанскихъ тори поддерживалась систематическая оппозиція болѣе новыхъ семей, на примѣръ, Барбариги, Донато, Фоскари, Гримани, Гритти, Лоредано, Малипiero, Мочениго, Моро, Веніеръ и др. (722).

Духъ торгашества выражается въ средѣ нобилей и въ ихъ склонности къ подкупамъ отъ иностранныхъ государей, не смотря на строгую кару законовъ. Даже между сенаторами нерѣдко находились измѣнники, за деньги выдававшіе иностраннымъ правительствамъ тайну доложенныхъ или рѣшенныхъ дѣлъ (703, 705, 744), что и

было одною изъ причинъ усиленія Совѣта X и намѣреннаго измѣненія имъ нѣкоторыхъ донесеній при докладѣ сенату.

Занимая всѣ высшіе административныя посты какъ въ Италіи, такъ въ Далмаціи и на Левантѣ, венеціанскіе нобилы и тутъ по старой привычкѣ никакъ не могли воздержаться отъ торгашества. Такъ, напримѣръ, венеціанскій ректоръ на островѣ Скиросѣ (Scyros) по донесенію Пасквалиго въ 1531 г., монополизировалъ тамъ торговлю хлѣбомъ, продавая его по невозможнымъ цѣнамъ и воспрещая жителямъ пріобрѣтать для себя хлѣбъ изчужа, вслѣдствіе чего голодъ заставилъ до 200 изъ нихъ бѣжать въ Турцію (03). Этому же савонникъ изнасиловалъ на своемъ островѣ одну молодую гречанку, за что, по рѣшенію Сената, долженъ былъ дать ей приданое (05). Вдобавокъ онъ посылалъ еще вооруженныя бригагинны для каперства турецкихъ торговыхъ судовъ (05). Великолѣпныя кипарисовыя лѣса греческихъ острововъ были вырублены этими кулаками-ректорами для постройки себѣ судовъ (598).

Казнокрадство чиновниковъ было главною причиною разстройства государственныхъ финансовъ. Эта богатая республика въ XVI в. нерѣдко не имѣла денегъ на уплату жалованья (609, 610), ремонтъ крѣпостей (598, ср. 583, 610, 611), поддержку военнаго флота (581). По донесенію Пасквалиго въ 1602 г., изъ 28 венеціанскихъ галеръ лишь 14 были въ хорошемъ состояніи, остальные же въ очень посредственномъ, по причинѣ скуднаго жалованья моряковъ (583). Капитаны кораблей нерѣдко содержали свой экипажъ лишь въ половинномъ числѣ или и совсѣмъ распускали, такъ что нѣкоторыя галеры состояли на бумагѣ, а не на дѣлѣ (575, 587). Низкое и неаккуратно выплачиваемое матросамъ жалованье заставляло ихъ, вмѣстѣ съ капитанами, переходить на службу въ Геную, Пизу, Неаполь, Сицилію, Дубровникъ (561). Въ 1620 г. Мочениго донесъ сенату, что много венеціанскихъ моряковъ перешло въ греческую службу; главнымъ образомъ, изъ-за негодности къ употребленію въ пищу хваленыхъ венеціанскихъ сухарей (591). По этой же причинѣ въ венеціанскомъ флотѣ нерѣдко возникали бунты, напримѣръ, въ 1500 г. (345), парализовавшіе боевую его силу. Флотъ венеціанскій постепенно отсталъ отъ испанскаго, французскаго, италіанскаго, даже мальтійскаго (588), вслѣдствіе чего онъ не въ силахъ былъ охранять Адриатику отъ пиратства Ускоковъ (580), а равно корсаровъ турецкихъ (599) и западныхъ (601). Изъ того же торгашескаго духа нобилей-администраторовъ простекали злоупотребленія и вымогательства венеціанскихъ таможенъ.

отпугивавшія купцовъ отъ ихъ портовыхъ городовъ (671); отсюда же—взяточничество секретарей различныхъ присутствій (677), которые при частой смѣнѣ выборныхъ сановниковъ имѣли въ нихъ рѣшающій почти голосъ.

Тѣмъ же объясняется скудость между нобиліями военныхъ дарованій, при обилии талантливыхъ дипломатовъ (550). Въ этомъ отношеніи совершенно правъ былъ Людовикъ XII, сказавшій въ 1499 г. венеціанскому послу Лоредану: „Вы, венеціанцы, народъ смышленный и богатый, но не имѣете духа въ предпріятіяхъ: вы слишкомъ боитесь смерти; мы же приступаемъ къ войнѣ съ рѣшимостью побѣдить или умереть“ (550). И другіе французы того времени называли иногда венеціанцевъ „трусливыми бабами“ (ib.). Да и сами венеціанскіе полководцы, напримѣръ, Лед. Моро, сознавались въ трусости венеціанскихъ войскъ (ib.). Еще одною изъ причинъ медлительности венеціанскихъ генераловъ былъ старій обыкновенно ихъ возрастъ, располагавшій болѣе къ осторожности и расчетливости, чѣмъ къ быстротѣ дѣйствій (ib.).

Холодная жестокость венеціанскихъ правителей всего лучше видна изъ сохранившихся свѣдѣній о венеціанскихъ тюрьмахъ (679), пыткахъ, увѣчьяхъ по судебнымъ приговорамъ (690). Не удивительно, что на этой почвѣ развилось такое учрежденіе, какъ Совѣтъ X, который, по мнѣнію г. Ламанскаго, напоминаетъ революціонный *comité de salut public*, но съ олигархическимъ характеромъ и въ постоянной дѣятельности (754).

Отсутствіе опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ отражается и въ колебаніяхъ венеціанской политики. При Магометѣ II критика была противъ Турокъ, при Баязетѣ II за нихъ; въ 1525—1529 гг. она помогала Солиману Великолѣпному противъ Карла V и Фердинанда I (763, 773); въ 1537—1539 же годахъ и въ 1569—1570, на оборотъ, соединилась съ Испаніей противъ султана, за что поплатилась утратою сначала Мореи, а потомъ и Кипра (798). То же и въ отношеніяхъ къ французамъ: въ 1509—1510 гг. Венеція употребляла всевозможныя усилія для освобожденія Италіи отъ французскаго рабства, а въ 1514—1515 гг., на оборотъ, призывала французовъ въ Миланъ „для освобожденія Италіи отъ ига нѣмецкаго и испанскаго“ (449).

Спустившись ступеню ниже, мы встрѣчаемъ второй интеллигентный классъ старой Венеціи—духовенство. Уже выше мы видѣли, что изъ его среды выходило особенно много убійць. Это свидѣтельствоуетъ

о низкомъ уровнѣ нравственнаго развитія венеціанскаго клира. Венеціанскіе кардиналы, злоумышлявшіе на жизнь папъ, какъ, напримѣръ, кардиналъ Іоаннъ Микель въ 1503 г. (317, 319), раздѣляли, очевидно, политическую мораль Десяти. То же должны мы думать о венеціанскихъ каноникахъ, отравившихъ въ 1499 г. въ Драчѣ своего собственнаго епископа (294 сл.) и тѣмъ же мѣтѣ оправданныхъ на духовномъ судѣ Венеціанскаго патриарха (298). Если прибавить къ этому развратъ венеціанскихъ монаховъ и монахинь (702, 694, 696), укрывательство въ монастыряхъ бандитовъ (686), скандальную жизнь венеціанскихъ ксендзовъ, выходившихъ обыкновенно изъ подонковъ мѣстнаго общества (702), готовность этихъ ксендзовъ служить въ роли шпіоновъ (755), пользуясь нвоей развратности для этого и исповѣдью (*per viam confessionis ib.*),—то получимъ довольно мрачную картину быта и отношеній латинскаго клира старой Венеціи. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи разказъ Гаримберто объ условіяхъ выбора въ Венеціанскіе патриархи „самой лѣнливой и несвѣдущей скотины“, Матвѣя Герарди: онъ былъ-де рекомендованъ папѣ Інокентію VIII венеціанскими кардиналами Микелемъ, Барбо и Зено единственно съ тою цѣлью, чтобъ устранить кандидатуру благороднаго и вліятельнаго Гримани. Герарди дѣйствительно былъ-де назначенъ въ патриархи, но потомъ отравленъ венеціанцами за бѣлый шаръ, который онъ далъ въ конклавѣ Александру VI, вопреки желанію своего правительства, протезировавшаго другого кандидата (343).

Не смотря на такую деморализацію венеціанскаго клира, а быть можетъ, и благодаря ей, онъ съ величайшимъ высокомѣріемъ глядѣлъ на „поповъ“ греческихъ, и правительству республики не легко было даже въ критическія минуты обуздывать своихъ латинскихъ епископовъ въ ихъ посягательствахъ на права Греческой церкви (065—096).

Имѣя такихъ правителей и учителей, конечно, и низшіе классы венеціанскаго населенія не могли не подчиниться въ большей или меньшей степени деморализующему ихъ вліянію. Одинъ уже фактъ всегдашней готовности бандитовъ искупать свои грѣхи убійствомъ собрата или собратовъ по ремеслу, для полученія назначенной правительствомъ платы за голову (*taglia*, 558, 687), доказываетъ глубокую деморализацію и низшихъ слоевъ венеціанскаго населенія. Служеніе золотому тельцу и здѣсь было въ полной силѣ, какъ видно изъ найма Совѣтомъ X убійцы въ средѣ бандитовъ, поваровъ, лакеевъ,

фельдшеровъ и т. п., нерѣдко даже противъ ихъ собственныхъ друзей, господъ и благодѣтелей.

Подобно нобилямъ, и плебеи венеціанскіе изъ италіанцевъ не любили рисковать своею жизнію за отечество, предпочитая гондольерство службѣ во флотѣ или въ арміи (551, 567), такъ что приходилось издавать законы для ограниченія этого вида лаццаронства. Нищенство, составляющее и теперь язву италіанскихъ городовъ, было сильно развито въ Венеціи еще въ XV—XVI вв. (692). О мятежномъ настроеніи венеціанскаго плебея свидѣлствуютъ частыя возстанія и уличныя бунты въ столицѣ. Они были бы, безъ сомнѣнія, еще чаще и гибельнѣе, еслибы нобили не умѣли парализовать силъ своего италіанскаго плебса противодѣйствіемъ многочисленной прислуги славянскаго, албанскаго и греческаго происхожденія (685). Такимъ образомъ, не только внѣшнимъ своимъ величіемъ, успѣхами арміи и флота, завоеваніемъ многихъ областей въ Италіи, на Балканскомъ полуостровѣ и водахъ Леванта, но и домашнимъ спокойствіемъ обязана была республика главнѣйше ея славянскимъ, албанскимъ и греческимъ подданнымъ. Чрезвычайно характеренъ въ этомъ отношеніи фактъ найма въ 1572 г. 7000 чеховъ въ гребцы венеціанскаго флота (799). Итакъ, даже чехи, никогда не выдавшіе моря, больше годились въ морскую службу, чѣмъ италіанскіе подданные республики! Вообще же, старая Венеція любила и умѣла „чужими руками загребать жаръ“. Это правило хорошо зналъ и старый Дандоло во время четвертаго крестоваго похода.

Въ этомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ старая Венеція весьма похожа была на новую Австро-Венгрію, какъ-то правильно замѣтилъ и г. Ламанскій на стр. 547 сл. своего сборника. Разница заключалась лишь въ томъ, что Венеція все же принесла своимъ греко-славянскимъ подданнымъ и нѣкоторую пользу, что трудно сказать объ Австро-Венгріи.

Польза эта выразилась не только въ культурномъ вліяніи на старую Далмацію, которое вызвало къ жизни замѣчательную—если не по содержанію, то хоть по выраженію—дубровницкую литературу XV—XVII вв., но еще больше въ поддержкѣ, оказанной Венеціей Турціи въ тотъ тяжелый переходный періодъ греко-славянской исторіи, когда старый ея представитель, Византія, сошла со сцены, а новый, Москва, еще недостаточно окрѣпла въ матеріальномъ и духовномъ отношеніяхъ, для отраженія съ Востока „франковъ“ средне-вѣковыхъ и ново-европейскихъ. Правда, и Венеція вела по време-

намъ ожесточенныя войны съ турками, но чаще она предупреждала ихъ о замыслахъ болѣе опасныхъ противниковъ, напримѣръ, Габсбурговъ испанско-австрійскихъ, которые, пожалуй, и вытѣснили бы въ XVI в. турокъ если не изъ Оракии, то хоть изъ Угрии, Иллирика, Мизии, Дакии, не помѣшай имъ въ томъ Венеція, а еще болѣе Франція. Последняя тоже оказалась въ этомъ случаѣ невольнымъ союзникомъ славянъ въ ихъ борьбѣ съ Западомъ за свои старія подкарпатскія, подбалканскія и подальпійскія гнѣзда.

Второе преимущество старой Венеціи передъ Австріей заключается въ меньшемъ ея сервиллизмѣ въ отношеніи къ Риму. Конечно, и Венеція сначала до конца оставалась государствомъ латинскимъ; но, подчиняя вообще интересы духовныя матеріальнымъ, она не расположена была рисковать въ угоду папѣ какимъ-либо изъ своихъ владѣній. Иной разъ она мужественно возставала противъ продажныхъ и подкупныхъ папскихъ буллъ, если видѣла въ нихъ вмѣшательство въ дѣла республики (684). Даже авторитетъ Тридентскаго собора не былъ въ глазахъ Венеціи на столько силенъ, чтобы подчинить его рѣшеніямъ интересы венеціанской политики (065—066).

Наконецъ, венеціанское правительство, преслѣдуя во всѣхъ своихъ восточныхъ владѣніяхъ главнѣйше фискальныя цѣли, не вторгалось такъ глубоко въ юридическій бытъ своихъ инородческихъ населеній, какъ Австрія. Оно допускало мѣстные статуты, городскіе и областные совѣты изъ мѣстныхъ жителей; оно выслушивало жалобы ихъ на венеціанскую администрацію, отъ времени до времени снаряжало синдиковъ для ревизіи управленія и раскрытія злоупотребленій въ немъ (593) и т. п. Сверхъ того, между венеціанскими савонниками нерѣдко встрѣчаемъ людей истинно гуманныхъ и безпристрастныхъ даже къ поработеннымъ народностямъ и классамъ населенія, какъ свидѣлствуютъ ихъ прекрасныя донесенія правительству, со строгою оцѣнкою то дѣятельности его органовъ, то нѣкоторыхъ общихъ порядковъ управленія.

Эти донесенія и для насъ являются чистымъ и глубокимъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о многихъ темныхъ эпохахъ греко-славянской жизни. Сомнительно, чтобы равносильный этому родинкѣ когда-нибудь открытъ былъ въ тайныхъ архивахъ Вѣны и Пешта.

А. Вудловичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХVIII.

1885.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ	53
И. А. Лавровскій. Былъ ли святѣй Кирилль Солунскій епископомъ.	161
М. С. Дриновъ. Новый церковно-славянскій памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ	176
В. Г. Васильевскій. Обновленіе болгарскаго патріаршества при царѣ Іоаннѣ Асѣнѣ II въ 1236 году (<i>окончаніе</i>)	206

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. Н. Веселовскій. Новыя изслѣдованія о французскомъ эпосѣ.	239
А. С. Вудиловичъ. Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса (<i>продолженіе</i>)	285
А. П. Соболевскій. Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи. <i>И. П. Барсова</i> . 1885.	300
Н. П. Петровъ. Къ исторіи южно-русской литературы XVII столѣтія. <i>Н. Ф. Сумцова</i> . 1884—1885.	307
Н. Д. Чечулинъ. Извѣстіе о походженіи С. С. Пишчевича. Издано <i>Н. А. Поповымъ</i> . 1883	327
Ф. М. Истоминъ. Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго. <i>П. Д. Голохвастова</i> . 1883 (<i>окончаніе</i>)	338
М. Н—чъ. <i>А. Штернъ</i> . Всеобщая исторія литературы. 1885.	361
И. А. Сырку. Румынскій журналъ народнаго просвѣщенія	363
— Наша учебная литература (разборъ 21 книгъ)	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Объ изданіяхъ святѣйшаго синода ко дню тысячелѣтія блаженной кончины первоучителя славянъ св. Меѳодія	97
— Императорское Русское Археологическое Общество въ 1884 г.	101
— Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1884 г.	107
— Наши учебныя заведенія: Московскій университетъ въ 1884 г.	115

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ф. Ф. Зѣлинскій. О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттической комедіи	177
--	-----

Редакторъ Л. Майновъ.

(Вышла 4-го апрѣля).

прось о Мерovingскомъ эпосѣ, ибо—эпосъ или не эпосъ, онъ глубоко затерялся въ фундаментѣ, на которомъ построились роскошныя палаты французскихъ *chansons de geste*.

А. Веселовскій.

Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса ¹⁾.

Sécrets d'état de Venise. Par *Vl. Lamansky*. St.-Pétérshbourg. 1884.

XII.

Перейдя отъ Венеціи къ прочимъ италіанскимъ городамъ и государствамъ того времени, мы замѣтимъ, что въ отношеніи нравственномъ и общественномъ они мало отличались отъ республики св. Марка. И тамъ довольно широко примѣнялась система политическихъ убійствъ, какъ видно, между прочимъ, изъ документовъ Сборника В. И. Ламанскаго, относящихся къ Миланскому герцогу Іоанну Галеацу Висконти. Онъ покушался, по увѣреніямъ флорентинскаго правительства, на отравленіе Германскаго императора съ женой и дѣтьми, подсылая отравителей колодцевъ въ Триентъ, при посредствѣ своего медика отправлялъ на тотъ свѣтъ ядомъ въ видѣ медикаментовъ, своихъ вельможъ, на примѣръ, Бессо, Бивилевка, Палависино и др. (стр. 157—158), и не смотря на все это, причисленъ былъ миланскимъ духовенствомъ къ лику святыхъ (стр. 158)! Къ какой изысканной жестокости способны были эти старо-италійскіе владычители, видно изъ придуманной однимъ изъ предковъ того же Висконти въ 1362—1363 гг., такъ-называемой четырехдесятичной казни, описаніе которой находимъ въ Сборникѣ на стр. 159.

Господство въ тогдашней Италіи той же утилитарной морали, съ которою мы познакомились въ Венеціи, видно, между прочимъ, и изъ сочиненій Макіавели, а равно изъ анонимной италіанской записки XVI вѣка „О правѣ государей посягать на жизнь своихъ политическихъ враговъ“, гдѣ, между прочимъ, сказано, что государственные интересы должны руководить волей и дѣйствіями государей даже въ томъ случаѣ, если это противорѣчитъ обычаю и доброй нравственности (стр. 530).

Эта шаткость политической и общественной морали не могла не отражаться и на духѣ италіанскаго населенія. Оно представляло, на примѣръ, очень плохой матеріалъ для военной службы. Самъ папа

¹⁾ См. февральскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за текущій годъ.

Левъ X сказалъ въ 1514 г. венеціанскому послу Ландо, что, по мнѣнію людей опытныхъ, италіанскіе пѣхотинцы не годятся къ дѣлу, и что шесть такихъ солдатъ не стоятъ одного швейцарскаго или испанскаго (стр. 550). И нѣсколько раньше, въ 1495 г., венеціанскій посолъ въ Римѣ Гвидичіони (Guidiccioni) писалъ, что въ Италіи нѣтъ собственно военной дисциплины, что въ ней предпочитаютъ рѣшать дѣла умомъ и переговорами, чѣмъ силой оружія (стр. 550). Лѣтъ сто спустя, въ 1583 г., венеціанскій генералъ Суріано доносилъ своему правительству, что италіанскіе пѣхотинцы мало пригодны для сраженія на галерахъ, въ сравненіи со старыми греческими, далматинскими и даже албапскими солдатами (стр. 565).

Не въ этомъ ли заключается объясненіе той жалкой политической роли, какую играла въ средніе, да и въ новыя вѣка Италія, не взирая на высокое развитіе въ ней наукъ, искусствъ и общественной жизни? Невольно припоминается мнѣ при этомъ разговоръ мой въ 1874 г. съ однимъ хорватскимъ граничаромъ относительно боевыхъ достоинствъ различныхъ граничарскихъ полковъ. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи онъ призналъ бравымъ личностямъ, которые, по его словамъ, „надежныѣ сердцемъ“ остальныхъ граничаръ и „надежныѣ“ именно потому, что всѣ—православные (влахи), тогда какъ въ остальныхъ граничарскихъ полкахъ значительная часть латиняне (шокцы). Положимъ, французы и испанцы умѣли долгое время соединять папизмъ съ военнымъ духомъ; но они вѣдь и живутъ подалеже отъ средоточія этого папизма. На разстояніи они могли идеализовать то, что италіанцамъ представлялось пошлымъ и привземистымъ. Къ тому же и въ этихъ католическихъ странахъ военный пылъ въ концѣ концовъ подорванъ былъ „ненадежностію сердца“, въ развитіи которой едва ли не принималъ нѣкотораго участія и церковный строй.

ХІІІ.

На ряду съ Венеціей довольно видную и вліятельную роль въ восточномъ вопросѣ игралъ папскій Римъ. Такъ какъ въ Сборникѣ В. И. Ламанскаго собрано много новыхъ данныхъ и разсѣяно не мало важныхъ замѣчаній о роли этого фактора въ XV—XVI вв., то я и остановлюсь теперь на немъ нѣсколько подробнѣе, съ цѣлію рассмотреть папство того времени со стороны его политической морали, а равно и того авторитета, которымъ оно пользовалось тогда въ

Италии и индѣ, въ связи съ преданіями прежняго времени и взглядами нашихъ дней.

Въ донесеніяхъ венеціанскихъ пословъ изъ Рима, а также въ извлеченіяхъ изъ разныхъ современныхъ событіямъ документовъ въ пересказѣ Марино Санудо, мы находимъ цѣлый рядъ очень мѣткихъ и обстоятельныхъ характеристикъ самыхъ типическихъ представителей папства реформаціонной эпохи. Портреты, нарисованные столь тонкими наблюдателями и свѣдущими дѣльцами, какъ венеціанскіе дипломаты, должны очень близко соответствовать дѣйствительности, ибо при ежедневности сношеній Венеціи съ Римомъ правительство республики всегда имѣло возможность провѣрять показанія своихъ агентовъ, которые и не рѣшились бы на искаженіе фактовъ римской жизни въ официальныхъ своихъ докладахъ и отчетахъ. Прислушаемся же къ нимъ, вникая особенно въ подробности, обрисовывающія политическую мораль папъ разсматриваемой эпохи.

Въ донесеніяхъ венеціанскаго посла Донато изъ Рима въ 1499 г. папа Александръ VI (Борджіа) рисуется какъ человекъ лукавый и двуличный до такой степени, что ни одинъ италіанскій государь, ни одинъ кардиналъ не питалъ къ нему довѣрія. Возложивъ всѣ свои надежды на Францію и ненавидя Испанію, онъ умѣлъ-де однако хорошо замаскировывать свои чувства, руководясь при этомъ единственно личными интересами. Папа мало беспокоился-де о туркахъ, рассчитывая на венеціанскія съ ними препирательства. Его церковные доходы простирались до 130,000 дукатовъ въ годъ, не считая сбора съ различныхъ угодій, а равно съ продажи бенефицій, при покупкѣ коихъ первыми и солиднѣйшими покупателями были-де прелаты венеціанскіе. Жители Церковной области не особенно довольны были папскимъ управленіемъ и постоянно брались-де за оружіе, за изытіемъ анконцевъ и фирміанцевъ. Сынъ папы, герцогъ Валентійскій (Цезарь Борджіа), былъ усыновленъ Французскимъ королемъ, чѣмъ чрезвычайно польщенъ былъ папа. Неаполитанскій кардиналъ сказалъ-де венеціанскому генералу Мочениго, что при Римскомъ дворѣ со-сѣдъ не думаютъ о туркахъ, а то и дѣло выжидаютъ вакансіи на какое-нибудь аббатство. На папу никто не имѣлъ особеннаго вліянія: все было имъ рѣшаемо по личному усмотрѣнію. Денегъ онъ имѣлъ не особенно много, благодаря значительнымъ издержкамъ на сына (стр. 320—322).

Въ 1500 г. Совѣтъ X писалъ между прочимъ своему послу во Франціи, что онъ глубоко возмущенъ сообщенными этимъ посломъ

выдержками изъ письма папы Александра VI къ Французскому королю о дѣлахъ турецкихъ и венеціанскихъ: на столько эти выдержки безтолковы-де и лишены всякаго смысла (*absurda et preter rationem*). Его святѣйшество представилъ-де въ своемъ письмѣ дѣло въ ложномъ видѣ, и притомъ со злобною и скверною цѣлю (стр. 323). Если папа внушаетъ французамъ позволить султану наказывать венеціанцевъ за ихъ грѣшки, то въ этомъ выражается-де его желаніе подавленія турками сначала Венеціи, а вслѣдъ затѣмъ и всего христіанства. Хорошо-де святой отецъ, который своими совѣтами и внушеніями подготавливаетъ гибель христіанъ (стр. 324)!

Годъ спустя (въ 1501 г.) тотъ же Совѣтъ, сообщая своему послу во Франціи объ интригахъ противъ республики папы Александра VI въ Германіи и Франціи, называетъ такую политику не только неприятною и тягостною, но и презрѣнною (стр. 325).

Въ 1503 г. венеціанскій посолъ въ Римѣ Джустиніани доносилъ своему правительству о томъ же Александрѣ VI, что по смерти венеціанскаго кардинала Микеля онъ не могъ принять его, посла, ибо занять былъ счисленіемъ денегъ покойнаго, которыхъ по немъ осталось до 150,000 дукатовъ въ наличныхъ, серебрѣ и прочемъ домашнемъ скарбѣ (стр. 342). Замѣтимъ кстати, что по смерти Александра VI найдено было въ его кассѣ 300,000 дукатовъ наличными, да 200,000 дукатовъ въ драгоценностяхъ и серебрѣ (стр. 340).

Александръ VI не былъ по своему характеру и образу дѣйствій какимъ-либо исключительнымъ или рѣдкимъ между папами явленіемъ. Не далеко ушелъ отъ него Юлій II, который наводилъ ужасъ даже на своихъ кардиналовъ; многіе изъ нихъ пали жертвою его жестокости (стр. 423).

Значительно выше по характеру и заслугамъ стоитъ Левъ X. Но и онъ не избѣжалъ подозрѣній Совѣта X, который въ 1515 г. предостерегалъ Французскаго короля противъ покушеній на его жизнь со стороны злого и коварнаго папы и его испанофильствовавшихъ кардиналовъ: они не боятся-де молвы о своей безсовѣстности и вѣроломствѣ, лишь бы добиться своей цѣли (стр. 45). По смерти Льва X (1521 г.) въ Римѣ пущенъ былъ слѣдующій на него пасквиль: *intrasti ut vulpes, vixisti ut leo, obiisti ut canis* (стр. 405).

О Піѣ IV († 1565 г.) венеціанскій посолъ въ Римѣ Теноло далъ своему правительству слѣдующій отзывъ: „Онъ заботился единственно о личныхъ удобствахъ и удовольствіяхъ; вставалъ такъ поздно, что ему едва оставалось время на слушаніе мессы передъ обѣдомъ. По-

обѣдавъ онъ опять ложился спать, нерѣдко до вечера, давая потомъ аудіенціи по частнымъ дѣламъ. Остальное же время папа проводилъ съ шутами и въ пріятной бесѣдѣ. Кушалъ онъ изобильно и испивалъ не мало крѣпчайшихъ винъ, нерѣдко даже съ просонья. О религіи заботился мало. Во все время пребыванія при немъ посла Теполо, онъ лишь однажды былъ въ капеллѣ, хотя публика постоянно туда ходила, чтобы увидѣть папу" (стр. 364).

Не особенно поучительна была жизнь и Юлія III, и Пія V „святого" (стр. 365).

Политическіе разчеты всегда перевѣшивали при папскомъ дворѣ интересы христіанства. Такъ папы, при всей своей враждѣ къ туркамъ и не взирая на искреннее латинство венеціанцевъ, нерѣдко принимали сторону первыхъ противъ послѣднихъ. Они не сочувствовали, наприимѣръ, занятію венеціанцами Морей потому только, что она доставила бы республикѣ до 300,000 дукатовъ дохода и такимъ образомъ усилила бы ихъ значеніе въ Италіи (стр. 765). Встрѣчаются въ сборникѣ В. И. Ламанскаго указанія и на то, что папы поощряли ускоковъ въ ихъ пиратскихъ подвигахъ противъ Венеціи (стр. 111).

Для характеристики папской политической морали въ концѣ XV вѣка въ высшей степени важны изданные В. И. Ламанскимъ документы о султанѣ Джемѣ, который въ теченіе семи лѣтъ (1488—1495 гг.) находился въ рукахъ папъ Иннокентія VIII и Александра VI (стр. 201—292). Судьба злосчастнаго султана будетъ изложена мною по этимъ документамъ нѣсколько ниже.

Папство было едва ли не первымъ учрежденіемъ, возведшимъ въ теорію смертоубійство лицъ ему непокорныхъ или враждебныхъ. Еще въ XI вѣкѣ папа Урбанъ II формулировалъ положеніе, что не должно считать челоуѣкоубійцами тѣхъ, которые изъ усердія къ своей католической матери-церкви умертвляютъ нѣсколько отлученныхъ отъ нея (стр. 422). Отъ XII в. мы имѣемъ свидѣтельства о такомъ же взглядѣ латинскаго клира на убіеніе тирановъ въ сочиненіи Іоанна Салисбурійскаго († 1182 г. стр. 422). Точно также смотрѣлъ на законность политическихъ убійствъ и знаменитый *doctor angelicus* XIII в. Тома Аквинать (стр. 422, ср. 829). Изъ этого видно, что іезуиты не изобрѣли, а лишь кодифицировали въ своемъ катихизисѣ старое (съ XI в.) латинское ученіе объ оправданіи средствъ цѣлью (стр. 829 и сл.), которое формулировано было и италіанскимъ политическимъ писателемъ Макіавели. Разница между послѣднимъ и пер-

вими заключается лишь въ томъ, что Макіавели менѣ фарисействовали, чѣмъ то дѣлаютъ латинскіе богословы (стр. 830).

Допустивъ политическое убійство въ принципѣ, папы не задумывались въ примѣненіи его и на практикѣ, съ самыхъ давнихъ временъ. Такъ Бонифацій VII участвовалъ въ удушеніи его предмѣстниковъ Бенедикта VI и Иоанна XIV въ 984 г. (стр. 371); Бенедиктъ IX отравилъ въ 1047 г. Климента II (ib.), а быть можетъ и Дамаска II въ 1048 году (ib.); Иоаннъ XXIII отравилъ, по современнымъ ему слухамъ, Иннокентія VII въ 1406 г. и Александра V въ 1410 г. (стр. 372); Александръ VI отравилъ въ 1503 г. венеціанскаго кардинала Микеля (стр. 317), а равно и многихъ другихъ сановниковъ Римской церкви, съ цѣлю захватить ихъ капиталы (стр. 316); Юлій II умертвилъ нѣсколькихъ кардиналовъ (стр. 423); Левъ X въ 1520 г. и Климентъ VII въ 1527 г. пытались отравить или другимъ способомъ умертвить Феррарскаго герцога Альфонса д'Эсте, при чемъ во главѣ заговорщиковъ стоялъ апостолическій протопотарій, впоследствии кардиналъ, Гамбара (стр. 422); Павелъ III отправилъ въ 1546 г. въ протестантскія земли Германіи банду поджигателей и отравителей колодець, прудовъ и т. п. (ib.). Въ 1585 г. французскому послу въ Венеціи донесено было о намѣреніи Григорія XIII, по соглашенію съ Испанскимъ королемъ, отравить Французскаго короля Генриха III посредствомъ бреве съ отравленною печатью: хотя папа и выражалъ негодованіе на то, что доносчикъ не былъ при этомъ задержанъ (стр. 462), тѣмъ не менѣ въ слухъ этомъ могло быть зерно правды, если вспомнить, что года четыре спустя Генрихъ III дѣйствительно палъ отъ доминиканскаго кинжала (1-го августа 1579 г.). Климентъ VIII подсылалъ въ 1593 г. убійцъ изъ духовнаго же званія противъ Марка ди Шара и двухъ другихъ лицъ за какую-то провинность (стр. 479). Очень вѣроятно, что онъ имѣлъ свѣдѣнія и о заговорѣ ліонскихъ іезуитовъ и капуциновъ на Генриха IV въ томъ же 1593 г., когда въ его прихожей схваченъ былъ убійца съ такимъ точно кинжаломъ, какъ поразившій Генриха III (стр. 479). Известно, что и Равальякъ, убившій въ 1610 г. Генриха IV, дѣйствовалъ по внушенію латинскаго клира.

Въ 1571—1572 гг., послѣ Лепантской побѣды союзнаго флота надъ турками, когда венеціанское правительство предложило папѣ умертвить всѣхъ мѣстныхъ турецкихъ адмираловъ, капитановъ и прочихъ выдающихся моряковъ, доставшихся въ руки союзниковъ, его блаженство похвалилъ эту мысль (*Sua Beatitudine laudava questo*

postro pensiero 86); если же потомъ въ Римѣ отказались отъ этого намѣренія (стр. 89), то ужь, конечно, не по недостатку хладнокровія (ib.), а скорѣе всего по соблазну значительнаго выкупа за плѣнныхъ.

Примѣръ папъ не могъ не дѣйствовать заражающимъ образомъ и на лицъ, окружающихъ курію, а затѣмъ и вообще на населеніе Рима. Венеціанскій посолъ Мочениго, рисуя въ своемъ донесеніи 1560 г. картину римской распущенности и разврата, прямо указываетъ на папскихъ племянниковъ и незаконныхъ дѣтей, какъ на главный источникъ деморализаціи мѣстнаго общества. Въ его время въ коллегіи кардиналовъ находились четыре незаконнорожденные сына Павла III отъ его связей со знатными римскими матронами (365). По словамъ Мочениго, нерѣдко сами родители или братья отдавали дочерей и сестеръ въ наложницы прелатамъ, разчитывая на ихъ протекцію себѣ и дѣтямъ (ib.).

Коллегія кардиналовъ была деморализована не менѣе папъ. По донесенію венеціанскаго посла въ Римѣ Соранцо, Пій IV самъ заявлялъ, что не питаетъ ни малѣйшаго уваженія къ своимъ кардиналамъ и думаетъ, что ни одинъ изъ нихъ не устоялъ бы отъ соблазна получить пенсію въ 500 червонцевъ (ib.). И Пій V, по донесенію посла Соріано, имѣлъ столь же мало довѣрія къ своимъ кардиналамъ, считая ихъ людьми корыстолюбивыми (ib.). Посолъ же Дольфинъ доносилъ въ 1595 г. правительству республики, что шесть кардиналовъ откровенно сознались ему, что покинули бы Французскаго короля, еслибъ онъ въ теченіе четырехъ-шести мѣсяцевъ не давалъ имъ взятокъ (ib.). По словамъ того же посла, римскіе кардиналы до того скупы, что говорятъ единственно о своихъ интересахъ и открыто негодуютъ на папу и тѣхъ государей, которые не даютъ имъ подачекъ. Они упрекали Дольфина за щедрость Венеціи къ турецкимъ пашамъ и скупость къ кардиналамъ, которые между тѣмъ могли бы пригодиться ей кое въ чемъ (365).

У Марко Санудо сохранился разказъ, что по смерти Льва X (1521 г.) въ священной коллегіи обнаружился протестъ противъ буллы папы Юлія, которою запрещено было избирать кого-либо въ папы или кардиналы за деньги, и большинствомъ голосовъ рѣшено было не придерживаться этой буллы (400).

Что дѣйствительно деньги играли главную роль при выборахъ папъ, это видно и изъ донесенія венеціанскаго посла въ Угріи Паскалиго въ 1510 г., въ которомъ сообщается между прочимъ, что

остригонскій архіепископъ Оома Баачъ заявилъ ему о готовности пяти кардиналовъ дѣйствовать въ конклавѣ въ его пользу и о своей надеждѣ быть избраннымъ въ папы, если республика откроетъ ему въ какомъ либо банкѣ кредитъ на порядочную сумму (439).

Въ виду этихъ свидѣтельствъ, мы можемъ повѣрить словамъ французскаго посла въ Венеціи въ іюнѣ 1585 г., по которымъ испанскія деньги проникли уже и еще могутъ проникнуть въ Римъ, въ коллегію кардиналовъ и даже къ родственникамъ папы (466), чѣмъ и объясняются-де сію дружественныя чувства къ Испаніи (467).

XIV.

При такой деморализаціи главы и членовъ Римской курии, нечего удивляться, что авторитетъ ея давно уже началъ падать, особенно въ Италіи и прочихъ романскихъ странахъ, какъ болѣе знакомыхъ съ закулисною стороною папства.

Еще въ 1429 г. агентъ Нѣмецкаго ордена въ Римѣ доносилъ своему правительству въ Ригѣ, что папскаго отлученія бояться не слѣдуетъ. Въ Италіи дорожать-де папой лишь на столько, на сколько онъ приносить ей пользу, но ничуть не болѣе. Лишь мы-де, бѣднѣе пѣвцы, воображаемъ, будто папа нѣкій земной Богъ; лучше думать, что онъ земной дьяволъ, каковъ онъ и на дѣлѣ (368).

То же приблизительно узнаемъ мы отъ италіанскаго историка XVI вѣка Гвичардини и политика Маккиавели. Гвичардини въ одномъ изъ своихъ сочиненій прямо заявляетъ о себѣ, что онъ всегда желалъ паденія церковнаго государства, и не явился въ то время два дѣйствительно великихъ папъ (Левъ X и Климентъ VII?), онъ возлюбилъ бы Лютера больше себя самого, въ надеждѣ, что его секта искоренитъ или по крайности подрѣжетъ крылья преступной тираніи ксендзовъ (833). Въ другомъ мѣстѣ Гвичардини говоритъ, что едва ли кто болѣе его ненавидитъ честолюбіе, скупость и сластолюбіе ксендзовъ, и что онъ почти готовъ рукоплескать Лютеру за вынужденіе этой банды злодѣевъ отказаться либо отъ ихъ пороковъ, либо отъ власти (834). И Маккиавели въ одномъ изъ своихъ *Discorsi* свидѣтельствуеетъ, что наименѣе религіозны въ Италіи жители непосредственно прилегающихъ къ Риму мѣстностей: онъ объясняетъ общій упадокъ религіозности въ Италіи злоупотребленіями церкви и ксендзовъ (806).

Сознаніе этого упадка выразилось и въ стремленіяхъ къ реформѣ папства, согласіе на каковую дано было въ 1501 г. и венеціанскимъ

правительствомъ, вакъ видно изъ его инструкціи послу во Франціи (327).

Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ глубокаго упадка папскаго авторитета въ Римѣ и цѣлой Италіи служатъ народныя возстанія противъ папъ, многочисленныя ихъ оскорбленія, покушенія на ихъ жизнь и даже убійства, длинный рядъ которыхъ тянется отъ ІХ—Х вѣковъ до повѣйшаго времени.

Такъ папа Бонифацій VII († 985) былъ по смерти захваченъ римскою чернью, которая исколола его копьями, волочила обнаженный трупъ за ноги по городу и, наконецъ, бросила на полѣ, гдѣ онъ былъ найденъ клериками и тайкомъ погребенъ (372). Въ 1035 г. римскіе патриціи хотѣли убить Бенедикта IV въ храмѣ св. Петра, но не успѣли (373). Знаменитый Григорій VII въ 1075 г. былъ оскорбленъ при самомъ алтарѣ римскимъ патриціемъ Ченціо и брошенъ имъ въ тюрьму (373). Лѣтъ пять спусти, въ 1080 г. бриксенскій синодъ 27 италіанскихъ и нѣмецкихъ епископовъ взвелъ на Григорія VII самыя тяжкія обвиненія, утверждалъ, напримѣръ, что онъ, при содѣйствіи своего пріятеля Ю. Брахиута, отравилъ четырехъ папъ, что онъ былъ избранъ въ папы насиліемъ, безстыднымъ обманомъ и деньгами, что онъ проповѣдывалъ святотатство и поджоги и т. п. (373). Еще большому поруганію подвергся вслѣдъ за избраніемъ въ папы Геласій II († 1119 г.), котораго римскій патриціи Ченціо Франсипани схватилъ за горло, билъ руками и топталъ ногами, таскалъ за волосы, и отведши домой, заперъ въ тюрьму новаго папу, равно какъ и многихъ кардиналовъ, епископовъ, клериковъ и мирявъ (373). Впослѣдствіи Геласій II припужденъ былъ спастись изъ Рима бѣгствомъ, при чемъ вѣнцы пускали за нимъ отравленныя стрѣлы (374). Адріанъ IV (1154—1159 г.) въ разговорахъ со своимъ знаменитымъ соплеменникомъ Іоанномъ Салисбургійскимъ называлъ положеніе папы самымъ труднымъ и бѣдственнымъ: если онъ скупъ, его убьютъ-де; если же щедръ, то и тогда не избѣжить рукъ и языковъ римскихъ; удастся ему спастись отъ покушеній на его жизнь, то онъ падетъ жертвою самаго утомленія. Папскомъ престолѣ онъ, Адріанъ IV, испыталъ-де столько невзгодъ, что всѣ огорченія прежней жизни кажутся ему теперь наслажденіемъ и истиннымъ счастіемъ; лучше бы де ему вѣкъ скрываться въ монастырѣ св. Руфа, чѣмъ подвергнуться столькимъ тревоженіямъ (375). Иннокеній IV въ 1247 году былъ доведенъ до такого положенія, что боялся выходить изъ своего дворца (374). При Мартинѣ IV

(1281—1285 г.) жители г. Перузы въ Папской области сдѣлали соломенныя чучела папы и его кардиналовъ и сожгли ихъ на площади (ib).

Въ XIII—XIV вѣкахъ лишь немногіе папы не были вынуждаемы убѣгать изъ Рима отъ народной ярости. Ее испытали на себѣ Паскаль II, Геласій II, Гонорій II, Иннокентій II, Евгеній III, Александръ III, Иннокентій III, Гонорій III, Григорій IX, Александръ IV, Климентъ IV, Мартинъ IV, Николай IV и другіе (374).

Для XV и XVI вѣковъ мы тоже имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о народныхъ бунтахъ и междоусобіяхъ въ Римѣ, особенно въ періоды *integritatis* между смертію одного папы и избраніемъ другого. Такъ въ 1503 г. по смерти Александра VI папскій дворецъ былъ немедленно разграбленъ чернью, по донесеніямъ у Марино Санудо (339). Члены патриціанскихъ семействъ Колонна и Орсини со множествомъ приверженцевъ нагрянули на городъ (340). Весь Римъ вооружился противъ ненавистныхъ ему испанскихъ кардиналовъ. Дворецъ Орсини былъ подожженъ (340). Солдаты Фабія Орсини разграбили всѣ испанскіе дома и изрубилъ жителей. Въ Римѣ только и слышны были возгласы: *Orso! Orso et Colona* (341)! Опасность была столь велика что всѣ почти кардиналы (кромѣ семи) вынуждены были искать, убѣжища въ храмѣ Минервы, не считая себя безопасными въ Ватиканѣ (353). То же приблизительно происходило въ Римѣ и по смерти Льва X, въ 1521 году. Весь городъ всталъ во всеоружіи. По улицамъ только и слышался барабанный бой, да видны были солдаты (398). Каждый патрицій выѣзжалъ не иначе, какъ окруженный конвоемъ въ 25, 30, 50, 100 или 200 вооруженныхъ пѣхотинцевъ (399). Глава семейства Колонна ѣздилъ со святой изъ 600 всадниковъ и множества пѣхотинцевъ; Орсини же имѣлъ до 10,000 солдатъ. Коллегія кардиналовъ также наняла на свой счетъ 4000-нй отрядъ (400). Вообще, тогда пришло въ Римъ изъ провинціи не менѣе 50,000 вооруженныхъ людей (404). И въ 1560 году, по донесенію венеціанскаго посла въ Римъ Мочениго, во время болѣзни Павла IV римская чернь взбунтовалась, разбила тюрьмы, освободила заключенныхъ, разграбила палатку инквизиторовъ, избила ихъ служителей, разметала бумаги и, наконецъ, подожгла дворецъ. Потомъ толпа бросилась на ненавистный доминиканскій монастырь Минервы, но была отражена Цезарини. Когда папа скончался, чернь хотѣла сжечь домъ, гдѣ онъ жилъ, будучи кардиналомъ; потомъ она опрокинула мраморную статую покойнаго папы, отбила у нея голову, таскала по городу, надѣвъ жидовскую ермолку и, наконецъ, бросила въ Тибръ. Затѣмъ разрушены были дворцы пе-

павистой фамиліи Караффа и издавъ эдиктъ о лишеніи правъ римскаго гражданства всѣхъ племянниковъ покойнаго папы (362). Его пришлось похоронить ночью и зарыть въ землю поглубже, чтобы червь не выгребла. Въ храмѣ святаго Петра мертвецъ не былъ положенъ изъ опасенія; что червь выброситъ его оттуда. По свѣдѣніямъ Моченяго, всѣ эти неистовства произведены были, благодаря поощреніямъ кардиналовъ Колонна, Орсини, Цезарини и нѣкоторыхъ другихъ, оскорбленныхъ при жизни Павла IV имъ самимъ или его племянниками. Бунтъ продолжался до шести дней. Потомъ въ Римъ отовсюду сбѣжались разныя банкроты, бандиты, бродяги, которые готовы были за 10, 8, даже за 6 червонцевъ умертвить любаго челоуѣка и дѣйствительно перебили не одну сотню. Кардиналы, послы и патриціи принуждены были держать у своихъ воротъ вооруженные отряды, и многіе выставили пушки. Мало кто и днемъ рѣшался выходить изъ дому безъ конвоя, ночью же никто бы на это не рискнулъ (363).

По словамъ венеціанскаго посла Дольфина, кардиналы лишь потому смирились передъ авторитетомъ папъ, что каждый надѣялся когда-нибудь самъ имъ воспользоваться. Ихъ интриги достигали апогея при опасной болѣзни папы, особенно со стороны такъ-называемыхъ *parabiles cardinales*, которые употребляли всевозможныя усилія для пріобрѣтенія себѣ голосовъ на ближайшемъ конклавѣ (366).

Венеціанскій посолъ Корраро (Соггаго) въ донесеніи 1581 г. свидѣтельствуетъ, что приближенные къ папѣ лица очень не любятъ продолжительнаго папата, ибо чѣмъ чаще-де происходитъ на папскомъ престолѣ смѣна, тѣмъ быстрѣ вертится колесо ихъ счастья. Десятилѣтіе считается-де крайнимъ желательнымъ періодомъ папата, ибо при большей его продолжительности кардиналы старики боятся совсѣмъ не попасть въ папы, молодые же—не подвинуться по лѣстницѣ къ этому званію (366).

Не удивительно, что при такомъ взглядѣ на папское долготѣіе лицъ приближенныхъ къ „святому отцу“ и при довольно широкомъ развитіи въ старой Италіи искусства сокращать челоуѣческую жизнь, „колесо счастья“ не заставалось долго въ Римѣ при папскомъ дворѣ. В. И. Ламанскій вычислилъ, что въ продолженіе 542 лѣтъ (отъ 867 до 1492 г.) на папскомъ престолѣ смѣнилось сто папъ, такъ что на одного получается въ среднемъ 5 лѣтъ 9 мѣсяцевъ и 18 дней. Изъ этихъ ста папъ 36 занимали престолъ по два года и менѣе, а въ томъ числѣ многіе едва по нѣскольку мѣсяцевъ и дней. Относительно 22 изъ этой сотни папъ имѣются болѣе или менѣе вѣскія доказательства

насильственной смерти, а именно: 1) Іоаннъ VIII былъ отравленъ, а потомъ еще добить своими приближенными въ 882 г. (372); 2) Формозъ умеръ, вѣроятно, насильственной смертью въ 896 г. (*ibidem*); 3) Стефанъ VII задушенъ въ 897 г. (371). 4) Левъ V тоже, вѣроятно, задушенъ въ 903 г. (371); 5) Іоаннъ X заключенъ былъ въ темницу нѣкою знатною дамою Мароціей и тамъ скоропостижно умеръ въ 929 г. (372); 6) Іоаннъ XII умеръ отъ удара въ високъ въ то время, какъ онъ прохладился съ одною замуженою дамою въ 964 г. (372); 7) Бенедиктъ VI задушенъ по наущенію Бонифація VII въ 974 г. (371); 8) Іоаннъ XIV заключенъ въ тюрьму тѣмъ же Бонифаціемъ VII и, послѣ четырехлѣтняго въ ней томленія, убитъ въ 984 г. (371); 9) Бонифацій VII умеръ скоропостижно въ 985 г. (372); 10) Сильвестръ II отравленъ своею наложницею, вдовой патриція Кресценція въ 1003 г. (372); 11) Климентъ II отравленъ папою Бенедиктомъ IX въ 1047 г. (371); 12) Дамаскъ II умерщвленъ тѣмъ же Бенедиктомъ въ 1048 г. (*ib.*); 13) Стефанъ X ограбленъ, а потомъ отравленъ римлянами въ 1058 г. (*ib.*); 14) Викторъ III умеръ отъ диссентеріа, причиненной ядомъ, который былъ поднесенъ ему въ чашѣ при служеніи первой мессы въ 1087 г. (371); 15) Луцій II умеръ отъ удара камнемъ, неизвестно кѣмъ въ него пущеннымъ въ 1145 г. (371); 16) Адрианъ IV задушенъ въ Аваньи въ 1159 г.; 17) Келестинъ IV отравленъ въ 1241 г. (371); 18) Адрианъ V отравленъ кардиналами въ 1276 г. (371); 19) Келестинъ V убитъ въ 1296 г. (372); 20) Бенедиктъ XI отравленъ ядомъ въ фигахъ, по наущенію Французскаго короля Филиппа IV Красиваго въ 1304 г. (372); 21) Иннокентій VII отравленъ Іоанномъ XXIII въ 1406 г. (372); 22) Александръ V тоже въ 1410 г. (*ib.*);

Къ этому длинному скорбному списку папоубійствъ слѣдуетъ прибавить, что въ теченіе означенныхъ 542 лѣтъ было не менѣе ста лѣтъ съ двумя и болѣе папами, при чемъ каждый изъ 20 антипапъ взаимно проклиналъ своего противника, такъ что, по удачному выраженію одного средневѣковаго писателя, въ теченіе этихъ ста лѣтъ весь католическій міръ былъ отлученъ однимъ либо другимъ папою отъ церкви: *Sicque a duobus apostolicis tota ecclesia excommunicatur* (375).

Переходя затѣмъ къ періоду возрожденія и гуманизма, мы и тутъ встрѣчаемъ довольно много то удавшихся, то не удавшихся покушеній на жизнь папъ. Такъ:

23) Александръ VI былъ отравленъ въ 1503 г. кардиналомъ Адрианомъ де-Корне (315—319, ср. 339, 340, 344, 404), ко всеобщей

радости римлянъ (351), а равно и венеціанскаго правительства, которое едва ли не было нравственнымъ зачинщикомъ этого убійства (319, 344); еще раньше злоумышляли на жизнь Александра VI Екатерина Сфорца (358) и венеціанскій кардиналъ Микель (317, 319), но безъ успѣха.

24) Пій III умеръ послѣ 26-дневнаго папствования, 18-го октября 1503 г., какъ говорили тогда, отъ яда, подосланнаго сіенскимъ тиранномъ Пандольфи Петруччи (359).

25) Юлій II былъ предметомъ двукратнаго посягательства на отравленіе: разъ со стороны Французскаго короля (357, 358), другой же—со стороны герцога Феррарскаго (357).

26) Левъ X также боролся съ отравителями и палъ отъ ихъ яда: въ 1517 г. на его жизнь покушался кардиналъ Петруччи (317, 359), при нѣкоторомъ соучастіи и кардинала Адріана де-Корне (317), отравителя Александра VI. Въ 1519 г. въ Венеціи былъ арестованъ чело-вѣкъ, который разказывалъ о происходившихъ де въ этомъ городѣ переговорахъ относительно отравленія Льва X, а равно его племянника и кардиналовъ Медичи, Сіена и п. др. (406). Годъ два спустя папа дѣйствительно былъ отравленъ, вѣроятно, своимъ виночерпіемъ Маласпиною (404), который былъ даже арестованъ, но скоро выпущенъ на волю изъ опасенія, что онъ дѣйствовалъ по внушенію какого-либо могущественнаго государя (359), по всей вѣроятности, Французскаго короля, ибо убійца былъ причисляемъ къ французской партіи (399). Нѣкоторое подозрѣніе возбуждаетъ, однако, при этомъ и поведеніе венеціанскаго правительства, агенты котораго съ нѣкоторымъ злорадствомъ слѣдили за болѣзнію папы, какъ видно изъ донсесій о ней у Маріно Санудо (400).

27) Адрианъ VI былъ предметомъ покушеній со стороны герцога Камерино (Camerino), котораго слуга пытался отравить папу, а также со стороны патриція піаченскаго Маріа, желавшаго заколоть „святаго отца“. Сверхъ того, сохранился характерный разказъ, что когда однажды папа избавился отъ смерти при паденіи потолка въ его капеллѣ, то одинъ ксендзъ проклиналъ за то судьбу, въ присутствіи и съ одобренія какого-то кардинала (360).

29) Климентъ VII также навлекъ на себя покушенія: а) кардинала Колонна, который пытался въ 1527 г. возбудить бунтъ между нѣмецкими солдатами въ Римѣ, въ надеждѣ, что они убьютъ при этомъ папу (361), и б) флорентинскаго правительства, подсылавшаго

въ 1530 г. отравителей, которые были, однако, переквачены испанскимъ генераломъ, принцемъ Оранскимъ (361).

30) Павелъ IV боролся съ покушеніями, въ которыхъ предполагають соучастіе Филиппа II Испанскаго (363).

31) Пій IV былъ предметомъ покушенія въ 1565 г. со стороны латинскихъ монаховъ, съ Бен. Акколти (Accolti) во главѣ, которые надѣялись получить папу болѣе реформаторскаго духа или по крайней мѣрѣ прославиться папоубійствомъ (364).

32) Сякстъ V умеръ, кажется, не безъ содѣйствія іезуитовъ или Испанскаго короля Филиппа II (367).

33) Климентъ VIII, по словамъ французскаго посла въ Венеціи де-Масса, въ 1592 г. сильно побавался испанскаго яда (367).

Изъ приведеннаго списка покушеній на жизнь папъ со стороны какъ ближайшихъ ихъ совѣтниковъ и слугъ, такъ и разныхъ патрициевъ, государей и государствъ Италіи, а отчасти Испаніи и Франціи, можно видѣть, что правительственный авторитетъ папства не стоялъ въ тѣ вѣка выше его двусмысленной морали и политики.

То же подтверждаютъ и многочисленныя протесты противъ злоупотребленій папства со стороны западно-европейскихъ писателей и дѣятелей стараго времени, въ значительномъ количествѣ собранныя еще въ XVI вѣкѣ ученымъ далматинцемъ Матвеемъ Франковидомъ (Flaccius Illyricus) подъ заглавіемъ: „Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem pontificum romanorum primatui variisque papismi superstitionibus, erroribus ac impiis fraudibus reclamant“ (369). Въ XIII, напримѣръ, вѣкѣ одинъ изъ французскихъ трубадуровъ (Фигейрасъ 1226—1229) называлъ Римъ „главою, вершиною и корнемъ всякаго зла“. „Вы“, говорилъ онъ,—„ужь слишкомъ выстригаете волну у вашихъ овецъ; у глупыхъ людей вы выгрызаете мясо и кости; за дсныги разрѣшаете отъ грѣховъ; вы мало причиняете вреда сарацинамъ, но ведете на убой грековъ и латинянъ“ (386). Императоръ Фридрихъ II Гогенштауфенъ признавалъ папъ „не первосвященниками, а хищными волками и лютыми звѣрями, пожирающими народъ христіанскій“, ихъ ноги слишкомъ-де грязны для проповѣди евангелія (388). Бернаръ-де-Клюньи охарактеризовалъ папскій Римъ въ словахъ: Roma dat omnibus omnia dantibus. Другой анонимный писатель стараго времени говорить о немъ же: non est bonus pauperi, soli favet danti (808). Виклефъ совѣтовалъ по смерти Урбана VI совсѣмъ не принимать болѣе папъ, а жить какъ греки, подъ собственными законами (391). И чешскій мученикъ Іоаннъ Гусъ выразилъ въ

1413 г. убѣжденіе, что главою католической и римской церкви долженъ быть признаваемъ не папа, а Христосъ; тѣломъ же ея—не кардиналы, а всѣ вѣрующіе во Христа, тѣмъ болѣе, что папами бывали де и завѣдомые еретики, даже какая-то женщина (392). 17-го марта 1593 г. французскій посолъ въ Венеціи публично заявилъ въ коллегіи, что если папа не признаетъ Генриха IV Французскимъ королемъ, то французы выберутъ себѣ особаго папу, въ 24 часа овладѣютъ Авіньономъ и поставятъ 50 своихъ кардиналовъ, послѣ чего не помогутъ-де болѣе ни сожалѣнія, ни раскаянія (479).

При такихъ условіяхъ невольно представляется вопросъ, почему реформація появилась въ Европѣ столь поздно, и почему она не успѣла окончательно подрѣзать напизмъ въ романскихъ и нѣкоторыхъ германскихъ странахъ? В. И. Ламанскій довольно подробно разбираетъ этотъ вопросъ и даетъ довольно вѣроятный на него отвѣтъ на стр. 376 и сл.

Сила папства опиралась главнымъ образомъ на слабостяхъ человѣчества и умѣли ими пользоваться въ Римѣ, въ силу старой привычки повелѣвать, а равно благодари уму и характеру нѣсколькихъ, дѣйствительно замѣчательныхъ папъ, каковы: Григорій VII, Александръ III, Иннокентій III и др. (808). Папство развилось на почвѣ глубокаго и давняго культурнаго контраста между европейскимъ востокомъ и западомъ и изъ стремленій послѣдняго покорить себѣ первый въ экономическомъ, политическомъ, церковномъ, словомъ — въ культурномъ отношеніи. Всемирныя притязанія папства находятся въ органической связи съ фикціей возстановленія Римской имперіи на западѣ, при чемъ для осуществленія этой двойной фикціи: а) всемірной римской имперіи и б) всемірной римской церкви, необходимо было ихъ взаимное содѣйствіе. Папство было на востокѣ піонеромъ Западной имперіи, а императоры—піонерами папства на томъ же востокѣ. Когда первое на столько ослабѣло, что не могло оказать вторымъ дѣятельной помощи ни подъ Тауцбергомъ, ни въ войнахъ гуситскихъ, ни въ турецкихъ, фикція всемірной римской церкви потеряла свою привлекательность для запада, который и отрѣшился отъ нея хоть на половину въ реформаціонный періодъ (379 сл.).

А. Будилевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХІХ.

1885.

МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Паб. Екатеринбургскаго кан., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	3
Я. К. Гротъ. Спренгтпортенъ, шведскій эмигрантъ при Екатеринѣ II. (продолженіе)	1
В. П. Науменко. Хронографы южно-русской редакціи.	34

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. О. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. 1884.	83
В. В. Латышевъ. Извѣстія древнихъ греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ. <i>К. Гана</i> . 1884	96
С. О—нъ. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Его личность и поэзія. <i>М. А. Орлова</i> . С.-Пб. 1883	119
М. В. Аксеновъ. О. А. Волеговъ, какъ историкъ Строгановыхъ. Спорные вопросы въ древней исторіи рода Строгановыхъ. <i>А. А. Дмитриева</i> . 1884	125
Н. М. Волдаковъ. Великое зеркало. Изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка. <i>П. В. Владимірова</i> . 1884.	132
А. С. Вудилевичъ. Новые данныя для исторіи восточнаго вопроса (продолженіе)	147
А. Н. Веселовскій. Къ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ урѣ Далестинъ	166
С. А. Нурминскій. О классной системѣ обученія въ городскихъ училищахъ	1
— Наша учебная литература (разборъ 14 книгъ)	33

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское общество исторіи и древностей русскіихъ при Московскомъ университетѣ съ 1882 по 1884 годъ.	1
— Наши учебныя заведенія: С.-Петербургскій университетъ въ 1884 году	17
— Н. И. Коотмаровъ (<i>некроль</i>).	33

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ф. Ф. Зѣлинскій. О дорійскомъ и іонійскомъ стиляхъ въ древней аттической комедіи	225
L. Müller. De Livi Andronici et Cn. Naevi fabulis.	227

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го мая).

дѣйствительно, зовется Climacus, il Climaco и такъ далѣе. Vincentius Bellovacensis у г. Владимірова неточно называется „Винцентъ“, тогда какъ слѣдовало бы писать либо Винцентій, либо Викентій. Въмѣсто „Мерлантъ“ (стр. 3) должно читать „Марлантъ“. Упомяная на стр. 7 о легендахъ о Дѣвѣ Маріи, авторъ указываетъ какъ на собраніе ихъ на одинъ изъ томовъ „Gesamtabenteuer“ фонъ-деръ Гагена, между тѣмъ какъ теперь существуютъ болѣе полныя и критичныя сборники, въ родѣ Гортманова и другихъ. Кстати, на стр. 19 употреблено неудобопонятное и совсѣмъ не русское выраженіе: „Дѣва Марія является обыкновенно въ прекрасной зарѣ“... (?). Забавны опски въ латинскихъ падежныхъ окончаніяхъ: sententii (стр. 20) и philosophis et doctoris (стр. 21). Изъ записи одного списка „Великаго Зеркала“, приводимой на стр. 46, едва ли можно заключать, какъ это дѣлаетъ авторъ, о времени написанія рукописи: въ ней указывается только время передачи списка въ обитель митрополитомъ Иларіономъ, а рукопись могла быть написана и прежде.

Закончимъ нашъ разборъ сочиненія г. Владимірова о „Великомъ Зеркалѣ“ выраженіемъ надежды, что авторъ, сдѣлавшій своимъ настоящимъ трудомъ, не смотря на пѣкоторую его необработанность, цѣнный вкладъ въ науку о древне-русской письменности, еще разъ вернется къ своему предмету для болѣе полнаго и, главное, болѣе методическаго его изслѣдованія: никто у насъ, какъ онъ, не располагаетъ въ такой степени требуемымъ матеріаломъ, такъ что ему стоитъ только распорядиться имъ съ болѣе строгими научными приемами, чтобы дать вполне капитальный ученый трудъ, который могъ бы лечь въ основу цѣлаго ряда изслѣдованій по переводной русской литературѣ XVII вѣка.

И. Болдаковъ.

Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса ¹⁾.

Sécrets d'état de Venise. Par *Vl. Lamansky*. St.-Pétérshbourg. 1884.

XV ¹⁾.

Гораздо менѣе находимъ мы въ сборникѣ В. И. Ламанскаго свѣдѣній объ остальныхъ западныхъ факторахъ восточнаго вопроса, напимѣръ, о Франціи, Испаніи, Германіи, Угріи. Да это и понятно:

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

ихъ роль въ этомъ вопросѣ была уже болѣе второстепенная въ сравненіи съ ролью Венеціи, вся сила которой заключалась въ греко-славянскихъ ея владѣніяхъ, или папскаго Рима, долго служившаго главною квартирою въ походѣ Запада на Востокъ. Къ тому же и венеціанскіе архивы бѣднѣе, конечно, матеріалами для исторіи французской, испанской, германской, угорской и т. д., чѣмъ для италіанской.

Тѣмъ не менѣе профессору Ламанскому удалось освѣтить не одну темную страницу и французской, испанской, германской, угорской исторіи, въ ея отношеніяхъ къ восточному вопросу. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ изъ документовъ нашего Сборника, что Франція, упорно лелѣявшая мысль о возведеніи своего короля въ санъ императора всѣхъ христіанъ (455), въ своихъ распряхъ за Италію и вообще за политическое преобладаніе въ западной Европѣ, нерѣдко прибѣгала, подобно Венеціи и Риму, и къ политическимъ убійствамъ, и къ содѣйствію султана. Выше приведены уже указанія на участіе Франціи въ покушеніяхъ на жизнь Бенедикта XI, Юлія II и Льва X. Затѣмъ въ 1637 г. въ Прагѣ былъ схваченъ преступникъ, показавшій подъ пыткою, что онъ подослалъ французскимъ посломъ въ Венецію, съ вѣдома венеціанскаго правительства, для убіенія императора Фердинанда III (518). Вѣроятно, въ возмездіе за то составленъ былъ въ слѣдующемъ 1638 г., съ разрѣшенія Фердинанда III и его католическихъ министровъ, заговоръ на жизнь кардинала Ришелье (519). Напомнимъ здѣсь, что и раньше католическія державы нерѣдко посягали на жизнь не только французскихъ министровъ, но и самихъ „христіаннѣйшихъ“ королей. Карлъ VIII, Генрихъ III и Генрихъ IV погибли то отъ яда, то отъ кинжала католиковъ, и именно монаховъ (ср. 300 сл., 479 сл.).

Не удивительно, что Французскіе короли пришли къ мысли о преимуществѣ союза турецкаго передъ испанскимъ, германскимъ и другими христіанскими. Съ 1536 г. начались дружественныя сношенія Французскихъ королей съ султанами, продолжавшіяся съ небольшими перерывами три вѣка и составляющія очень характерное явленіе ново-европейской исторіи.

Въ 1583 г. французскій посолъ въ Венеціи публично просилъ правительство республики направить турокъ на Испанію, чтобы предупредить захватъ ею торговли индійскими пряностями (483). Года два спустя тотъ же посолъ доказывалъ въ Венеціи, что она должна гораздо больше опасаться испанцевъ, чѣмъ турокъ, ибо съ послѣд-

ними еще можно де кое-какъ сладить, тогда какъ съ первыми нѣтъ ни дружбы, ни соглашенія (468). Въ 1593 г. французскій посолъ въ Венеціи въ письмѣ къ своему королю Генриху IV отъ 11 декабря 1593 г. совѣтовалъ перевезти изъ Алжира оружіе и вспомогательный турецкій отрядъ въ Валенсію, Аррагонію и Мурсію на помощь мѣстнымъ маврамъ, которые въ числѣ 70,000 человекъ сохранили до той поры свой языкъ, а въ тайнѣ и исламъ, вмѣстѣ съ воинственнымъ духомъ предковъ (480). Эта мысль принята была къ свѣдѣнію и въ 1597 г. венеціанскому послу при Генрихѣ IV было заявлено, что Франціи въ крайнемъ случаѣ вынуждена будетъ навести турокъ на Испанію (482).

Что для предположеній этихъ существовала мѣстная подкладка, это видно между прочимъ изъ сообщенія совѣта X венеціанскому послу въ Испаніи въ 1569 г. о переговорахъ одного гранадскаго потурченца съ пашами, относительно захвата ими какой-либо крѣпости въ Апуліи и похода въ Испанію на помощь испанскимъ бунтовщикамъ (маврамъ? 483). И Португальскій король Антоній, лишенный испанцами престола, искалъ себѣ въ 1590 г. помощи у турокъ (483 сл.). Года черезъ три испанскій посолъ въ Венеціи просилъ ея правительство арестовать двухъ мавровъ, прибывшихъ изъ Испаніи для переговоровъ съ турками относительно высадки ихъ отряда на берегахъ Валенсіи для освобожденія мѣстныхъ мавровъ, которые хотя и приняли формально христіанство еще въ 1492 г., но въ тайнѣ оставались мусульманами и не разъ измѣняли своему королю, вслѣдствіе чего въ Валенсіи и Аррагоніи у жителей отобрано было оружіе (484). Года два спустя (1595 г.) мы опять читаемъ о двухъ знатныхъ испанцахъ изъ Аррагоніи и Валенсіи, которые, по донесенію венеціанскаго баила, предложили туркамъ свои услуги по передачѣ имъ двухъ портовъ на испанскихъ берегахъ (ib.).

Независть западной Европы того времени къ испанцамъ объясняется, вѣроятно, ихъ жестокимъ управленіемъ въ завоеванныхъ областяхъ, а равно ихъ шаткою политическою моралью. Доказательствомъ послѣднaго можетъ служить и участіе испанцевъ въ покушеніяхъ на жизнь папъ Павла IV (+1559), Сикста V (+1590) и Климента VIII (+1605 г.), а также Французскаго короля Генриха IV въ 1602 г. (516) и др.

И въ Германіи XV—XVI вѣковъ политическая мораль стояла не выше, чѣмъ въ прочихъ западно-европейскихъ странахъ. При всей своей грубости, бывшей предметомъ вѣчныхъ насмѣшекъ въ Италіи, особенно

въ Венеціи (420), нѣмцы той эпохи могли поспорить съ италіанцами въ утонченности злодѣйствъ. Въ доказательство этой мысли профессоръ Ламанскій ссылается на дѣянія франковъ подъ меровингами, лонгбардовъ въ Италіи, вандаловъ въ Исландіи и Африкѣ; на героевъ и героинь Эдды и Нибелунговъ; на жестокости Карла Великаго въ войнахъ съ саксами; на явѣрства Фридриха I въ 1160 г. въ Миланской области, гдѣ онъ вырубилъ всѣ плодовые деревья и отослалъ въ Миланъ множество плѣнныхъ съ выколотыми глазами и разодранными поздырями; на безчеловѣчіе Фридриха II, сожигавшаго женщинъ и отрѣзывавшаго члены у своихъ италіанскихъ плѣнниковъ; на умерщвление нѣмцами своихъ королей Филиппа въ 1208 г. и Альберта въ 1308; на насильственную смерть не менѣе пятидесяти высшихъ нѣмецкихъ прелатовъ IX—XV вѣковъ; на варварства нѣмецкихъ рыцарей въ прибалтійскихъ областяхъ—славянскихъ, литовскихъ, эстонскихъ, а также во время италіанскихъ походовъ и преслѣдованія жидовъ; на грубые нравы средневѣковыхъ нѣмецкихъ бароновъ, гнетъ крестьянъ, развитіе пытки, жестокіе способы казни; на участіе императора Максимилиана I въ поджогѣ венеціанскаго арсенала въ 1509 г.; на жестокости Габсбурговъ, на примѣръ, въ дѣлѣ Валенштейна, архіепископа Мартинуци и другихъ; на двусмысленную политику Австріи въ отношеніи къ Усковамъ, которымъ она покровительствовала во вредъ Венеціи (492—493, ср. 797); на шайки католическихъ поджигателей и отравителей въ Германіи, направляемыя католическими нѣмецкими государями на земли лютеранъ (424—428), и т. д.

Не удивительно, что и въ западной Европѣ многіе предпочитали тогда турокъ нѣмцамъ. Такъ верѣдко думали и дѣйствовали правительства венеціанское, французское, угорское и другія.

Для характеристики Угріи въ XVI вѣкѣ довольно обстоятельныя свѣдѣнія мы находимъ въ донесеніи Массаро (Massaro) въ 1523 г., слѣдовательно, за нѣсколько лѣтъ до Могачской битвы.

„Угрія“, говоритъ онъ,—„есть прекрасное и богатое царство, изобилующее всѣми благами міра, легкою и тяжелою кавалеріей, несчетною пѣхотою. Въ послѣднемъ отношеніи она имѣетъ преимущество и передъ Франціей, принужденною нанимать въ Испаніи пѣхотинцевъ, и передъ Испаніей, которая на оборотъ сильна пѣхотою, но слабѣе кавалеріей. Угрія изобилуетъ зерновымъ хлѣбомъ, виномъ, скотомъ, птицами, рыбами, золотомъ, серебромъ, мѣдью, свинцомъ, оловомъ. Въ Трансильваніи есть золотоносныя рѣки. Имѣется тутъ множество и бѣлѣйшей соли. Въ Трансильваніи и Валахіи въ изобиліи асфальтъ,

годный на освѣщеніе. Въ Трансильваніи есть ключъ, въ которомъ вода похожа на вино по виду и вкусу. Нѣтъ въ этой странѣ только порядка да денегъ. Сомнительно, чтобъ Угрія дала рѣшительный отпоръ туркамъ... Угры мерзвѣйшій народъ въ мірѣ. Они не любятъ ни другихъ, ни себя, а грабятъ другъ друга. Не смотря на ежедневныя пирушки, они вѣчно раздѣлены. Напрасно искать у нихъ справедливости: за деньги можно выиграть любой искъ. Всему этому виною угорская знать: 43,000 дворянъ, захвативъ въ свои руки власть, хитрятъ, плутуютъ и идутъ въ разбродъ. Словомъ, угры—это подонки міра, и не будь у нихъ добраго и невиннаго короля, Провидѣніе не замедлило бы стереть ихъ съ лица земли (774—775). Къ несчастію, вѣмцы забрали въ свои руки и короля Людовика, возвращая его и жену, съ цѣлью довести до безплодія и обезпечить своему Фердинанду наслѣдство Угріи* (776).

Положимъ, это отзывъ свидѣтеля не безпристрастнаго, но нѣкоторые изъ взводимыхъ имъ на угровъ обвиненій мы можемъ подтвердить и документами нашего сборника. Что въ Угріи того времени уже распространилась вмѣстѣ съ латинствомъ шаткая мораль его послѣдователей, это видно изъ политическихъ въ ней убійствъ и деморализаціи высшихъ сановниковъ. Такъ у Длугоша мы встрѣчаемъ довольно правдоподобное извѣстіе, что самъ Матвѣй Корвинъ подсылалъ убійцъ на короля Владислава Чешскаго и Казимира Польскаго (762). Въ 1528 г., по сообщенію одного венеціанскаго агента, во время войны австрійскаго эрцгерцога Фердинанда съ Іоанномъ Запольей 6000 нѣмецкихъ солдатъ умерли отъ винограда, отправленнаго уграми (408).

Доступность угорскихъ сановниковъ подкупу или взяткамъ видна изъ предложенія венеціанскаго посла въ Угріи Пасквалиго въ 1510 г. послать какой-нибудь подарокъ въ 100—300 червонцевъ угорскому палатину, въ знакъ особаго къ нему уваженія (435). Есть основанія подозрѣвать, что на венеціанской службѣ состоялъ и Остригомскій архіепископъ, примасъ Угріи, Тома Бакачъ, заклятый врагъ угорскихъ магнатовъ и едва ли не устроитель крестьянскаго противъ нихъ бунта въ 1514 г. Очень вѣроятно, что этимъ путемъ Бакачъ рассчитывалъ добиться, при помощи Венеціи, папской тіары (431). Такимъ образомъ, значительная часть угорской знати была уже тогда насъвозъ пронизана деморализующимъ вліяніемъ запада, особенно нѣмцевъ; но вліяніе это не распространялось на народныя массы, какъ видно изъ постояннаго присутствія и силы въ Угріи

антинѣмецкой партіи (312). Въ критическую минуту она предпочла даже господство турецкое австрійскому (777, 798). Очень важно въ этомъ отношеніи донесеніе венеціанскаго посла при Германскомъ императорѣ Контарини изъ Праги въ 1594 г. Онъ говоритъ между прочимъ, что при императорскомъ дворѣ есть люди испанской партіи, которые полагаютъ, что дѣла французскія для христіанства гораздо важнѣе угорскихъ; они утверждаютъ-де, что удайся даже императору отнять отъ турокъ всѣ угорскія земли, мало бы отъ того было пользы католической вѣрѣ, ибо всѣ угры испорчены сектами и различными ересями, и все добытое здѣсь досталось бы собственно еретикамъ, а не католикамъ (485). Между этими сектами и ересями едва ли не разумѣлось главнѣйшее православіе, уцѣлѣвшее еще тогда отъ древнѣйшихъ временъ во многихъ частяхъ Угріи.

Замѣчательно, что въ войскахъ семиградскаго воеводы Іоанна Запольи около 1528 г. находились не только угры, турки и татары, но и москальи, по сообщенію венеціанскаго агента изъ Угріи (408). По всей вѣроятности, подъ ними разумѣлись червоноруссы смежныхъ съ Семиградомъ частей Угріи, Галичины и Буковины или южноруссы Молдавіи и Запорожья.

Такимъ образомъ, въ Угріи, какъ и въ республикѣ святаго Марка, населеніе распадалось на два культурныхъ слоя и типа: а) верхній—латинскій и б) нижній—грекославянскій. Угрія была, слѣдовательно, своего рода мостомъ отъ Запада къ Востоку. Изъ собственно же восточныхъ факторовъ великаго восточнаго вопроса заслуживаютъ особаго упоминанія и обозрѣнія слѣдующіе: 1) Турція XV—XVI вѣковъ, 2) греки, албанцы и славяне въ Венеціанской республикѣ и 3) Москва. Къ нимъ мы теперь перейдемъ.

XVI.

Для правильной оцѣнки исторической роли Турціи и объясненія ея поразительныхъ успѣховъ въ XV—XVI вѣкахъ очень важно донесеніе Миланскому герцогу его посла въ Венецію въ 1479 г. Въ донесеніи этомъ посоль сообщаетъ, со словъ бѣжавшаго изъ Турціи плѣнника Іоанна Антона Кальдора (Caldora), сначала о доходахъ султана (до 5 мил. дук.) и его расходахъ на армію (до 3 мил. дук.), говоритъ о силѣ турецкаго флота (болѣе 300 галеръ, не считая множества фустъ и др. меньшихъ судовъ), а затѣмъ прибавляетъ: „Удивительныя вещи разказываетъ онъ, Кальдора, о величайшей справедливости и чудес-

номъ управленіи (султана) по всѣмъ вѣдомствамъ. Между прочимъ онъ сообщаетъ, что султанъ не имѣетъ и не терпитъ въ своихъ владѣніяхъ ни одного человѣка, который имѣлъ бы юрисдикцію надъ своими людьми, такъ что между всѣми турецкими пашами и прочими подданными нѣтъ ни одного, который имѣлъ бы юрисдикцію хотя бы надъ самымъ малымъ своимъ замкомъ, что конечно заслуживаетъ величайшаго удивленія... Молю Бога^а, заключаетъ посолье, —, чтобъ онъ держалъ турокъ подалеже отъ этой злосчастной Италіи^а (165).

Итакъ, всего удивительнѣе и опаснѣе для Европы въ Турціи была не армія или флотъ, а совершенно отличный отъ западно-европейскаго социальный строй, отсутствіе феодализма, барства, крѣпостнаго права, а вдобавокъ еще прекрасная юстиція и администрація.

Столь же характерны въ этомъ отношеніи слова, сказанныя въ 1529 г. венеціанскому послу въ Константинополь Ибрагимомъ-пашею, по случаю примиренія Венеціи съ Карломъ V: „Слова христіанъ пишутся де на свѣгѣ, султана же—на мраморѣ“ (791).

Не удивительно, что сила и авторитетъ султана стояли въ то время такъ высоко, что и „дѣна его крови“ (500 червонцевъ) втрое превышала дѣну за Испанскаго короля (150 черв.) и внятеро за папу (100 черв.), по характерной оцѣнкѣ фратра Іоан. Рагузинскаго въ 1518 г. (412).

Положеніе турецкой раи въ ту эпоху было значительно лучше тогдашняго положенія западно-европейскихъ крестьянъ, почему низшіе слои населенія и Архипелага, и Балканскаго полуострова, и Угріи очень часто принимали сторону турокъ противъ своихъ христіанскихъ государей и господъ. Нерѣдко такъ думали, впрочемъ, не одни крестьяне, но и правительства. Южные италіянцы, напримѣръ, предпочитали турокъ испанцамъ (792). Венеція въ 1479 г., по донесенію миланскаго посла, готова была, въ случаѣ образованія лиги изъ Флоренціи, Милана и Неаполя, соединить 70 своихъ галеръ и 5 кораблей съ турецкимъ флотомъ и напасть на Апулію, пропустивъ вдобавокъ 15—20.000 турокъ черезъ Фріуль въ Ломбардію (165). Усердно помогала она туркамъ и совѣтами, и шпіонствомъ и въ 1495 г.; противъ Карла VIII, когда онъ утвердился въ Неаполѣ и предполагалъ перевезти свой отрядъ изъ Отранто въ Валону, съ тѣмъ чтобъ отрядъ этотъ, усиленный повстанцами греческими, албанскими, славянскими, двинулся на Константинополь (292 — 293), какъ нѣкогда норманны и другіе крестоносные франки.

И неаполитанцы въ свою очередь помогали своими совѣтами тур-

камь въ войнахъ съ Венеціею. Такъ въ 1478 году Неаполитанскій король Фердинандъ I подущалъ Египетскаго султана къ войнѣ съ нею за островъ Кипръ (164); въ 1614 же году вице-король неаполитанскій герцогъ д'Оссуна совѣтовалъ туркамъ отнять отъ венеціанцевъ островъ Кандію (803), что и случилось нѣсколько позже.

Не удивительно, что турки рассчитывали было уже учредить свою секундогениттуру въ южной Италиі или на островѣ Сициліи (796).

Бывали случаи, что самъ папа, какъ мы видѣли уже, уговаривалъ Францію дозволить туркамъ потрепать нѣсколько Венецію за ея грѣшья (324). Французы не пужались однако въ такихъ совѣтахъ, ибо они и безъ нихъ всегда держались союза съ Турціей въ своемъ соперничествѣ съ австро-испанскимъ домомъ.

Продолжительныя и частыя сношенія турокъ съ западомъ, особенно съ его столь деморализованными представителями, какъ Венеція и курія, не могли не подѣйствовать наконецъ разлагающимъ образомъ и на соціальный ихъ строй, и на политическую мораль.

Золото постепенно и въ Турціи становилось всецѣльнымъ кумиромъ и орудіемъ. Въ 1576 г. въ совѣтѣ X было даже формулировано положеніе, что въ Турціи бѣльшаго можно добиться подарками, чѣмъ доводами (800). Съ этого приблизительно времени все бѣльшую силу получаютъ при султанскомъ дворѣ греческіе, армянскіе и еврейскіе банкиры, которые забираютъ на откупъ дѣльня провинціи и отдѣльныя оброчныя статьи, высасывая соки изъ населенія. Но по этому второму періоду турецкой исторіи было бы несправедливо заключать и о первомъ, о которомъ собственно и идетъ рѣчь въ Сборникѣ.

Для характеристики Турціи конца XV вѣка, въ ея отношеніяхъ къ западной Европѣ, въ высшей степени любопытны и важны многочисленные документы, собранные и изданные В. И. Ламанскимъ, о судьбѣ султана Джема, которому посвящено до 90 стр. (201—292) его сборника. Остановимся и мы на этомъ матеріалѣ и прослѣдимъ— въ хронологической послѣдовательности и строго придерживаясь документовъ— отдѣльные эпизоды тринадцатилѣтнихъ скитаній злополучнаго султана по областямъ Европы, съ дополнительными свѣдѣніями изъ Гаммера (Hammer, *Histoire de l'Empire Ottomane* 1836 г. III т.) и Цинкейзена (Zinkeisen, *Gesch. der Osmanischen Reiches in Europa* 1855 г. II и III т.).

Султанъ Джемъ былъ второй сынъ Магомета II Завоевателя. По свѣдѣніямъ въ сборникѣ профессора Ламанскаго, онъ родился около

1455 г. (263), по другимъ же источникамъ—въ 1459 г. (Гаммеръ III, 449, 456; Цинкейзенъ II, 493). Въ годъ смерти отца (3-го мая 1481 г.) Джемъ имѣлъ, слѣдовательно, по меньшей мѣрѣ 22 года, тогда какъ старшій братъ, Баязеть, имѣлъ тогда лѣтъ 35.

Первое по времени извѣстiе о Джемѣ въ сборникѣ г. Ламанскаго занимаетъ сохранный Марино Санудо письмо Джема къ Баязету въ 1481 г., въ которомъ призывается на султана мечь покойнаго отца и выражается сожалѣнiе, что послѣднiй при жизни не казнилъ такого преступнаго сына (260). Вѣроятно, письмо это было написано во время похода Джема изъ его прежней караманской резиденци Иконiи подъ Вруссу, въ маѣ 1481 г.¹⁾ Марино Санудо сообщаетъ вкратцѣ объ этомъ походѣ и двухъ сраженiяхъ подъ Вруссою (26-го мая и 16-го iюня²⁾, изъ коихъ первое было выиграно, а второе потеряно Джемомъ, послѣ чего онъ принужденъ былъ съ 2000 оставшимися (изъ 7000) солдатами бѣжать въ Караманiю (261). Въ Караманiи онъ встрѣтилъ-де свою мать, которая привела ему на помощь 10000 отрядъ, но уже поздно, такъ что Джемъ прослѣдовалъ чрезъ Иконiю въ Алеппо съ 2000 всадниковъ, а оттуда въ Каиръ, куда прибылъ 10-го августа 1481 г. (261).

О пребыванiи Джема въ Каирѣ, его поѣздкѣ въ Мекку и Медину, а равно о второмъ, тоже неудачномъ походѣ черезъ Сирию въ Малую Азiю, для завоеванiя хотя азиатскихъ частей имперiи, о чемъ подробно разказываетъ Гаммеръ (III, 351—354) и вкратцѣ — Цинкейзенъ (II, 478 сл.), мы ничего не находимъ въ сборникѣ профессора Ламанскаго. За то мы читаемъ у него довольно обстоятельный разказъ о посольствѣ Джема (изъ Каликии, въ Малой Азiи) къ магистру родосскихъ рыцарей Петру Добюссону, съ просьбой объ убѣжищѣ, а также о согласiи на то магистра и высылкѣ за Джемомъ Родосской флотилии изъ пяти большихъ и многихъ меньшихъ кораблей, затѣмъ о прибытiи султана съ 37 турками на островъ Родосъ 29-го iюля 1482 г.³⁾ о торжественной ихъ встрѣчѣ магистромъ и поселенiи Джема во французскомъ альберго. При этомъ разказывается у Марино Санудо, что Джемъ имѣлъ тогда 26 (22?) лѣтъ отъ ролу, былъ высокаго роста, съ орлинымъ носомъ, близорукъ на лѣвый глазъ и казался человѣкомъ скромнымъ и мужественнымъ (363). Характе-

¹⁾ У Марино Санудо тутъ ошибочно поставленъ 1480 г. (стр. 261. Ср. Гаммера III, 343, 345, 450; Цинкейзена II, 477 сл.).

²⁾ У Цинкейзена II, 477: 20 iюня.

³⁾ По Гаммеру III, 355—24-го iюля; по Цинкейзену II, 1480—23-го iюля.

ристка эта согласна въ общихъ чертахъ съ приводимою Гаммеромъ изъ Каурсина (III, 449 сл.).

Далѣе въ сборникѣ профессора Ламанскаго опять слѣдуетъ болшой пробѣлъ объ одномѣсячномъ пребываніи Джема на островѣ Родосѣ, съ 29-го іюля по 31-го августа 1482 г., о его договорѣ съ Родосцами 20-го августа на случай возстановленія въ султанствѣ (Цинк. II, 481), а равно и о шестинедѣльномъ плаваніи черезъ островъ Косъ и Мессину въ городъ Ниццу (Гамм. III, 356 — 359). Но за то мы находимъ въ сборникѣ не менѣе 25 документовъ о шестилѣтнемъ пребываніи Джема во Франціи, а именно: въ Ниццѣ съ октября 1482 по февраль 1483 г., потомъ въ Шамбери, Руссильонѣ, Ла-Пюи, Сассенажѣ, Бургнефѣ и наконецъ въ семизатномъ приморскомъ замкѣ Бокалени, близъ Марсели, гдѣ онъ оставался до 9-го ноября 1488 г. (Гаммеръ, III, 360—363, 366).

Бѣднѣйшій султанъ сталъ предметомъ постыднаго торга христіанскихъ государей, при чемъ болѣе или менѣе важную роль играли: 1) родосскій магистръ Добюссонъ, который, забывъ о договорѣ съ Джемомъ, разсматривалъ его какъ плѣнника, за содержаніе котораго онъ можетъ получать отъ 40 до 45000 дук. ежегодно отъ Баязета (Цинк. II, 482 — 483), да еще пособія отъ султанши-матери изъ Египта, въ случаѣ же продажи—равныя льготы и преимущества, въ томъ числѣ и кардинальскую шапку; 2) папа, сначала одобрявшій заключеніе Джема во Франціи (Сискъ IV, см. Цинкейз. II, 481), потомъ же рѣшившійся во что бы то ни стало переманить его въ свои руки (Иннокентій VIII), чтобъ утилизировать для своихъ политическихъ и финансовыхъ цѣлей; 3) Венеція, которая пользовалась Джемомъ то для запугиванія Баязета, то для оказанія ему шпионскихъ услугъ, то для другихъ тонкихъ соображеній и дѣлишекъ; 4) Карлъ VIII, наложившій и свою руку на узника родосцевъ и колебавшійся долгое время между Угріей, Баязетомъ и папою относительно выдачи Джема; 5) Фердинандъ, король Неаполитанскій, хлопотавшій о плѣнномъ султанѣ въ видахъ, кажется, перепродать его Баязету за богатый выкупъ; 6) Матвѣй Карвинъ, надѣявшійся при помощи Джема отвоевать отъ турокъ три королевства: Боснійское, Сербское и Болгарское (Цинк. II, 483); 7) Египетскій султанъ, принимавшій сторону Джема въ его борьбѣ съ Баязетомъ по политическимъ соображеніямъ или родственнымъ отношеніямъ къ жившей при его дворѣ матери Джема; 8) Баязеть, желавшій во что бы то ни стало обезпечить себя

отъ претендента либо заключеніемъ въ мѣстности по возможности удаленной отъ Турціи, какъ Франція, либо умерщвленіемъ брата.

Прослѣдимъ теперь вкратцѣ содержаніе вошедшихъ въ сборникъ В. И. Ламанскаго документовъ о Джемѣ за періодъ времени: а) съ октября 1482 г. по 9-е ноября 1488 г. и б) съ послѣдняго до 1495 года.

22-го мая 1483 г. въ совѣтѣ X обсуждалось предложеніе Баязета переманить Джема въ руки венеціанцевъ, при чемъ совѣтъ рѣшилъ отклонить это предложеніе подъ предлогомъ невозможности добыть Джема изъ дальнихъ краевъ (Савойи) и чужихъ рукъ (202), на дѣлѣ же по болѣе эгонистическимъ соображеніямъ: въ плѣнномъ султанѣ совѣтъ видѣлъ палку, которою каждый можетъ бить Баязета: *cum questo baston ognuno ha modo batterlo* (204). Впрочемъ, венеціанскому послу въ Константинополѣ предписано было на всякій случай навѣдаться, какую сумму готовы турки дать за переводъ Джема изъ Франціи въ венеціанскія владѣнія (202), такъ какъ по слухамъ Баязетъ не прочь былъ отдать за эту услугу Морю (204). Мѣсяца черезъ два, 18-го іюня 1483 г., совѣтъ X, со включеніемъ двадцати *ad hoc* избранныхъ нобилей, обсуждалъ предложеніе Савойскаго герцога о передачѣ Венеціи Джема и рѣшилъ отложить ее до болѣе удобнаго и не очень де отдаленнаго времени (205—207). Совѣту, очевидно, „и хотѣлось, и кололось...“ По тѣмъ же мотивамъ отклонилъ совѣтъ X 17-го августа 1484 г. и предложеніе Джема перебѣжать изъ Савойи въ венеціанскія владѣнія (207), но вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ, въ знакъ сочувствія плѣннику, выпустить на волю арестованнаго въ Медонѣ посланца, посредничавшаго между Джемомъ и его матерью въ Каирѣ (1b). Отрицательно отвѣтилъ совѣтъ X 4-го декабря 1484 г. и на предложеніе родосскаго магистрата передать Венеціи Джема: это признано было единогласно и опаснымъ, и преждевременнымъ (208—209). Очевидно, Венеція боялась Баязета, для угожденія которому предписано было 17-го мая 1485 г. венеціанскому послу въ Константинополѣ Даріо (Dario) сообщить султану о пребываніи его брата во Франціи, въ родосскомъ замкѣ Борго Каламитъ (Calamith, 209), а вмѣстѣ съ тѣмъ 14-го октября 1485 г. на того же посла возложено передать Баязету перехваченнаго венеціанцами письма Джема къ его матери (210).

Но вотъ выступаетъ новый серьезный претендентъ на личность Джема, папа Иннокентій VIII. Уже въ первый годъ своего папства (1485) онъ потребовалъ отъ родосцевъ Джема, для употребленія его

при крестовомъ походѣ на турокъ, какъ это явствуетъ изъ письма папы къ герцогу Вурбонскому 7-го декабря 1585 г. (Цянк. II, 484). Переговоры вскорѣ привели къ заключенію контракта о передачѣ Джема магистромъ Добюссономъ папѣ Иннокентію VIII на слѣдующихъ условіяхъ: султанъ-претендентъ будетъ жить въ Маркѣ Анконской, гдѣ въ его распоряженіе отдано будетъ нѣсколько городовъ, замковъ и мѣстностей; онъ будетъ по прежнему находиться подъ охраною родосскихъ рыцарей, по выбору магистра, подъ главнымъ наблюденіемъ своего „протектора“, кардинала Андагавскаго (Andagavensis); послѣдній даетъ клятву, что никому не передастъ Джема безъ обоюднаго согласія папы и ордена; равнымъ образомъ и представленная къ султану стража принесетъ клятву въ томъ, что никому его не выдастъ и не дозволитъ бѣжать; на содержаніе Джема папа назначитъ по 12,000 червонцевъ въ годъ, да на переѣздъ изъ Франціи 2,000 червонцевъ, заимствуя эту сумму изъ получаемыхъ ежегодно на Джема отъ турокъ 40,000 дукатовъ, изъ нихъ 10,000 будутъ поступать въ казну родосскую, а 30,000 въ распоряженіе папы; въ случаѣ новой осады острова Родоса турками папа позаботится о доставленіи ему помощи; магистръ Добюссонъ получитъ кардинальскую шляпу, а родосцамъ подчинены будутъ ордены Гроба Господня, Вилеємскій, Назаретскій и св. Лазаря, а съ тѣмъ вмѣстѣ имъ разрѣшено будетъ торговать съ невѣрными въ Сиріи и Египтѣ (263 сл.; ср. Цянк. II, 485).

Не скоро, однако, договоръ этотъ приведенъ былъ въ исполненіе, благодаря главнѣйше затрудненіямъ со стороны Французскаго короля. И венеціанское правительство, не смотря на вооруженія султана, о которыхъ писалъ Добюссонъ папѣ 23-го января 1487 г. (271), первое время было противъ передачи Джема Иннокентію VIII, считая Францію лучшимъ убѣжищемъ (211); но съ апрѣля 1487 года оно рѣшительно переходитъ на сторону папы, утверждаетъ его въ рѣшимости приобрѣсти Джема (216) и выражаетъ мысль, что это прямо относится къ званію папы, какъ общаго отца и главы всего христіанскаго міра: *specta proprio al officio suo pastorale... come padre universale et capo de tutta la christianità* (215). Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ X придумалъ и практическій способъ для убѣжденія въ этомъ французовъ, именно „раздачу бенефицій“, то-есть, особаго рода подкупъ вліятельныхъ духовныхъ лицъ при французскомъ дворѣ, предложивъ и съ своей стороны денежное пособіе для той же цѣли, чтобы затѣмъ имѣть въ рукахъ чудесное средство для обузданія Вая-

зета (215). Въ виду всего изложеннаго венеціанскому послу во Франціи предписано было 9-го апрѣля 1487 г. вслѣдствіи помогать въ этомъ дѣлѣ легату, ни въ какомъ случаѣ не допуская передачи Джема Матвѣю Корвину, который воспользуется де претендентомъ единственно для своихъ спеціальныхъ цѣлей и удобствъ (217). Папа послушался совѣта венеціанцевъ и отправилъ вслѣдъ затѣмъ новаго легата съ обширными полномочіями обѣщать деньги и бенефиціи (*cum ampla et omnimoda potestae promittendi pecunias et beneficia*, 219), чтобы не допустить перехода Джема въ руки угорскаго короля (1b). А между тѣмъ и положеніе Французскаго короля было довольно затруднительно. Ваязетъ предлагалъ ему за удержаніе Джема во Франціи „всѣ реликвіи, найденныя въ 1453 г. въ Константинопольскомъ дворцѣ, а также св. Гробъ и обѣщаніе никогда не воевать съ христіанами“; съ другой же стороны, Матвѣй Корвинъ представлялся Карлу VIII единственнымъ государемъ, который могъ тогда предпринять серьезную войну съ турками и, слѣдовательно, утилизировать Джема (275).

Благодаря соединеннымъ усиліямъ папы и Венеціи, при чемъ, конечно, и „раздача бенефицій“ не осталась безъ вліянія, Карлъ VIII былъ, наконецъ, доведенъ до рѣшимости передать Джема на извѣстныхъ условіяхъ папѣ, какъ видно изъ его инструкціи отправленному для этой цѣли въ Римъ посланцу 10-го апрѣля 1488 г. (287 сл.). Угорскій король, не успѣвъ во Франціи, обратился къ магистру Добюссону съ просьбою передать ему Джема (276): по чтó могъ онъ посулить магистру равносильнаго кардинальской шляпѣ, обѣщанной ему папою? Столь же безуспѣшна была попытка султана таврическаго (*soldanus Tauricum*) выторговать себѣ у родосцевъ Джема (276).

4-го іюля 1488 г. была заключена, а 5-го октября того же года ратификована конвенція Французскаго короля съ папою, по которой Джему разрѣшено было переѣхать въ Марку Анконскую, какъ болѣе близкую къ христіанскимъ областямъ Турціи, въ видахъ обезпеченія Италіи, а въ особенности Папской области, отъ военныхъ приготовленій Ваязета (281—284).

Хотя турецкія войска направлены были вслѣдъ затѣмъ не на Италію, а на Египетскаго султана, и потерпѣли 15-го августа 1488 г. пораженіе у города Адена (279), однако Карлъ VIII выдалъ 13-го октября 1488 г. Джему и его 400 спутникамъ охранную грамоту для переѣзда въ папскія владѣнія (288), о чемъ немедленно увѣдомилъ Ваязета венеціанскій посолъ „тайкомъ и въ соотвѣтственно важныхъ

выраженіяхъ* (samunicar deblate secretamente cum li signori Bassà cum quella forma graue de paroli, che... la materia recerca, 224).

7-го ноября 1488 г. папа потребовалъ отъ венеціанцевъ возмѣщенія, согласно обѣщанію, части расходовъ на выкупъ Джема изъ Франціи (224), на что ему данъ былъ отвѣтъ очень уклончивый, подъ тѣмъ предлогомъ, что Джемъ не переведенъ еще въ Папскую область (226). Въ самомъ дѣлѣ, лишь 9-го ноября 1488 г. послѣдовалъ отъѣздъ Джема со свитой и стражей изъ Франціи и не ранѣе 13-го марта 1489 г. онъ былъ доставленъ въ Римъ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія въ одномъ изъ папскихъ замковъ (Гаммеръ III, 366, Цинк. II, 485).

Теперь начинается новый періодъ шестилѣтняго томленія Джема въ рукахъ папы, при постоянныхъ усиліяхъ: плѣнника спастись въ Египетъ или хоть въ Венецію; Баязета заполучить брата живымъ или мертвымъ; Венеціи протянуть по возможности время эксплуатаціи семейной распри Османидовъ и, наконецъ, папы утилизировать претендента для политическихъ или финансовыхъ спекуляцій. Для этого періода въ сборникѣ профессора Ламанскаго имѣется до 30 документовъ.

Изъ инструкціи венеціанскаго правительства его послу въ Римѣ, отъ 10-го февраля 1489 г., мы узнаемъ, что неаполитанскій король Фердинандъ желалъ тогда переманить къ себѣ Джема изъ Франціи либо изъ Папской области, при содѣйствіи родосскаго рыцаря фратра Марино (227). Вторымъ агентомъ Фердинанда въ этомъ дѣлѣ былъ, по свѣдѣніямъ венеціанскаго правительства, папскій постельничій Бернардинъ (228). Тогда же предостерегала Венеція папу отъ покушеній на Джема со стороны агентовъ Баязета, совѣтуя не пускать къ плѣннику даже тѣхъ турокъ, которые выдаютъ себя за посланцовъ его матери, и не допускать отъ нихъ подарковъ Джему въ видѣ рубахъ, поясовъ, платья и т. п. (229). Замѣтимъ здѣсь кстати, что, подъ шумокъ этихъ тревожныхъ для Баязета отношеній и переговоровъ, Венеція присоединила къ своимъ владѣніямъ въ 1489 г. Кипръ, безъ возраженій со стороны султана (Hopf u Ersch u. Gruber Encyclopedie, 86 т., 167).

19-го января 1490 г. венеціанскому послу въ Константинополь предписано было сообщить турецкому правительству о задержаніи въ Венеціи человѣка, который выдалъ себя папскому легату за турецкаго агента, подосланнаго съ двумя пузырьками яда для отравленія колодца, откуда черпаютъ воду для папы и Джема, при чемъ однако Венеціанцы считаютъ де этотъ разказъ его выдуманнымъ, для прида-

нія себѣ пущей важности (230). Объ аналогичномъ фактѣ упоминають Гаммеръ (III, 368) и Цинкейзенъ (II, 487). Послѣдній сообщаетъ еще подъ 1490 г., что Баязеть выплатилъ тогда папѣ 120,000 дук. за содержаніе Джема на три года (II, 486), и что Египетскій султанъ предлагалъ Иннокентію VIII за выдачу Джема 400,000 дук. да въ добавокъ передачу христіанамъ Іерусалима, Константинополя и рсей Европейской Турціи, въ случаѣ пораженія Баязета (II, 486 сл.). По всей вѣроятности, послѣднее предложеніе сдѣлано было папѣ тѣми восемью посланцами изъ Александріи въ Римъ, о прибытіи коихъ въ Венецію упоминается въ инструкціи венеціанскаго правительства бамбу въ Константинополѣ 19-го января 1490 г. (231).

30-го апрѣля 1490 г. венеціанское правительство извѣстило папу о подозрительныхъ сношеніяхъ съ Баязетомъ генуэзца Жуана Баптиста¹⁾ Зентиль, вѣроятно де въ видахъ убіенія Джема (232). Изъ другого письма въ Римъ же, 3-го іюня 1490 г., мы узнаемъ, что въ этомъ заговорѣ принимали участіе, сверхъ Жуана, еще доминиканецъ Леонардъ и нѣкоторыя другія лица, прибывшія де уже въ Римъ съ тайными агентами султана. Венеціанское правительство предписало при этомъ своему послу внушить папѣ, что онъ долженъ пуще глаза беречь этотъ „драгоценнѣйшій залогъ церкви, въ которомъ заключена и полная безопасность всѣхъ христіанскихъ государствъ, и вѣчная слава его святѣйшества: *preciosissimum depositum ecclesiae dei, in quo consistit summa securitas totius status christiani et perpetua gloria nominis sanctitatis suae* (233). Всѣ эти сообщенія его святѣйшество долженъ былъ „хранить въ тайникахъ своего сердца“ (ib.), конечно—изъ опасенія, чтобы Баязеть не провѣдалъ о такой двуличности Венеціи. Очень обезпокоена была республика въ августѣ 1490 г. слухами о болѣзни папы, опасаясь въ смутахъ междоусловіи утратить Джема, этотъ „драгоценнѣйшій кладъ церкви и спасительнѣйшій даръ христіанства“ (234); но на этотъ разъ тревога оказалась напрасною.

23-го сентября 1490 г. венеціанскому послу въ Римѣ предписано было предостеречь папу противъ подозрительной близости съ Джемомъ султана (египетскаго?) посла, который ежедневно посѣщаетъ плѣнника, съ нимъ ѣсть, пьетъ и спитъ, а равно противъ Баязетова

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что и Иннокентій VIII былъ генуэзецъ и назывался Жуанъ Баптиста Цибо.

посла Мустафы-бея, который ѣдетъ де въ Римъ для убіенія Джема, снабженный большимъ количествомъ денегъ и иныхъ драгоценностей. Венеціанскому послу предписано было предупредить о томъ и родоссаго рыцаря Туркополиеро, завѣдывавшаго охраной Джема, но не занялся передъ нимъ о деньгахъ Мустафы-бея (236). Последняя оговорка очень характерна и для Венеціи, и для римскихъ опекуновъ турецкаго царевича.

6-го ноября 1490 г. совѣтъ X обсуждалъ какое-то важное и тайное предложеніе Арльскаго архіепископа относительно Джема (238). Вѣроятно, дѣло шло о переселеніи его въ венеціанскія владѣнія, на что совѣтъ и тогда не могъ рѣшиться страха ради турецкаго.

24-го сентября 1491 г. совѣтъ X возложилъ на своего посла въ Римъ сообщить папѣ, что существуетъ заговоръ на жизнь Джема, и что умерщвленіе его въ рукахъ папы было бы поводомъ очень неблагоприятныхъ для послѣдняго комментаріевъ, тѣмъ болѣе, что жизнь претендента приводитъ въ ужасъ султана и составляетъ „драгоценнѣйшій кладъ церкви“ (238). Подобное же предупрежденіе вторично было послано въ Римъ 12-го декабря 1491 г., при чемъ названо и лицо, нанатое турками для умерщвленія Джема, именно доминиканецъ Леонардъ, о которомъ упомянуто и въ сообщеніи 30-го апрѣля 1490 г. Въмѣстѣ съ тѣмъ посолъ долженъ былъ поставить папѣ на видъ, что убіеніе Джема было бы вѣчнымъ и несмываемымъ пятномъ на его имени (241): очевидно, что Венеція считала и Иннокентія VIII однимъ изъ участниковъ заговора! Основательность этого подозрѣнія доказывается и открытіями, сдѣланными Венеціей въ началѣ слѣдующаго 1492 г. Изъ Албаніи она получила очень компрометирующее папу извѣстіе, по всей вѣроятности, объ отправленіи имъ къ Баязету посланца для переговоровъ о Джемѣ, какъ это видно изъ сличенія инструкцій совѣта X его послу въ Римъ отъ 8-го и 27-го февраля 1492 г. (244). Правда, папа признавалъ этого посланца обманщикомъ (ib.), но трудно повѣрить ему въ томъ на слово. Впрочемъ, Иннокентію VIII не удалось продать Джема Баязету, ибо вскорѣ онъ заболѣлъ (245), а недолго спустя и умеръ, очистивъ папскій престолъ знаменитому своими злодѣяніями Александру VI Борджіа (въ августѣ 1492 г.). Перемѣна на папскомъ престолѣ не только не улучшила положенія Джема, но еще ухудшила его, чѣмъ и объясняются усиленные попытки ватиканскаго плѣнника вырваться на волю.

Уже изъ предписанія венеціанскаго правительства его послу въ

Римъ 13-го октября 1492 г. мы узнаемъ о предположеніи Джема бѣжать въ венеціанскія владѣнія, которое было отклонено подъ предлогомъ нежеланія оскорбить папу, Французскаго короля, родосскихъ рыцарей и наконецъ самого Джема, который нигдѣ не можетъ-де найти лучшаго убѣжища, какъ у главы церкви. Посреднику Джема въ этомъ предложеніи, Клавдію, приказано было Совѣтомъ X не затѣвать бѣгства подъ страхомъ потерять „жизнь и бороду“ (247 сл.; ср. тоже на стр. 252 сл.). Выѣстъ съ тѣмъ Совѣтъ обратилъ вниманіе папы на недовольство Джема своимъ положеніемъ и на его усилія бѣжать, заручившись лишь надежнымъ убѣжищемъ (246). Представленія Совѣта мало помогали Джему, и 21-го ноября 1492 г. венеціанскому послу вновь предписано было обратить вниманіе Александра VI на крайнее недовольство Джема своимъ положеніемъ и его готовность бѣжать изъ Рима, какъ скоро онъ разбудетъ какую-нибудь лодку на Тигрѣ, въ чемъ ему можетъ де пособить г. Малиссе (Malisse). Необходимо-де разъяснить Джему, что всѣ предосторожности стражи направлены единственно къ охранѣ его отъ козней Баязета. (251). Въ дѣйствительности Александръ VI смотрѣлъ гораздо практичнѣе на своего плѣнника. Онъ вступилъ, кажется, уже въ началѣ 1493 г., въ сношенія съ Баязетомъ о продажѣ ему „драгоценнаго залога церкви“, по фразеологіи Совѣта X. Первымъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ папы съ султаномъ былъ Неаполитанскій король Фердинандъ, какъ о томъ можно догадываться изъ предписанія Совѣта X своему секретарю Даріо (Dario) 1-го апрѣля 1493 г. внушить турецкому посланцу, что Фердинандъ вовсе не распоряжается судьбой Джема и не состоитъ въ столь интимныхъ отношеніяхъ къ папѣ, какъ онъ увѣряетъ турокъ (253).

Въ апрѣлѣ 1493 г. въ Римъ дѣйствительно прибыли агенты Баязета, имѣвшіе аудіенцію у папы, при которой отказался присутствовать посолъ венеціанскій, изъ вниманія-де къ султану (254). Едва ли не съ вѣдома папы ѣздилъ тогда же въ Константинополь нѣкій Лактанцій Венціо, лицо близкое къ двумъ кардиналамъ и очень подозрительное въ глазахъ Совѣта X, который разослалъ за нимъ гончіе листы (255). Въ іюлѣ 1493 г. венеціанское правительство вновь выслѣдило какія то греческія письма о Джемѣ Михаила Христуло, на шашни котораго обращено было вниманіе папы (256 сл.). 12-го марта 1494 г. еще разъ Совѣтъ X предостерегалъ папу противъ покушеній на жизнь Джема, этого „спасительнаго залога церкви

(257). Но вслѣдъ затѣмъ 19-го марта венеціанскому послу предписано было предъявить папѣ: а) два перехваченныхъ папскихъ бреве, едва ли не фальсификованныхъ (?); б) копию письма арестованнаго венеціанскими властями брата Александра Сервіано къ епископу (латинскому, конечно) Занте и Кефалоніи, писаннаго во дворцѣ паши 6-го ноября 1493 г., и в) найденную при этомъ братрѣ вѣрительную грамоту Ваязета къ Фердинанду. Хотя братъ Александръ и подлѣткою не выдалъ-де цѣли своего посольства къ королю Неаполитанскому, однако онъ, какъ человѣкъ злобный, коварный и опасный, навѣрное преслѣдовалъ де при этомъ цѣли, противныя интересамъ христіанства, почему Совѣтъ X и опредѣлилъ держать его въ заключеніи впредь до рѣшенія папы (258).

Папа, въ домѣ котораго писано было означенное компрометирующее письмо брата Александра, былъ, вѣроятно, Мустафа, еще при Иннокентіѣ VIII ѣздившій въ Римъ съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ отъ Ваязета, а затѣмъ поселившійся близъ г. Драча въ Албаніи, съ цѣлью руководить дѣйствіями, направленными противъ личности Джема. Объ этомъ Мустафѣ-пашѣ упоминаетъ магистръ Добюссонъ въ письмѣ къ Александру VI 26-го апрѣля 1494 г., называя его человѣкомъ обширнаго и тонкаго ума, пользующимся особымъ расположеніемъ и довѣріемъ султана (290).

Последніе мѣсяцы жизни Джема мало освѣщены сборникомъ профессора Ламанскаго. Мы находимъ въ немъ еще только разрѣшеніе Совѣта X доложить Сенату донесенія венеціанскихъ пословъ въ Неаполѣ 19-го, 22-го и 27-го февраля 1495 г., извѣщающихъ о смерти Джема, при чемъ Совѣтъ потребовалъ однако опущенія имени медика магистра Тодора, а равно нѣкоего Іо. Якова де Триультинскаго (*magnificus dominus Joh. Iac. de Triultis*) и прочихъ военачальниковъ (*ductores armorum*), поименованныхъ въ письмѣ 27-го февраля (259). Изъ этого умолчанія можно бы сдѣлать заключеніе о какомъ-то соучастіи поименованныхъ лицъ въ смерти Джема, компрометирующемъ Совѣтъ X или его союзниковъ, почему и не признано было возможнымъ давать этой подробности огласку черезъ Сенатъ.

Кто же былъ непосредственнымъ виновникомъ смерти Джема?

На стр. 292 В. И. Ламанскій упоминаетъ объ инструкціи, данной папѣ Александромъ VI его пунцію, посланному къ Ваязету, а равно о письмахъ послѣднѣяго къ папѣ: очевидно, они находились въ то время въ дѣятельныхъ сношеніяхъ. Изъ мемуаровъ Филиппа

Комина (Comines, Memoires, Paris 1649) мы также узнаемъ, что по современнымъ слухамъ Александръ VI передалъ Джема Карлу VIII уже отравленнымъ (292 — 293); венеціанцы же, узнавъ о смерти претендента, рѣшили де немедленно сообщить о томъ Баязету съ такой поспѣшностію, чтобы никто не могъ предупредить ихъ въ этомъ (293). Такимъ образомъ, главнымъ виновникомъ отравленія Джема является, по этимъ свѣдѣніямъ, Александръ VI, быть можетъ при нѣкоторомъ соучастіи Венеціи.

Гаммеръ и Цинкейзенъ также разказываютъ о предоставленіи папою султану 26-го іюня 1494 г. на выборъ: либо содержать Джема въ Римѣ за 40,000 дук. въ годъ, либо умертвить его за 400,000 дукатовъ равowych (Гам. III, 369; Цинк. II, 489, 491). Баязеть, нѣсколько напуганный еще планами Карла VIII въ пересказѣ папы, предпочелъ кажется послѣднее. Цинкейзенъ сообщаетъ письмо его къ Александру VI отъ 15-го сентября 1494 года, въ которомъ султанъ соглашается выплатить папѣ 300,000 дукатовъ за умерщвленіе Джема и въдобавокъ обязуется до смерти хранить миръ съ христіанами и не притѣснять ихъ въ Турціи (II, 490 сл.). Папскій посоль Георгій Буччiarдо, кажется, получилъ уже и задатокъ отъ султана, въ количествѣ 80,000 дук.; но деньги эти были отъ него отобраны синигальскимъ префектомъ Іоанномъ де-Ровере (Rovere, см. Гам. III, 371; Цинк. II, 492). А между тѣмъ въ это самое время Карлъ VIII перешелъ во главѣ значительной арміи въ Италію (18-го сентября 1494 г.), занялъ Римъ (31-го декабря) и по миру съ папою 11-го янв. 1495 г. принудилъ послѣдняго выдать ему на шесть мѣсяцевъ Джема, котораго дѣйствительно получилъ 28-го января и увелъ съ собою въ Неаполь (Гам. III 369 сл., Цинк. II. 492 сл.). Но выпуская изъ своихъ рукъ жертву, Александръ VI изъ зависти ли къ Карлу VIII, или—что вѣроятнѣе—изъ желанія получить отъ Баязета условленную „цѣну крови“, велѣлъ поднести Джему медленнаго яда, по однимъ источникамъ—въ видѣ сахарнаго порошка, по другимъ же при содѣйствіи отравленной бритвы брадобрея Мустафы, такъ что, прибывъ 22-го февраля 1495 г. съ Карломъ VIII въ Неаполь, Джемъ на столько уже ослабѣлъ, что не могъ ни читать, ни понимать письма отъ матери изъ Египта и умеръ 24-го февраля 1495 года (Гам. III, 371 сл., Цинк. II, 493). Его трупъ, по распоряженію Баязета, былъ перевезенъ въ Врессу и похороненъ въ гробницѣ Мурада II (Гам. III, 375).

Въ заключеніе этой печальной повѣсти о злополучномъ турец-

комъ царевичѣ въ рукахъ коварныхъ франковъ упомянемъ, что Джемъ оставилъ по себѣ нѣкоторый литературный слѣдъ, какъ турецкій поэтъ, и что онъ по крови былъ полу-славянинъ: его мать происходила, по свидѣтельству Каурсина, отъ сербскаго королевскаго рода: *habuit matrem, incluta regum Serbiae familia patam* (Hammer III, 450).

А. Вудилевичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объ вопросу объ образованіи мѣстныхъ легендъ въ Палестинѣ.

Разказъ и путешествіе по Святымъ Мѣстамъ Давида митрополита Эфесскаго, изданное, переведенное и объясненное Г. Дестунисомъ (Православный Палестинскій Сборникъ, изданіе Православнаго Палестинскаго Общества вып. 8-й). С.-Пб. 1884.

Хожденіе архимандрита Гривенна въ Святую Землю, изд. Я. И. Прохманскій (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1884 г., № 4, 1885, № 1.).

Митрополитъ Эфесскій Давидъ, посѣтившій святые мѣста Египта и Палестины между 1493 и 1499 годами, общаетъ въ началѣ своего хожденія разказать намъ о томъ, что лично видѣлъ и о чемъ слышалъ; письменными источниками онъ пользовался, по видимому, мало, и самъ является намъ въ качествѣ первоисточника (стр. XII). Тѣмъ страннѣе поражаютъ въ очевидцѣ географическія неточности и неясность представленія, отмѣченная и издателемъ. „Переправившись въ Пендаполь Египетскій“, говоритъ Давидъ, — „я по рѣкѣ Нилу на ладьѣ поднялся до Египта, отстоящаго отъ всего моря на триста слишкомъ миль“ (стр. 27). Подъ Египтомъ здѣсь разумѣется Каиръ, замѣчаетъ профессоръ Дестунисъ, — но „триста миль для лѣваго рукава Нила, если это, какъ мы думаемъ, мили римскія, цифра больше чѣмъ двойная въ сравненіи съ дѣйствительностью“. Старый и новый Египетъ „находятся на лѣво отъ рѣки Нила“, продолжаетъ паломникъ (I. c.); это невѣрно при обычномъ опредѣленіи праваго и лѣваго берега по теченію рѣки, и приѣздъ Давида былъ бы исключительный даже при толкованіи издателя, который пытается стать на точку зрѣнія автора, „приѣхавшаго съ сѣвера и стоящаго лицомъ къ верховьямъ Нила“ (стр. 26 прим. 5). Очевидно, и здѣсь есть чему изумиться, какъ и при заявленіи путешественника, что Нилъ пред-

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХХІХ.

1885.

ЮНЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1885.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	29
О девятихъ приоужденіи премій императора Петра Великаго	68
П. А. Ровинскій. Отношенія между Россіей и Черногоріей при владыкахъ	186
А. Н. Веселовскій. Андрей Критскій въ легендѣ о кровосмѣшеніи и оказаніи объ апостоли Андрей	231

КРИТИКА И ВИБЛИОГРАФІЯ.

А. С. Будиловичъ. Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса (окончаніе)	240
В. О. Миллеръ. Новое изслѣдованіе о славянской миеологикѣ	282
А. Н. Соболевскій. Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. <i>Н. Недѣрева</i> . 1884.	299
П. А. С — скій. <i>Латвическій, В. Русскій рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ вышнему 1834</i>	306
Вейсманъ А. Д. <i>Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert. Von W. Helbig</i> . 1884.	317
П. А. Сырку. Николай Спаарій	335
К. А. О — й. Новый русскій библиографическій журналъ.	348
А. П. К — въ. Новыя иностранныя критическія журналы	361
— Наша учебная литература (разборъ 17 книгъ)	66

СОВРЕМЕННАЯ ЛЯТОНІСЬ.

— Императорское Московское Археологическое Общество въ 1884 году	39
— Наши учебныя заведенія: I. Варшавскій университетъ въ 1883—1884 году	47
II. Устройство и освященіе храма Симбирской центральной чувашской школы.	57
Л. Л — рь. Письмо изъ Парижа	66
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. К. Д. Кавелинъ (<i>некрологъ</i>).	78
И. О. Якиновъ (<i>некрологъ</i>).	80

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

L. Müller. <i>De Livii Andronici et Sp. Naevi fabulis</i>	269
В. В. Латышевъ. Эпиграфическія этюды (съ рисункомъ)	297
Н. Новосадскій. Нѣсколько замѣтокъ объ Елевоніи	325
Н. Новосадскій. Къ вопросу о культѣ Ианды въ Греціи	333

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

В. А. Надлеръ. Двадцатипятилѣтіе царствованія императора Александра II.	
---	--

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го я).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя данныя для исторіи восточнаго вопроса ¹⁾.

SÉCRET D'ÉTAT DE VENISE. Par VI. Lamansky. St.-Pétersbourg. 1884.

XVII.

Обильные матеріалы собраны В. И. Ламанскимъ въ архивахъ Венеціи для характеристики подчиненныхъ ей грековъ.

Въ разсматриваемый періодъ ей подвластна была значительная часть греческихъ областей, а именно: островъ Критъ (Candia) до 1669 г., островъ Кипръ до 1571 г., островъ Тиносъ въ Архипелагѣ, островъ Чериго у береговъ Морен, острова Корфу, Кефалонія, Закинъ и нѣкоторые другіе; до 1540 г. республикѣ принадлежала и значительная часть Морен. По вычисленію г. Ламанскаго, въ первой половинѣ XVI в. Венеціи подчинены были до 500,000 грековъ (552), тогда какъ число ея славянскихъ подданныхъ въ означенный періодъ не превышало 60,000 или 70,000 душъ (ib.). Лишь съ конца XVII вѣка, послѣ потери острова Крита и благодаря расширенію венеціанскихъ владѣній во внутренней Далмаціи, численное отношеніе греческихъ и славянскихъ подданныхъ республики значительно измѣнилось въ обратномъ смыслѣ (ib.).

Важность для республики ея греческихъ владѣній въ сравненіи не только со славянскими, но и съ собственно италіанскими, въ XVI вѣкѣ лучше всего можно видѣть изъ числа военныхъ галеръ, снаря-

¹⁾ Окончаніе. См. майскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

жаемыхъ тогда то въ греческихъ, то въ славянскихъ, то въ италіанскихъ ея владѣніяхъ. Изъ сорока такихъ галеръ, снаряженныхъ въ 1513 г. по опредѣленію сената, приходилось 12 на островъ Критъ, 1 на островъ Наксосъ (Naxos), 1 на острова Закинѣъ и Кефалонію, 1 на Наполи-ди-Романія въ Морѣ, 2 на островъ Корфу, слѣдовательно 17 на области греческія; затѣмъ 1 галера снаряжалась въ Которъ, 1 въ Сплѣтъ и Трогиръ, 1 въ Шибеникъ, 1 въ Корчулъ, 1 въ Фаръ, 2 въ Задръ, 1 въ Каподистрין, 1 въ Брачъ, 1 въ Пагъ, Црѣвъ и Осеръ, то-есть, 10 въ Далмаціи, Кварверахъ и Истрии, а наконецъ 13 въ собственной Венеціи (555).

И такъ, греческія области снаряжали чуть не половину судовъ венеціанскаго военнаго флота! Если къ нимъ прибавить еще флотилію острова Кипра, который легко могъ снарядить дюжину галеръ, то получилось бы 29 греческихъ галеръ на 52 общаго ихъ числа; но правительство венеціанское предпочитало брать съ острова Кипра дань галетами, быть можетъ, умышленно избѣгая развитія кипрскаго флота.

Если мы обратимся отъ судовъ венеціанскаго военнаго флота къ его экипажу, то и здѣсь встрѣтимъ то же преобладаніе греческаго элемента надъ славянскимъ и италіанскимъ. Блестящую характеристику греческихъ и славянскихъ моряковъ XVI вѣка представилъ венеціанскій адмиралъ Христофоръ да Канале († 1562 г.) въ своемъ сочиненіи *Della milizia marittima libri IV*, выдержки изъ котораго мы находимъ на страницахъ 831—833 сборника г. Ламанскаго во французскомъ переводѣ, въ русскомъ же — въ Славянскомъ Сборникѣ 1875 года на стр. 580—583. По мнѣнію этого адмирала, греки представляютъ лучший матеріалъ для флотскихъ экипажей: за ними слѣдуютъ славяне, которые въ свою очередь во многомъ превосходятъ де моряковъ италіанскихъ.

Всѣ эти достоинства и заслуги не могли однако обезпечить грековъ отъ фискальнаго, національнаго и религіознаго гнета венеціанскихъ чиновниковъ, которые смотрѣли обыкновенно на свою службу въ греческихъ областяхъ какъ на „кормленіе“, какъ на средство поправить свое состояніе разными административными и торгашескими спекуляціями (597). Этими и объясняется главнѣйшее предпочтеніе греками ига турецкаго венеціанскому, бывшее причиною утраты республикою многихъ греческихъ областей, какъ-то: Мореи, Кипра, Крита и другихъ острововъ Архипелага и Ионическаго моря.

Первое мѣсто между греческими владѣніями республики занималъ

островъ Критъ (Candia). Самъ сенатъ назвалъ въ 1539 г. флотилію этого острова, состоявшую изъ 26 галеръ, „нервомъ и основаніемъ венеціанскаго военнаго флота“ (557). По свидѣтельству критскаго губернатора (proveditore) Фоскарини, въ 1577 г. на островъ Критъ насчитывалось 26,793 лицъ, обязанныхъ службою на галерахъ, такъ что островъ этотъ могъ одинъ снарядить до 50 галеръ (560). Не удивительно, что при такой важности для Венеціи острова Крита, въ ея архивахъ сохранилось множество матеріаловъ для изображенія его положенія и отношеній въ XV—XVII вѣкахъ. Часть этого матеріала издана г. Ламанскимъ и составляетъ одно изъ украшеній его сборника. Воспользуемся и мы этимъ матеріаломъ для нѣкотораго освѣщенія острова Крита, этого главнаго очага греческой жизни въ республикѣ.

По донесенію Фоскарини, въ 1577 году жители острова Крита раздѣлялись въ тотъ періодъ времени на пять общественныхъ классовъ: 1) нобили венеціанскаго происхожденія, 2) нобили-критяне, 3) нобили привилегированные или древніе, иначе агсондоромей, 4) горожане (cittadini) и 5) поселяне (contadini). Нобили первой группы происходили отъ древнихъ венеціанскихъ колонистовъ, поселенныхъ на островъ Критъ при первоначальномъ его занятіи, съ надѣломъ земельными участками на феодальныхъ правахъ, именно съ обязательствомъ поставлять извѣстное число стратіотовъ (кавалеристовъ) и защищать островъ. Эти участки могли быть продаваемы, даримы, вообще отчуждаемы, но не иначе, какъ венеціанцамъ же, съ переселеніемъ на нихъ связанныхъ съ надѣломъ обязанностей. Тѣмъ не менѣе, значительное число такихъ феодаловъ перешло въ руки греческія, ибо нобили венеціанскаго происхожденія, не довѣряя прочности своего положенія на островъ Критъ, охотно перепродавали свои феодалы даже въ томъ случаѣ, если они доставляли 10—20% дохода. Сверхъ того, греческій языкъ сдѣлалъ большія завоеванія въ семейномъ употребленіи даже такихъ нобилей, которые остались при латинскомъ обрядѣ (631). Черезъ покупку феодаловъ и незнатные люди могли стать критскими нобиллями, при чемъ они пріобрѣтали всѣ права нобилей венеціанскихъ (632). Что касается нобилей привилегированныхъ или архонторомеевъ, то они происходили отъ древнихъ византійскихъ знатныхъ родовъ, получившихъ при занятіи острова Крита венеціанцами 34 помѣстья (cavallegie). Они жили главнѣйше въ Ретимскомъ и Канейскомъ округахъ; наибольшую храбростію славились въ нихъ средѣ сфакіоты (632). Въ случаѣ опасности, они

отправляли женъ и дѣтей въ горы, по которымъ они ходили съ легкостью сернъ (633).

Въ средѣ горожанъ, по сообщенію того же Фоскарини, было много иноземцевъ и инородцевъ. Такъ въ городѣ Кандін изъ 1700 жителей (не считая гарнизона) большую часть составляли кипріоты, до 700 было евреевъ и много италіанскихъ купцовъ, въ городѣ Канеѣ жило много неаполитанцевъ и малоазійцевъ (632). Что касается гарнизоновъ, то ихъ насчитывалось при Фоскарини въ городѣ Кандін 1500 человекъ, въ Канеѣ 600 человекъ, въ Ретимо 300 человекъ (ib.). Между нобиліями и горожанами мало было взаимнаго довѣрія, такъ какъ послѣдніе считали первыхъ виновниками дороговизны (ib.). И чиновники допускали въ отношеніи къ горожанамъ разнаго рода несправедливости. Такъ, отправляясь на эзекуцію, они считали себя въ правѣ отнять у перваго встрѣчнаго мѣщанина лошадей и ѣхать на ней по своему назначенію (635).

Поселане наконецъ, по словамъ Фоскарини, не имѣя собственной земли, брали ее въ пользованіе отъ помѣщиковъ (cavallieri) на разныхъ условіяхъ, напримѣръ, изъ денежнаго оброка, изъ части сбора, то на большее, то на меньшее число лѣтъ, при чемъ они поступали тогда и подъ юрисдикцію своихъ помѣщиковъ (634). Хотя положеніе этихъ критскихъ поселанъ было нѣсколько лучше общественнаго положенія париковъ кипрскихъ, но все же во многихъ отношеніяхъ они могутъ быть поставлены въ рядъ. Помѣщики обмѣривали и обмѣщивали своихъ оброчныхъ крестьянъ, обсчитывали ихъ на деньгахъ, вымогали куръ, свиней и т. п. (634). Не удивительно, что поселане нерѣдко возставали противъ помѣщиковъ: такъ въ Ретимскомъ округѣ крестьяне, по наущенію-де своихъ поповъ, взбунтовались въ 1561 г. противъ своихъ помѣщиковъ и разграбили дома, особенно болѣе ненавистныхъ между ними (635) ¹⁾.

Что касается религіозныхъ отношеній острова Крита, то, по Фоскарини, одни держались тамъ греческаго, другіе латинскаго вѣроисповѣданій, но въ обоихъ случаяхъ не обнаруживали особеннаго усердія въ исполненіи религіозныхъ обязанностей. Впрочемъ, латинскій обрядъ, извѣстный собственно лишь въ городахъ, съ каждымъ днемъ терялъ на островѣ Критѣ почву, такъ какъ многія франкскія фамиліи переходили съ латинскаго обряда въ греческій, вслѣдствіе отсутствія

¹⁾ Въ 1568 г. Совѣтъ X предписалъ Критскимъ властямъ устранить притѣсненія нобиліями козтадиновъ (043).

на островѣ латинскихъ костеловъ, кромѣ города Кандіи, гдѣ находились два небольшіе костела (635).

Въ отношеніи іерархическомъ островъ Критъ былъ подчиненъ въ 1577 г. одному архіепископу, получавшему 6000 дукатовъ доходовъ, и шести епископамъ, съ доходами отъ 1500 до 2000 дукатовъ. Сверхъ того, въ Боргоньони (Borgognoni) находилось аббатство, съ 8000 дукатовъ дохода. Греческіе монастыри св. Екатерины на Синаѣ (Cattarina de Sinai) и Ретинскій (da Retines) получали — первый 4000 дукатовъ, второй же 2000 дукатовъ; меньшіе же монастыри отъ 1000 до 1500 дукатовъ. И патриархъ Константинопольскій получалъ въ то время съ острова Крита 1000 дукатовъ въ годъ (641).

Въ экономическомъ отношеніи островъ Критъ стоялъ, по донесенію Фоскарини, довольно низко. Онъ производилъ хлѣба въ недостаточномъ для мѣстнаго населенія количествѣ, такъ что ежегодно необходимо было ввезти до 30,000 или 40,000 мѣръ (staga) для предупрежденія голода. А между тѣмъ въ прежніе годы, по словамъ Фоскарини, критскій хлѣбъ вывозили и въ Венецію. Причиною такого упадка хлѣбопашества были-де отчасти бунты поселянъ, вызвавшіе запрещеніе засѣвать нѣкоторыя плодородныя мѣстности, отчасти такъ-называемая сирійская роса, нерѣдко отравлявшая посѣвы въ маѣ мѣсяцѣ, отчасти знойныя южныя вѣтры, сожгавшіе хлѣба и виноградники. Но всего болѣе способствовало де упадку хлѣбопашества развитіе винодѣлія, доставлявшаго болѣе доходъ съ земли, а затѣмъ недостатокъ рабочаго скота и запустѣніе критскаго приморья вслѣдствіе опасностей отъ пиратовъ (638). Кромѣ вина, Критъ производилъ много деревяннаго масла; шелководство же было тутъ въ упадкѣ (639).

Торговля острова Крита, по Фоскарини, была въ тотъ періодъ времени не особенно значительна. Лишь вино вывозилось отсюда въ большомъ количествѣ въ Александрію, Константинополь, а также въ Португалію, Англію и даже въ Индію (640). Въ Константинополь вывозилось сверхъ того ежегодно до 300 боченковъ (botte) лимоннаго соку (1b). Прекрасныя кипарисовыя лѣса, покрывавшіе прежде горы острова Крита, особенно сфакіатскаго округа, были уже тогда въ значительной степени вырублены и употреблены въ топливо при изготовленіи салами, соленой рыбы, выдѣлкѣ кожи и тому подобнаго (640).

Образованіе было при Фоскарини на островѣ Критѣ въ сильномъ пренебреженіи: лишь по городамъ можно было находить учителей для обученія дѣтей (641).

Кромѣ городовъ, на островѣ Критѣ находилось тогда 16 замковъ

(castelli), выстроенныхъ, по преданію, Генуэзцами, во время ихъ войны съ Венеціанцами. Въ XVI вѣкѣ замки эти не имѣли особеннаго значенія (ib). Деревень (casali) было при Фоскарини на островѣ Критѣ 1020. Общая цифра населенія не превышала 219,000 душъ, между которыми 55,645 годились къ военной и инымъ видамъ государственной службы (gente di fattion), остальные же были къ ней неспособны (gente inutile, 641). Для службы на галерахъ годны были 26,693 человекъ; затѣмъ 35,349 несли повинности при государственныхъ заводахъ (hanno obbligo in angaria alle fabbriche), а 10,691 записаны были для службы гарнизонной (nelle ordonanze, 641).

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ Фоскарини о социальномъ-экономическомъ положеніи острова Крита въ XVI вѣкѣ, мы приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ доклада критскихъ помѣщиковъ венеціанскому сенату въ 1515 году о парикіи, ея видахъ и политической необходимости. По словамъ этихъ помѣщиковъ, парикія была установлена на островѣ Критѣ мудрѣйшими государями и императорами по двумъ причинамъ: 1) по бесплодію (?) этого острова и 2) по необходимости защищать его отъ непріятелей. Не будь тутъ париковъ, никто не захотѣлъ бы де хозяйничать въ мѣстностяхъ столь бесплодныхъ, да еще приморскихъ, слѣдовательно угрожаемыхъ пиратами. Глубокая древность критской парикіи доказывается де тѣмъ, что уже Аристотель въ своей политикѣ упоминаетъ критскихъ париковъ. Въ 1393 г. князь А. Венеріо (можетъ быть, Veniero?) съ совѣтниками прикрѣпили-де париковъ къ тѣмъ феодамъ, которымъ они принадлежали и въ XVI вѣкѣ. Потому то и сенатъ венеціанскій опредѣлилъ де, что парики никоимъ образомъ не должны быть отпущаемы на волю, развѣ за особныя заслуги предъ государствомъ (035). По времени прикрѣпленія париковъ къ феодамъ необходимо де различать: а) париковъ первоначальныхъ (parici originari), занесенныхъ въ кадастровыя книги для записи феодаловъ и б) париковъ неприписанныхъ (villani agrati), которые не внесены въ эти книги, но стали париками уже по присоединеніи острова Крита къ Венеціи. Столѣтняя или двухстолѣтняя давность сдѣлала-де и послѣднихъ полными париками, хотя венеціанскій апелляціонный судъ сорока разсматриваетъ этихъ „аграфовъ“ какъ отличный отъ париковъ. классъ населенія. Между тѣмъ положеніе критскихъ париковъ далеко-де не такъ ужъ дурно, какъ на островѣ Кипрѣ: въ сравненіи съ париками кипрскими, парики критскіе могутъ де считаться людьми вполне свободными. На этомъ основаніи критская знать ходатайствовала предъ сенатомъ объ изданіи постановленія, по которому 60-лѣтнее

безпрепятственное обладаніе парикомъ создавало бы въ пользу помѣщика давность, коей не могли бы болѣе нарушить и венеціанскіе суды (036).

Довольно обстоятельную характеристику экономического положенія разныхъ частей острова Крита мы находимъ еще въ отчетѣ синдиковъ Емо и Базадонны (Емо et. Basadonna) въ 1566 году. Констатируя фактъ, что островъ Критъ страдаетъ отъ гнета венеціанскихъ чиновниковъ, совершенно отчуждающихъ де чувства населенія отъ метрополіи, синдики обозрѣваютъ затѣмъ отдѣльныя части этого острова, а именно округа: а) Восточный, б) Кандійскій, в) Ретимскій и г) Канейскій. Восточная часть острова самая де бѣдная, хотя почва тутъ очень плодородна и мѣстность изобилуетъ хлѣбомъ, деревяннымъ масломъ, шелкомъ, медомъ и виномъ. Причиной бѣдности являются де купцы, закупающіе на корню хлѣбъ, масло и тому подобное по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ, напримѣръ по 5 перперовъ за мѣру, вмѣсто обычныхъ 14 перперовъ (643). Сверхъ того, поселяне этой мѣстности обременены де постоемъ множества солдатъ, налогами въ пользу помѣщиковъ и старшинъ, обязательствомъ поставлять въ городъ хлѣбъ по ничтожной цѣнѣ и тому подобное (644).

Съ запада къ означенной мѣстности примыкаетъ де округъ Кандійскій (Аргирокастронъ), съ городомъ Кандіей и 8 замками, которые находятся въ завѣдываніи—годъ венеціанскихъ, а годъ критскихъ нобилей. Не смотря на свое плодородіе и обиліе вина, вывозимаго въ Турцію, эта часть острова не можетъ де прокормить лежащаго въ ней города Кандіи долѣе шести мѣсяцевъ (644).

Далѣе къ западу лежитъ де округъ Ретимскій, изобилующій виномъ, вывозимымъ въ Англію, затѣмъ шелкомъ, зерновымъ хлѣбомъ и деревяннымъ масломъ. Жители этого округа болшею частью искусные стрѣлки и храбрые воины, но благодаря угнетенію нобилей очень подозрительны (644).

Наконецъ, крайнюю западную часть острова Крита составляетъ округъ Канейскій, изобилующій виномъ и масломъ. Населеніе этого округа не испытываетъ де столь сильнаго гнета, какъ индѣ, но по временамъ и оно оглашаетъ воздухъ безконечными воплями (645).

Интересно, что, по сообщенію критскаго дуки Талеопетра, на островѣ Критѣ еще въ 1561 г. были мѣстности, совершенно не подчиненныя правительству, не допускавшія въ свою среду ни помѣщиковъ, ни кастеляновъ, ни другихъ чиновниковъ, а пребывавшія въ необузданной свободѣ (647), какъ нѣкоторые клефтскіе притоны въ гре-

ческихъ горахъ Турціи. Въ 1568 г. совѣтъ X возложилъ на критскія власти приватіе мѣръ для обузданія насилій и грабсжей, производимыхъ сфакіотами (043). По донесенію же Фоскарини въ 1577 г., многіе критяне, вынужшіе жребій на службу на галерахъ, убѣгали въ горы или выставляли замѣстителей съ платою по 15—20 дукатовъ каждому (561).

Расходы на укрѣпленіе замковъ покрывались то обязательными, то добровольными складками мѣстныхъ жителей. Такъ въ 1532 г. критскіе владѣльцы феодаловъ израсходовали 24,000 дукатовъ на укрѣпленія города Кандіи и обязаны были собрать для этой цѣли еще 6000 дукатовъ (605).

Не смотря на все это, венеціанское правительство относилось очень небрежно къ своимъ правительственнымъ обязанностямъ на островѣ Критѣ. Изъ донесеній его собственннхъ сановниковъ мы узнаемъ, что управленіе велось здѣсь самымъ неудовлетворительнымъ образомъ. Бывшій критскій дука Гритти въ донесеніи сенату 1556 г. самъ удостовѣряетъ, что портъ города Кандіи въ теченіе шести лѣтъ не былъ очищаемъ, а замокъ надъ нимъ очень нуждался въ ремонтѣ (стр. 605). По свидѣтельству же бывшаго дуки Крита Талеапетры въ 1561 г., прибрежныя мѣстности острова, вслѣдствіе отсутствія крейсеровъ, до того страдали отъ пиратовъ, что жители явно выражали свое недовольство венеціанскимъ управленіемъ и предпочтеніе къ турецкому, доставлявшему большую безопасность. По этой причинѣ Талеапетра предложилъ правительству сторожить и лѣтомъ этотъ островъ посредствомъ флотиліи изъ четырехъ галеръ (560). Чины городской полиціи, которыхъ, напримѣръ, въ гор. Кандіи въ 1561 г. было 80, вмѣсто охраны общественной безопасности караулили одно казначейство, да составляли свиту капитана (647).

Не удивительно, что критяне были недовольны этимъ узко фискальнымъ, небрежнымъ и пристрастнымъ управленіемъ и не переставали протестовать противъ него на словахъ и на дѣлѣ. Такъ въ 1490 г. критская депутація принесла сенату жалобу на злоупотребленія властей, назначаемыхъ центральнымъ правительствомъ и его органами на островѣ Критѣ (06). Въ 1494 году совѣтъ X сдѣлалъ выговоръ критскому правительству за то, что оно цѣлый годъ не выплачивало жалованья критскимъ артиллеристамъ, служившимъ въ Наполи-ди-Романія (606). Въ 1582 г. сфакіоты ходили въ Константинополь жаловаться на притѣсненія венеціанскихъ чиновниковъ и своихъ помѣщиковъ и просить помощи (643).

Сами венеціанскіе синдикы 1566 года признавали необходимымъ произвести на островѣ Критѣ цѣлый рядъ реформъ, для устранения беспорядковъ и злоупотребленій въ мѣстномъ управленіи, а именно: переформировать совершенно разстроенную мѣстную кавалерію, покарать грабежи и злоупотребленія венеціанскихъ капитановъ и кастелянновъ, воспретить помѣщикамъ закупку у париковъ по произвольной цѣнѣ ихъ полевныхъ сборовъ и другіе виды вымогательства и притѣсненія крестьянъ, регулировать цѣны для закупки у поселянъ купцами хлѣба на корню и т. п. (624). Синдикъ Базадона признавалъ сверхъ того необходимымъ возвращеніе поселянамъ ихъ древней свободы, но считалъ ректоровъ неспособными къ проведенію этой реформы, ибо они были окружены мелкими чиновниками, зависящими отъ помѣщиковъ, а потому не допускавшими челобитчиковъ къ ректорамъ (624). Въѣстѣ съ тѣмъ синдикы требовали безусловнаго воспрепятствованія административнымъ органамъ вести торговлю (647).

Всѣ эти совѣты и проекты оставались однако „гласомъ вопіющаго въ пустыню“, не смотря на грозное *memento mori* въ 1571 г. въ видѣ утраты острова Кипра. Не удивительно, что въ критическія минуты венеціанцы не могли рассчитывать не только на самоотверженность, но даже на вѣрность критянъ. Въ 1664 г. правительство признало даже необходимымъ замѣнить въ критскихъ гарнизонахъ солдатъ мѣстнаго происхожденіями пришлыми (145). Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ утрата острова Крита въ значительной степени обусловлена была предпочтеніемъ, какое оказывали критяне игу турецкому передъ венеціанскимъ.

XVIII.

Не менѣе важныхъ данныхъ находимъ мы въ сборникѣ г. Ламанскаго и для характеристики экономическо-общественнаго положенія острова Кипра въ XVI вѣкѣ.

Такъ изъ донесенія кипрскаго совѣтника Зане (Zane) отъ 1559 г. мы узнаемъ, что въ то время было на островѣ Кипрѣ, по приближительному разчету, до 170,000 душъ населенія, которое раздѣлялось на три класса: а) бароновъ, феодальныхъ владѣльцевъ, кавалеровъ, нобилей, б) хущовъ и мѣщанъ и в) поселянъ (622). Кипрская знать состояла изъ выходцевъ греческихъ (изъ Константинополя), французскихъ, испанскихъ, италіанскихъ; она сохраняла обычай франкскіе, выдѣляла себя отъ ненавистныхъ грековъ подъ именемъ киприотовъ

и была очень предана венеціанскому правительству (629). Въ словіи кипрскихъ феодальныхъ владѣльцевъ дѣйствовалъ законъ первородства, по которому старшій сынъ наследовалъ всё помѣстья и доходы съ нихъ, тогда какъ остальные дѣти должны были содержаться государственной службой, пособіями отъ венеціанскаго правительства (66 человекъ получали ежегодно по 50 дукатовъ), а равно разными почетными должностями. Маіоратные владѣльцы, хотя получали до 100,000 дукатовъ въ годъ дохода ¹⁾, однако были большею частію въ долгахъ вслѣдствіе мотовства. Они обязаны были поставлять за свои помѣстья по 2, 3, 4 стратіота (кавалериста), но обыкновенно уклонялись отъ исполненія этой повинности, такъ что на смотрѣ оказывалось всего 103 такихъ стратіотовъ, тогда какъ при прежнихъ короляхъ они поставляли-де отъ 500 до 800 всадниковъ (623—624). Упадокъ мѣстной кавалеріи объясняется и тѣмъ, что между кипрскими нобиліями распространился обычай ѣздить на мулахъ, что, по мнѣнію Зане, слѣдовало бы воспретить ²⁾, какъ въ Испаніи и индѣ, тѣмъ болѣе, что на островѣ Кипрѣ имѣется очень хорошая порода лошадей, цѣною по 300 дукатовъ и больше. Сверхъ того желательно бы де запретить ихъ вывозъ съ острова, какъ это сдѣлано въ Неаполѣ, Тунисѣ и Турціи (624).

Кипрскіе горожане, по сообщеніямъ того же Зане, раздѣлялись тогда на а) купцовъ и б) разночинцевъ (prolari). Первые составляли классъ не многочисленный, но денежный, такъ какъ имущество ихъ состояло въ капиталахъ, а не землѣ. Что касается разночинцевъ, то они были отчасти туземцы, отчасти же переселенцы съ востока: тѣ занимались пряжей, тканіемъ сукна, бархата и т. п. и были очень бѣдны; эти же (армяне, копты и др.) посредничали въ торговлѣ Кипра шелкомъ и иными статьями съ Сиріей, Караманіей и прочими восточными странами (623). Кипрскіе, наконецъ, поселяне подраздѣлялись на свободныхъ и париковъ; послѣдніе обязаны были обрабатывать землю своихъ патроновъ и нести разныя другія денежные и натуральныя повинности въ ихъ пользу (622).

По мнѣнію Зане, кипрская парикія установлена была не венеціан-

¹⁾ По свидѣтельству Дуодо (Duodo), въ 1561 г. между кипрскими баронами были такіе, которые получали по 3000—4000 дукатовъ дохода (619).

²⁾ То же совѣтовалъ правительству и кипрскій дукъ С. Михаэль въ 1550 г., въ видахъ охраны кипрской породы лошадей, какъ матеріала для кавалеріи (стр. 616).

скимъ правительствомъ или кипрскими королями, а въ силу добровольнаго обязательства, принятаго на себя жителями острова еще тогда, когда за 1300 лѣтъ передъ тѣмъ кипріоты просили въ Константинополь защиты отъ пиратовъ и получили ее въ видѣ кавалерійскаго отряда (*stratia*) и извѣстнаго числа знатныхъ людей, съ дукой во главѣ, для управленія островомъ. Въ замѣнъ того поселане приняли-де на себя обязанности париковъ, а горожане—извѣстные денежные налоги (622). Впослѣдствіи впрочемъ, съ разрѣшенія венеціанскаго правительства, многіе парики выкупились, съ уплатою по 50 дукатовъ за cadaго (623).

Въ іерархическомъ отношеніи островъ Кипръ подчиняется-де 12 епископамъ, изъ коихъ 4 италянца, 4 грека для живущихъ по греческому обряду (*alla греса*) и 4 восточника для коптовъ, армянъ, якобитовъ и маронитовъ, съ немногими несторіанами и индіанами (*indiani*). Во главѣ этого духовенства стоитъ де архіепископъ Никосійскій, носящій титулъ папскаго легата (623).

На островѣ Кипрѣ засѣвалось тогда, по Зане, ежегодно 200,000 мѣръ (*moza*) пшеницы, 200,000 ячменя, а сверхъ того хлопчатникъ (*gottoni*), сахарный тростникъ (*zischagi*) и разныя плодовые деревья, которыя однако сильно страдали отъ саранчи, топора и мирта (624). Природа острова Кипра особенно благоприятствуетъ-де росту озимыхъ посѣвовъ, если только передъ сѣвбой почва можетъ быть орошена рѣчной водою за скудостію дождевой. И яровые хлѣба растутъ де здѣсь превосходно при достаточномъ орошеніи. Вообще, доходы этого королевства главнѣйше зависятъ де отъ воды (625).

Для правильнаго фискальнаго обложенія кипріотовъ, по мнѣнію Зане, необходимо каждыя пять лѣтъ производить перепись плодовыхъ деревьевъ, скотины, годныхъ къ службѣ людей; на дѣлѣ же это производилось иногда черезъ 10, 15, 20, 30 лѣтъ (626).

Хотя венеціанскому правительству принадлежала половина земли на островѣ Кипрѣ, однако оно получало съ него, по свѣдѣніямъ Зане, не болѣе 70,000 дукатовъ въ годъ, тогда какъ частные владѣльцы получали со своей половины 150—200 тысячъ дукатовъ и болѣе¹⁾. Если же засѣять всю годную для хлѣбопашества почву на островѣ Кипрѣ, примѣрно до 300,000 мѣръ пшеницы, то можно бы

¹⁾ Нѣсколько позже Селиму II предложена была извѣстнымъ евреемъ Иосифомъ Наси (+ 1579 г.) 200—250 тысячъ дукатовъ аренды съ острова Кипра (*Ibnofъ у Ersch und Gruber, Encyclopedie, 86 т. стр! 171*).

де собрать ея до 2.500,000 мѣръ, считая самъ 8, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ получается самъ 15 и даже самъ 30. Такъ какъ для собственнаго продовольствія острова Кипра считалось достаточнымъ отъ 800,000 до 1 милліона мѣръ пшеницы, то весьма значительное ея количество могло бы идти на вывозъ въ Венецію (628). Что касается деревяннаго масла, то по Зане одинъ карпасскій (Carpasso) округъ могъ бы производить его на весь островъ Кипръ, а пожалуй и на часть Венеціи, ибо тамъ имѣются де цѣлые лѣса маслинъ (629).

Глубокій упадокъ острова Кипра подъ венеціанскимъ управленіемъ констатированъ самимъ Зане, который съ удивленіемъ и грустью напоминаетъ то время, когда Кипрскіе короли имѣли флотилію изъ ста и болѣе кораблей, брали Александрію и многіе другіе города Египта и Сиріи, когда кипрскіе матросы импонировали даже Александру Македонскому. При Зане островъ Кипръ не имѣлъ ни одной своей галеры, хотя онъ и обладалъ еще довольно многочисленнымъ торговнымъ флотомъ, который поддерживалъ сношенія съ Египтомъ, Сиріей, Караманіей, Анатоліей и другими землями (563). Охрана острова возложена была тогда на двѣ венеціанскія галеры и 600 кавалеристовъ ¹⁾. Впослѣдствіи число галеръ было увеличено до 4, съ придачей двухъ фрегатовъ. Что касается названныхъ кавалеристовъ (стратіотовъ), то, получая очень недостаточное жалованье (по 18 дукатовъ въ годъ, да по 30 мѣръ земли), они принуждены были усердно заниматься хлѣбопашествомъ и очень не охотно оставляли свои полевныя работы для исполненія полицейскихъ обязанностей. Оттого-то островъ Кипръ не имѣлъ должной охраны, особенно отъ пиратовъ (616).

Изъ напечатанныхъ въ сборникѣ г. Ламанскаго выписокъ изъ официальныхъ документовъ о кипрскихъ парикахъ (014—033) мы видимъ, что первоначально венеціанское правительство всячески покровительствовало помѣщикамъ въ ихъ отношеніяхъ къ оброчникамъ; но позже изъ опасенія турокъ все болѣе склонялось на сторону послѣднихъ, хотя до полной ихъ эманципаціи оно додумалось лишь наканунѣ завоеванія острова турками. Такъ въ 1494 г. совѣтъ X призналъ кипрскихъ париковъ главною оброчною статьею острова Кипра, выразилъ недовольствіе на то, что многіе помѣщики освобождали своихъ париковъ за плату 40, 30, 25 и менѣе дукатовъ, съ

¹⁾ По *Циклостену* II, 926, правильная охрана острова Кипра въ 1570 году состояла изъ 2000 пѣхотинцевъ и 1000 кавалеристовъ.

душ, и за претилъ это на будущее время безъ особаго разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ совѣта X (014).

Съ цѣлью лишить париковъ собственной организаціи, запрещено было затѣмъ поставлять въ деревнѣ болѣе 1—2 судей или присяжныхъ изъ поселянъ, а равно болѣе 1—3 поповъ (015). Никосійская Свято-Софійская церковь лишена была стараго права признавать свободными подкинутыхъ въ ея ограду дѣтей, если послѣ торжественнаго оглашенія въ церкви о подкидышѣ окажется, что онъ происходитъ отъ париковъ (015).

Въ 1506 г. совѣтъ X опять поставилъ на видъ властямъ о. Кипра, что парики составляютъ главный источникъ доходовъ съ государственныхъ имуществъ, и что вообще съ париковъ получается двѣ трети доходовъ казны съ этого острова (021). На этомъ, конечно, основаніи совѣтъ X отиѣнилъ въ 1507 г. распоряженія кипрскихъ властей о порядкѣ освобожденія париковъ и возвратилъ освобожденныхъ въ прежнее рабство (022). Первый случай болѣе благопріятнаго взгляда правительства на этихъ париковъ мы встрѣчаемъ въ 1516 г., когда венеціанскому ректору представлено было освобождать ежегодно до 200 париковъ изъ общаго числа (26,000—27,000 въ каменныхъ деревняхъ острова), за плату не менѣе 50 дук. съ каждаго. Это распоряженіе вызвано было частнымъ побѣгомъ париковъ на о. Родосъ, съ цѣлью освободиться отъ рабскаго состоянія (023). Въ 1552 году совѣтъ X приказалъ кипрскимъ властямъ обратить серьезное вниманіе на положеніе париковъ, которые были тогда доведены разными вымогательствами и жестокостями до такого отчаянія, что одинъ изъ нихъ рѣшился въ Константинополь на самоубійство, изъ опасенія попасть въ прежнее рабство (024).

Однако дѣйствительныхъ мѣръ для улучшенія положенія кипрскихъ париковъ не было принято, ибо и въ 1561 г. Дуодо доносилъ своему правительству о истязаніяхъ париковъ помѣщиками, которые при малѣйшемъ ослушаніи заковывають де ихъ въ кандалы и держать въ нихъ по 4, 6, 8 дней (025).

Не удивительно, что кипріоты въ томъ же 1561 году обращались къ султану съ просьбою о занятіи ихъ острова (025) и что они бунтовали противъ Венеціи, напримѣръ, въ 1566 г. по случаю недостатка хлѣба (029). Сношенія кипріотовъ съ турками казались венеціанскому правительству столь опасными, что Дуодо, въ своемъ доносеніи 1561 г., предложилъ пресѣчь вывозъ изъ о. Кипра соколовъ на султанскую охоту, чтобы лишить турокъ благовиднаго предлога

посѣщать островъ Кипръ (619). Въ 1568 году совѣтъ X приказалъ схватить на островѣ Кипрѣ тѣхъ христіанъ, евреевъ и кипріотовъ-потурченцевъ, которые, по доносу изъ Константинополя, находились въ предательскихъ сношеніяхъ съ турками (031). Въ 1570 году венеціанское правительство получило отъ константинопольскаго баяла донесеніе отъ 12-го января, въ которомъ сообщалось о прибытіи въ Константинополь нѣкоего Изепо (Isepo), доставившаго турецкому адмиралу подробнѣйшія свѣдѣнія объ о. Кипрѣ, а равно о томъ, что когда при обсужденіи въ турецкомъ военномъ совѣтѣ похода на этотъ островъ указано было на общее желаніе мѣстныхъ поселенъ получить отъ турокъ свободу, то Изепо сослался на вѣроятность освобожденія передъ войною париковъ самимъ венеціанскимъ правительствомъ, которое въ такомъ случаѣ могло бы найти въ мѣстномъ христіанскомъ населеніи содѣйствіе противъ турокъ (033—034). И дѣйствительно, въ виду этой войны совѣтъ X въ засѣданіи 15-го февраля 1570 г. единогласно опредѣлилъ внушить кипрскимъ нобилемъ, что для спасенія острова они должны даровать крайне недовольнымъ своимъ положеніемъ парикамъ свободу или по крайней мѣрѣ какія-нибудь уступки и права. То же предписано было ректору сдѣлать въ казенной части острова, со ссылкой на Господа Бога, которому такая мѣра будетъ де угодна (032).

Но было уже поздно! Столѣтнія угнетенія не забываются въ одинъ день, особенно если новый поворотъ происходитъ подъ давленіемъ необходимости, которая можетъ миновать, а съ нею и филантропизмъ кулаковъ. Парики перешли на сторону турокъ и не мало облегчили имъ въ 1571 г. завоеваніе острова.

XIX.

Сверхъ острововъ Крита и Кипра, имѣются въ сборникѣ г. Ламанскаго матеріалы для характеристики положенія въ XV—XVI вѣкахъ и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ острововъ Архипелага и Ионическаго моря.

Изъ донесенія, на примѣръ, одного канейскаго совѣтника въ 1563 г. мы узнаемъ, что подчиненные туркамъ мелкіе острова Архипелага (Киклады) управляемы были въ то время тремя способами: одни управлялись сами собой, платя лишь дань (харачъ) султану и не вѣдая иныхъ господъ: въ такомъ положеніи находились два-три малонаселенные островка; другіе имѣли особыхъ владѣтелей, плативъ-

нихъ дань султану, какъ Кеа (Zia), Сифносъ (Sifano), Андросъ (Andre); третій наконецъ подчинены были дукъ наксосскому (Nixia), который носилъ титулъ „duca di Archipelago“ и по званію считался первымъ дукой христіанства (Il primo duca di christianità). Онъ владѣлъ 16-ю островами, изъ коихъ важнѣйшіе были: Наксосъ, Санторини (Santherini), Милосъ, Сира (Sira) и Паросъ. Дука получалъ съ нихъ 9,000—10,000 дук. дохода, съ котораго выплачивалъ султану дань 4,000 дук. Онъ происходилъ изъ фамиліи Креспа (у Цинкейзена Crispo II, 224, 773) и былъ тогда уже дряхлый 70-лѣтній старикъ. Хотя онъ носилъ довольно пышный титулъ, но на дѣлѣ во всемъ исполнялъ волю султана и его нашей, на взятки которымъ издерживалъ большую часть своихъ доходовъ. Жилъ онъ очень бѣдно и жалко: это была скорѣе тѣнь дука, хотя по природѣ Іоаннъ III Криспо былъ очень честолюбивъ (654). Онъ умеръ годъ спустя (1564 г.), послѣ очень продолжительнаго княженія (съ 1518 г. См. Норф у Egisch u. Gruber Encycl. т. 86, стр. 166, 171). Его наслѣдникъ Яковъ IV прокняжилъ лишь два года (1564—1566, ib. 171) и былъ затѣмъ засажень въ семибашенный замокъ въ Константинополѣ. Послѣднимъ наксосскимъ дукой былъ вышеупомянутый уже португальскій еврей Іосифъ Наси († 1579 г. ib. 172).

Одинъ изъ кипладскихъ острововъ, Тиносъ (Tine), принадлежалъ и въ XVI вѣкѣ Венеціи. По словамъ того же кавейскаго совѣтника, это былъ самый красивый, богатый и населенный изъ острововъ Архипелага, за исключеніемъ Хиоса, который по значенію и богатствамъ далеко оставилъ за собою всѣ сосѣдніе острова. По срединѣ о. Тиноса находился замокъ, расположенный въ столь сильной и защищенной мѣстности, что могъ бы считаться тогда неприступнымъ, еслибы достроена была незначительная недостающая часть вала (cortina, 651). Окружность о. Тиноса измѣрялась въ 60 миль (итальянскихъ). Число жителей простиралось до 9,000, изъ коихъ значительная часть говорила по итальянски и придерживалась латинскаго обряда, что не могло не казаться самому совѣтнику удивительнымъ въ мѣстности, расположенной чуть не въ срединѣ греческой территоріи. И въ другихъ отношеніяхъ тиносцы мало отличались отъ итальянцевъ. Людей, годныхъ къ службѣ (gente da fatti, uti), насчитывалось на о. Тиносъ до 2,000. Они были столь храбры, что иратскія фусти рѣдко осмѣливались приставать къ берегамъ этого острова. А между тѣмъ во внутреннихъ склошеніяхъ эти brave люди были такъ спокойны, что и старики не могли запомнить между

ними смертоубійства: даже до драки дѣло доходило лишь въ рѣдкихъ случаяхъ! Канейскій совѣтникъ признавалъ тиносцевъ образцовыми подданными Венеціи¹⁾, заслуживающими величайшаго вниманія со стороны послѣдней, какъ залогъ успѣховъ на отдаленномъ и почти утраченномъ ею тогда Архипелагѣ (652). Сверхъ того о. Тиносъ считался единственнымъ убѣжищемъ рабовъ, уходившихъ изъ пиратскихъ фустъ и галеръ. Ежегодно сюда спасались сотни бѣглыхъ невольниковъ (652)²⁾.

Особенное значеніе для Венеціи о. Тиноса опредѣлялось и его расположеніемъ между четырьмя воротами или дорогами, по одной изъ коихъ непременно долженъ былъ пройти турецкій флотъ, направляясь изъ Архипелага на западъ. Понятно, что съ о. Тиноса этотъ флотъ немедленно могъ быть открытъ. По мнѣнію совѣтника, имѣя на этомъ островѣ одинъ фрегатъ, правительство всегда можетъ получать на о. Канди самыя свѣжія новости (653)³⁾, тѣмъ болѣе, что отъ о. Тиноса всего 70 миль до о. Хиоса, гдѣ сосредоточивались тогда всѣ новости изъ Константинополя (ib.). Частныхъ барокъ тиносцы не держали изъ опасенія, что онѣ будутъ захвачены пиратами (ib.). Однако на этомъ островѣ было много людей, обязанныхъ матросской службой за пользованіе казенною землею (ib.).

Навсосскій дука (Іоаннъ III) имѣлъ большую охоту занять о. Тиносъ и не переставалъ убѣждать его жителей въ преимуществахъ его подданныхъ передъ венеціанцами относительно закупки хлѣба, выкупа невольниковъ и т. п. По мнѣнію совѣтника, это должно служить венеціанцамъ еще однимъ мотивомъ къ самому дружескому обращенію съ тиносцами, ибо въ случаѣ измѣны ихъ не помогли бы де республикѣ ни замокъ, ни нѣсколько десятковъ венеціанскихъ солдатъ. А между тѣмъ тиносская цитадель единственная де на всемъ Архипелагѣ и можетъ быть названа ключемъ всего этого моря (655).

При всемъ томъ [о. Тиносъ находился тогда (1563 г.) въ довольно плачевномъ положеніи. Уже 30 лѣтъ на немъ не было сидковъ, которые могли бы выслушать жалобы мѣстнаго населенія.

¹⁾ То же удостовѣряетъ Фоскарини въ 1577 г. (642).

²⁾ Фоскарини свидѣтельствуетъ, что тиносцы, не взявъ на разрѣшеніе, принимали бѣглыхъ изъ Турціи невольниковъ (642).

³⁾ Фоскарини также признаетъ о. Тиносъ и Черуго источниками самыхъ частыхъ и вѣрныхъ свѣданій изъ Морей и Константинополя (642).

Главная бѣда заключалась, по словамъ совѣтника, въ слѣдующемъ. О. Тиносъ былъ раздѣленъ въ экономическомъ отношеніи на двѣ части: одна изъ нихъ давно уже была уступлена совѣтомъ X знатной венеціанской фамиліи Лоредановъ, которая потомъ перепродала ее мѣстнымъ горожанамъ Скутони (Scutoni); другая же принадлежала непосредственно синьорин. Доходъ послѣдней отъ засѣваемыхъ на ней бобовъ, ячменя, пшеницы и иныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, а равно отъ культуры виноградниковъ, простирался до 800 дук. въ годъ, при сходныхъ цѣнахъ. По закону, эта вторая половина земли должна была отдаваться въ аренду съ торговъ, съ тѣмъ, чтобы изъ ея доходовъ выплачиваемо было жалованье ректору и прочимъ чиновникамъ на островѣ. На дѣлѣ однако ректоры забрали эту землю въ свое пользованіе за самую ничтожную арендную плату. И такъ какъ на о. Тиносъ производилось хлѣба едва на полъ-года (657), то ректоры имѣли возможность продавать свой хлѣбъ по самымъ безбожнымъ цѣнамъ (658). Сверхъ того, тиносцы очень тяготѣлись десятиной (зетого) въ натурѣ за обрабатываемыя ими земли и предпочитали выплачивать ее деньгами, что, по мнѣнію совѣтника, было бы выгодно и для правительства, убыточно же единственно ректорамъ-торгашамъ (658). Нѣкоторымъ извиненіемъ послѣднихъ служило впрочемъ то, что они получали очень малое жалованье, всего 7 дук. въ мѣсяцъ (659).

Справедливость сообщеній канейскаго совѣтника подтверждается, между прочимъ, жалобой тиносцевъ венеціанскому сенату 1518 года, въ которой они заявляютъ, что со времени подчиненія республикѣ постоянно страдаютъ отъ злоупотребленій ректоровъ и совѣтъ обѣднѣли (08). Ректоры захватили де въ свои руки торговлю, разоряя тѣмъ жителей (09); они присвоили де себѣ право назначать кастеляновъ, банловъ, писарей и констаблей въ пожизненную службу, вмѣсто того, чтобы по стародавнему обычаю назначать ихъ на годичный лишь срокъ (1b.); они пользуются де для своихъ частныхъ услугъ чинами мѣстной стражи (guardia, 010). А между тѣмъ жалобы на злоупотребленія ректоровъ очень затруднены де отдаленностію острова Тиноса не только отъ Венеціи, но и отъ Кандіи, отстоящей на 300 миль (1b.).

И изъ данныхъ, сообщенныхъ Фоскарини въ 1577 году, мы видимъ, что островъ Тиносъ не особенно благоденствовалъ подъ венеціанскимъ управленіемъ. Даже число его жителей въ періодъ вре-

мени отъ 1563 по 1577 годъ ниспало съ 9,000 до 5,785, между которыми годовыхъ въ государственную службу было всего 1,653, вмѣсто 2,000 въ 1563 году (642, ср. 652).

XX.

Въ томъ же донесеніи канейскаго совѣтника въ 1563 году, изъ котораго заимствована большая часть вышеприведенныхъ данныхъ объ островѣ Тиносъ, имѣются довольно обстоятельныя свѣдѣнія и объ островѣ Чериго (Kythira).

Островъ этотъ, читаемъ мы здѣсь, лежитъ у входа въ Архипелагъ, въ 70—80 миляхъ отъ Крита и вблизи Морен. Отсюда открывается де прекраснѣйшій видъ на весь Левантъ. Съ мыса святаго Георгія можно де видѣть всѣ корабли, входящіе въ Архипелагъ или выходящіе изъ него. Ни одна фуста, ни одна пиратская барка не можетъ де пройти здѣсь днемъ незамѣченною. Съ другаго мыса острова Чериго видны де всѣ корабли, идущіе съ запада въ направленіи къ острову Криту или обратно (660). Вотъ почему островъ Чериго можетъ де быть названъ малкомъ или окомъ острова Крита, безъ котораго послѣдній не могъ бы имѣть никакихъ свѣдѣній о движеніяхъ турецкаго флота. Съ острова Чериго можно де сосчитать всѣ проплывающіе паруса и въ одну ночь сообщить о нихъ острову Криту. Въ прошлую войну (1538—39 годовъ) венеціанскій флотъ былъ де однажды спасенъ единственно благодаря своевременному сообщенію съ острова Чериго о движеніяхъ турецкой эскадры (661).

Островъ Чериго имѣетъ де 65 миль въ окружности и послѣ опустошеній войны (1538—1539 годовъ) на немъ насчитывается едва 3,000 жителей, изъ коихъ всего 600 годны къ службѣ (661).

Земля на островѣ Чериго раздѣляется де на двѣ части: ¹¹/₂₄ принадлежатъ синьорин; а ¹³/₂₄ фамиліи Веніеровъ. Съ казенной части получается де въ годъ до 500 дукатовъ, которые издерживаются на управленіе, съ придачей еще 2,600 дукатовъ въ годъ изъ критскихъ доходовъ на содержаніе военнаго отряда (661—662).

На островѣ Чериго имѣется де крѣпостца, расположенная на горѣ, въ одной милѣ отъ морскаго берега. Она имѣетъ 340 шаговъ въ окружности. Несмотря на сильную позицію, крѣпостца эта не можетъ де считаться вполне надежной, ибо надъ нею господствуютъ двѣ сосѣднія горы. Подъ замкомъ находится де портъ, который могъ бы вмѣстить вполне безопасно до ста кораблей (662), еслибы взо-

рвать часть сосѣдней скалы и затопить съ моря одну галеру (664). Устройство этого порта было бы де очень полезно для венеціанскаго военнаго флота, который въ настоящее время не имѣеть де на протяженіи 500 миль отъ Канен до Корфу надежнаго убѣжища. Да и для торговыхъ кораблей это было бы де очень важно, ибо теперь въ случаѣ бури они не имѣють де убѣжища отъ Канен до Занте, такъ какъ портъ св. Николая Влемонскаго на томъ же островѣ Чериго не по пути идущимъ кораблямъ и не безопасенъ отъ корсаровъ. При существованіи хорошаго порта островъ Чериго сталъ бы де болѣе населеннымъ и получилъ бы такое же торговое значеніе, какъ островъ Закинѣъ, ибо островъ Чериго очень близокъ къ торговымъ городамъ Морен: Наполи-ди-Романія, Миссипъ, Мальвази (662—663). Крѣпостца на островѣ Чериго лишена де самыхъ существенныхъ предметовъ—хлѣба и воды. Вообще, этотъ островъ страдаетъ де отъ голодовки: такъ въ 1562 году мѣстная морская стража лишь съ трудомъ могла де удержать жителей отъ бѣгства съ семействами въ Турцію для пропитанія. Чтобы предохранить жителей отъ такихъ кризисовъ, необходимо де устроить на островѣ Чериго хлѣбный магазинъ по крайней мѣрѣ въ 500 мѣръ (stara) пшеницы (664).

Еслибы непріятель захватилъ островъ Чериго, то съ какими-нибудь четырьмя галерами онъ могъ бы пресѣчь всё мореходныя сношенія Венеціи съ Архипелагомъ и Критомъ. Турки уже оцѣнили де важность этого пункта. Это тѣмъ опаснѣе, что разстояніе острова Чериго отъ Морен очень невелико: всего 18 миль, въ одномъ же мѣстѣ—лишь 8 миль, то-есть, полдня пути (665).

Въ прошлую турецкую войну (1538—1539 годахъ) былъ-де разрушенъ замокъ св. Димитрія, послѣ чего пиратъ Гавриилъ Рансъ, явившись съ 38 фустами, увелъ въ неволю 6,000 жителей, сдавшихся ему безъ сопротивленія. Оставшіеся жители этой части острова въ страхѣ отъ пиратовъ спятъ де лѣтомъ въ лѣсахъ. Необходимо де восстановить въ этой мѣстности замокъ для прикрытія жителей, но не на прежнемъ мѣстѣ, а миль на семь отъ моря, въ Селери (Seleri), гдѣ имѣется и вода, и камень, при чемъ въ расходахъ сооруженія, конечно, примутъ де участіе и Венеры. Тогда многія семейства, убѣжавшія въ Турцію, возвратятся де въ отечество (667). вмѣстѣ съ этимъ возрастуть де и доходы съ острова Чериго, состоящіе въ третинѣ сборовъ съ земли: теперь ея получается де не болѣе 1,500 мѣръ (misure) пшеницы, а можетъ получаться до 6,000 мѣръ (667).

Напрасно де держать Венеція на островѣ Чериго кавалерійскій отрядъ въ 20 человекъ: они стоятъ до 800 дукатовъ въ годъ и не приносятъ ни малѣйшей пользы, ибо ѣзда на лошадяхъ почти невозможна на этомъ гористомъ, каменистомъ и изрѣзанномъ ущельями островѣ. Достаточно де держать тутъ 100—150 стрѣлковъ (*archibustieri*). Съ тѣхъ поръ, какъ ихъ завели, не слышно-де болѣе о причаливаніи пиратскихъ фустъ (668).

Лѣтъ 14 спустя, въ 1577 году, суда по отчету Фоскарини, положеніе этого „фонаря Архипелага“ (*lanterna dell' Archipelago*, 641) не измѣнилось къ лучшему: вмѣсто 3,000 жителей мы находимъ здѣсь лишь 2,405 душъ, изъ коихъ 792 признавались годными къ службѣ (*utili*, *ib.*). Не смотря на то, жители все еще оставались вѣрны Венеціи (*ib.*).

XXI.

Переходимъ къ островамъ Ионическаго моря: Закинеу или Занте, Кефалоніи, Корфу.

По донесенію синдиковъ 1576 года, островъ Закинеъ имѣетъ 60 миль въ окружности. Третъ этого острова занята была тогда виноградниками и оливковыми рощами, хлѣбопашество же находилось въ упадкѣ. Многія прекрасныя равнины были пустыни по недостатку орошенія. Предпочтеніе жителей къ винодѣлію (изюмъ) объясняется де тѣмъ, что оно доставляло большій доходъ, именно 25—30 дукатовъ съ такого участка земли, который подъ пшеницею давалъ едва 3—4 дукатовъ (648). На островѣ Закинеъ насчитывалось тогда до 18,000 обрабатываемыхъ участковъ земли (*campi, che si colteuano*), изъ коихъ 10,400 были засѣваемы хлѣбными злаками, 1,200 находились подъ культурой изюма и 5,800 были посвящены собственно винодѣлію (*ib.*). Жителей тутъ было до 8,800 душъ; между ними 3,200 признавались годными къ службѣ (*da fatti*). Къ этому слѣдуетъ еще прибавить 6,100 жителей въ городѣ съ замкомъ, въ томъ числѣ 2,000 годныхъ къ службѣ (*ib.*).

На островѣ Закинеѣ правительство набирало стрѣлковъ для своей арміи. Такъ въ 1543 году сенатъ велѣлъ губернатору на вербовать изъ закинеянъ 400 стрѣлковъ (*archibustieri*) въ возрастѣ отъ 16 до 40 лѣтъ (553). Годились закинеяне и въ кавалеристы, какъ видно изъ приказа въ 1514 году произвести наборъ стратіотовъ въ Наполи-ди-Романія, Закинеѣ, Кефалоніи и индѣ (554).

Разстройство въ финансовомъ управленіи острова Закинѳа видно изъ донесенія его губернатора Контарини въ 1502 году. „У меня надрывается сердце“, говоритъ онъ, — „отъ ежедневныхъ воплей у моего забора и воротъ: денегъ, денегъ, г. губернаторъ“ (608)! Вопли эти издаваемы были голодавшими служилыми Венеціи, которымъ жалованье по цѣлымъ мѣсяцамъ не было выплачиваемо за неприсылкой денегъ.

Не смотря на все это, закинѳяне, по свидѣтельству—быть можетъ нѣсколько оптимистическому—губернатора Пасквалиго въ 1608 году были очень преданы Венеціи. Если же горожане нерѣдко совершали преступленія, то это происходило, по его словамъ, отъ близости острова Закинѳа къ турецкому материку, гдѣ его жители находили де радушный пріемъ, особенно благодаря своему искусству въ сушеніи изюма, составлявшаго прежде спеціальность іоническихъ острововъ, но теперь изготовляемаго де и въ Морѣѣ, даже турками (650).

Изъ іоническихъ острововъ, Кефалонія, по донесенію тѣхъ же синдиковъ 1576 года, отстоитъ отъ Закинѳа на 12 миль и имѣетъ 160 миль въ окружности. На немъ насчитывалось тогда до 202 поселковъ (*ville d'ogni sorta*). Не смотря на гористую и каменистую почву, островъ этотъ былъ очень плодороденъ и могъ бы доставлять хлѣбъ даже на вывозъ. Населенія насчитывалось тутъ 19,000, въ томъ числѣ 4,300 годныхъ къ службѣ: остальные были женщины, дѣти, старики. Хлѣба здѣсь производилось до 70,000 мѣръ (*staga*), вина 800 бочекъ (*botte*), изюма 400 мѣръ (*miaga!*), деревяннаго масла 300 бочекъ, сыра 150 мѣръ (*miaga*); сверхъ того получались тутъ ленъ, медъ, манна, хлопчатникъ и множество различнаго скота. Казна получала съ этого острова до 11,000 дукатовъ въ годъ; обыкновенныхъ расходовъ по управленію было 8,000 дукатовъ, остальное обращалось на расходы экстраординарные (649).

Въ отношеніи нравственномъ кефалонцы не пользовались, кажется, особеннымъ довѣріемъ Венеціи. Брагадиръ, напримѣръ, жалуется въ своемъ донесеніи 1620 г. на ихъ высокомѣріе и гордость, достигавшія нерѣдко такихъ размѣровъ, что скорѣе напоминали мятежъ, чѣмъ послушаніе властямъ. Вообще же кефалонцы отличаются де языкомъ собачьимъ и кусливымъ (*lingua canina e mordace*, 651).

Но первое мѣсто между іоническими островами занималъ тогда о. Корфу. По исчисленію синдиковъ 1576 г., онъ имѣетъ 90 миль въ окружности. На немъ находилось тогда 78 поселковъ (*ville*) съ

9970 душъ населенія, въ томъ числѣ 2936 годныхъ къ службѣ. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить жителей города Корфу, въ кремль (fortezza) котораго жило 250 ч. (не считая гарнизона), въ томъ числѣ 78 годныхъ къ службѣ, въ предмѣстьяхъ же—7,300 ч., изъ коихъ 2229 считались годными къ службѣ. Слѣдовательно, на о. Корфу было тогда 17,517 ч. населенія, въ числѣ которыхъ 5243 годились къ службѣ (da fatti, 649).

О. Корфу имѣеть-де равнинный характеръ; лишь кой-гдѣ встрѣчаются скалистые мѣстности. Почва плодородна и урожаи были бы де очень обильны—при хорошей обработкѣ земли. Къ сожалѣнію, по скудости жителей большая часть земли не обрабатывается де, почему и хлѣба мѣстнаго производства хватаетъ-де едва на четверть года: остальное количество ввозится съ материка, болѣею частью изъ Турціи, а отчасти и изъ Апуліи (649). За то о. Корфу производить де много вина, даже на вывозъ. Деревяннаго масла тутъ получается до 6000 бочекъ въ годъ. Несмотря на недостатокъ хлѣба, на о. Корфу разводится де много скота (ib.). Благодаря близости отъ материка—всего 12 миль—, оттуда ежедневно приплываютъ многія барки (ib.). На о. Корфу содержится-де отрядъ изъ 500 пѣхотинцевъ; но они плохо обучены, ибо венеціанскіе офицеры мало свѣдущи въ военномъ дѣлѣ (ib.). Корфіоты, подобно закинцѣпамъ и кефалонцамъ, кажутся-де очень вѣрными слугами, ибо никогда (?) не имѣли другаго государя (ib.).

Нѣсколько скептически отнесся къ корфіотамъ губернаторъ Пасквалиго въ своемъ донесеніи 1608 г. По его наблюденіямъ, корфіоты-горожане хоть бѣдны, но горды; никогда не присоединяются де они къ свѣтѣ ректора и въ его дворецъ являются лишь по дѣламъ. Свое высокомеріе они основываютъ де на важности своей крѣпости и на разныхъ привилегіяхъ отъ венеціанскаго правительства (650).

Наблюденіе Пасквалиго подтверждаются и донесеніемъ Венгера въ 1624 г. По его словамъ, корфіоты находятся въ самомъ тѣсномъ единеніи между собою. Съ властями они говорятъ де съ такою свободой, что нельзя не подивиться. Вообще же, по природѣ они дикавы де очень смѣтливы; они слѣдятъ за самолюбивѣйшими дѣйствіями своихъ общественныхъ представителей, и при малѣйшемъ нарушеніи своихъ правъ, корфіоты немедленно поднимаютъ шумъ, грозятъ послами, открытіемъ взятокъ или иныхъ грѣшковъ властей предержавшихъ и болѣею частью успѣваютъ запугать ихъ этими способами. Въ настоящее время они довольно де зажиточны. Наиболѣе вліятельные

ихъ люди живутъ не по деревнямъ, а въ городѣ, въ совершенной праздности. При каждомъ удобномъ случаѣ они созываютъ де соборники (conclave) старшинъ (primati) и передаютъ ихъ рѣшенія правительственному совѣту, который ббльшею части утверждаетъ эти рѣшенія (650). Недовѣрчивое отношеніе корфіотовъ къ венеціанской администраціи вполнѣ оправдывалось, конечно, ея эксплуататорскимъ духомъ. Это подтверждаетъ и жалоба корфіотовъ сенату въ 1547 г. на бремя налоговъ (angarie), благодаря которому бѣжавшіе на островъ Корфу изъ Турціи греческіе невольники предпочли де возвратиться въ неволю, лишь бы избавиться отъ этихъ налоговъ (013)!

Вообще, положеніе грековъ какъ Архипелага, такъ и Ионическихъ острововъ въ XVI вѣкѣ значительно ухудшилось. Они обѣдѣли отъ денежнаго гнета венеціанскихъ чиновниковъ и постоянныхъ нападѣній пиратовъ берберійскихъ, левантскихъ, тосканскихъ, мальтійскихъ, мессинскихъ, албанскихъ и славянскихъ (592). Венеціанскій сенатъ очень хорошо зналъ объ этомъ упадкѣ греческихъ владѣній республики, но не хотѣлъ или не могъ отказаться отъ рутинной системы управленія, нуще всего опасаясь нововведеній. Да едва ли впрочемъ Венеція и желала искренно нравственнаго и матеріальнаго подъема греческихъ подданныхъ. Эксплоатація ихъ все же содѣйствовала обогащенію членовъ венеціанской олигархіи и избавляла казну отъ лишннихъ затратъ на эти области. Лишь наканунѣ турецкихъ войнъ и для предупрежденія бунтовъ греческаго населенія принимаемы были нѣкоторыя мѣры для его успокоенія (597); по минованіи же опасности все возвращалось въ обычную колею.

Не удивительно, что греки ненавидѣли Венецію и, по словамъ фратра Феликса Фабри, были главною причиною передачи туркамъ чуть не всей Греціи (792). Но при этомъ греки руководились, по его же словамъ, не одними экономическими, но и нѣкоторыми нравственными соображеніями, особенно ненавнстью къ римско-католической церкви: *Invidia maxima contra ecclesiam romanam exardescunt Graeci, quare etiam Turcis totam quasi Graeciam tradiderunt, se et provinciam perdentes propter ecclesiam latinam* (ib). Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію тогдашняго состоянія Греческой церкви, на основаніи изданныхъ В. И. Ламанскимъ документальныхъ данныхъ.

XXII.

Разорванные издавна на нѣсколько частей въ политическомъ отношеніи, греки не были лишены извѣстнаго національнаго единства,

общественной организаціи и духовнаго средоточія: они имѣли національную церковь, которая въ тѣ начальные вѣка греческой исторіи замѣняла имъ до извѣстной степени и государство, и школу, и литературу. Глава этой церкви, патриархъ Константинопольскій, былъ общепризнаннымъ представителемъ всего греческаго племени. Въ этомъ отношеніи грекъ Григорій Малакса, написавшій въ 1570 г. очень замѣчательную записку о причинахъ недовѣрія грековъ къ латинянамъ и ихъ преданности туркамъ (083 сл.), былъ совершенно правъ, когда называлъ въ ней патриарха главою греческой націи: *saro di tutta la nation greca* (088). Понятно, что венеціанское правительство, озабоченное возможно скорой романизаціей грековъ какъ въ религіозномъ, такъ и въ національномъ отношеніи, не могло не видѣть въ патриархѣ своего главнаго и опаснѣйшаго противника въ греческихъ областяхъ. Въ 1461 г. совѣтъ X прямо заявилъ, что считаетъ его приверженцевъ на островѣ Критѣ друзьями и благопріятелями султана (048). Въ 1466 г. тотъ же совѣтъ велѣлъ удалить изъ острова Крита отца и братьевъ Цареградскаго патриарха и запретилъ сношенія съ нимъ византійскихъ подданныхъ (052). Въ 1486 г. Десять выразили свое неудовольствіе навпактскому губернатору за допущеніе въ его округъ патриарха и предписали, въ случаѣ вторичнаго прибытія послѣдняго, удалить его подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ (054).

Столь же недовѣрчиво относилась Венеція и къ митрополитамъ греческимъ. Въ 1559 г. банль Кавалли донесъ своему правительству изъ Константинополя, что, по сообщенію наксосскаго дуки, греческій митрополитъ Теофанъ (Theope) явно возбуждаетъ грековъ противъ франковъ, говоря, что не годится столь многочисленнымъ и мужественнымъ грекамъ, къ позору ихъ религіи, подчиняться столь малочисленнымъ франкамъ (065).

Особенно подозрительна была синьорія къ ускользающимъ отъ ея наблюденія и вліянія греческимъ епископамъ въ Турціи, почему совѣтъ X запретилъ даже въ 1509 г. допускать къ совершенію требъ на островѣ Критѣ тѣхъ поповъ (*parates*), которые были рукоположены въ турецкихъ владѣніяхъ, подъ угрозою немедленнаго изгнанія. Съ тѣмъ вмѣстѣ критскимъ властямъ предписано было наблюдать, чтобы „попы“ не особенно размножались на островѣ (059).

Изъ послѣдняго видно, что низшее греческое духовенство внушало большой страхъ республикѣ. Венеціанцамъ не нравилось уже то обстоятельство, что, по сообщенію Суріано (*Surlano*) въ 1583 г., на

всемъ Левантѣ не было ни одного „попа“ изъ сербовъ или какой другой народности, а все греки (573). О высокомъ вліяніи „поповъ“ свидѣтельствуемъ Фоскарини въ донесеніи 1577 г.: по его словамъ, жители Крита питали величайшее уваженіе къ своимъ монахамъ, не смотря на поборы послѣднихъ. Болѣе того, онъ называетъ „поповъ“ обладателями воли тѣхъ народовъ (*parrates sono padroni della volontà de quei popoli*, 635).

О враждебномъ къ Венеціи настроеніи греческихъ „поповъ“ заявляетъ самъ совѣтъ X въ приказѣ кипрскому правительству 1487 г.: „православные попы (*parrates pop catholici*) всегда были главными виновниками, попустителями и покровителями всѣхъ возстаній противъ республики“ (055). Они считались зачинщиками и ретинскаго бунта 1461 г. (045), за исключеніемъ впрочемъ одного попа, Іоанна Лима, донесшаго объ этомъ заговорѣ правительству и за то получившаго въ 1463 г. наслѣдственную въ мужской линіи пенсію въ 1,000 перперовъ (050).

Фоскарини въ донесеніи 1577 г. съ грустью воспоминаетъ о добромъ старомъ времени, когда правительство не разрѣшало держать въ поселкѣ (*reg casale*) болѣе одного или двухъ поповъ, при чемъ всѣ кандидаты священства подвергались еще предварительному испытанію въ Венеціи у (латинскаго) епископа, при участіи канониковъ и съ разрѣшенія критскаго дукса (635), что впоследствии было де отиѣнено или само вышло изъ обычая (*ib.*).

Дѣйствительно, въ тотъ періодъ времени, на который ссылается Фоскарини, венеціанское правительство не особенно стѣснялось въ преслѣдованіи греческихъ „поповъ“. Въ 1461 г., напримѣръ, совѣтъ X велѣлъ изгнать изъ о. Крита протопопа Петра Занхаропуло за сношенія съ цареградскимъ патріархомъ и нерасположеніе къ латинству и Венеціи (045—048); тогда же предписано было изгнать поселившихся на о. Критѣ греческихъ бѣглецовъ изъ Константинополя и Мореи, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія, въ особенности же „поповъ“ и монаховъ греческихъ (046). Подобные перебѣжчики греческіе были тогда терпимы правительствомъ лишь на о. Корфу и мѣстностяхъ, расположенныхъ поближе къ Венеціи (047). Впрочемъ, въ 1462 г. совѣтъ X предписалъ изгнать и изъ о. Корфу греческихъ поповъ, бѣжавшихъ туда изъ Константинополя и Мореи за послѣдніе десять лѣтъ (049). Вѣроятно, это вызвало сильный протестъ со стороны корфіотовъ, такъ какъ въ слѣдующемъ 1463 году совѣтъ высказался передъ папскимъ легатомъ противъ введенія ка-

никъ-либо новшествъ въ отношеніи къ греческимъ попамъ и монахамъ на о. Корфу, признавая это опаснымъ съ политической точки зрѣнія (051).

Съ наибольшою энергіей дѣйствовала Венеція противъ греческой церкви на о. Критѣ. Въ 1461 г. совѣтъ X прямо выразилъ его властямъ свое желаніе, чтобы на этомъ островѣ богослуженіе совершалось лишь по латинскому обряду и чтобы коварный и схизматическій обрядъ греческій былъ по возможности искорененъ: *nos... facere vellemus, ut in tota ista insula nostra catholice officaretur, et perfidus ac schismaticus ritus Graecorum, ut fieri posset, extirparetur* (048).

Положимъ, на о. Критѣ могли дѣйствовать въ этомъ случаѣ и политическія соображенія; но что, какъ не слѣпой латинскій фанатизмъ, побуждало республику воспрепятствовать греческое богослуженіе въ стѣнахъ самой Венеціи? А это мы видимъ, на примѣръ, въ указѣ совѣта X 1416 г., коимъ воспрещено было греческому попу Арсенію служить по греческому обряду хотя бы въ частномъ лишь домѣ въ Венеціи, подѣ угровою пятилѣтняго изгнанія его, какъ и всякаго другаго грека, который осмѣлился бы это сдѣлать (043). Указъ этотъ повторенъ былъ въ 1430 г. въ примѣненіи къ двумъ греческимъ попамъ, которые однако не выполнѣ ему повиновались, такъ что попъ Михаилъ изъ Негропонта дѣйствительно подвергся пятилѣтнему изгнанію (1б.). Въ 1479 г. совѣтъ X отказалъ въ разрѣшеніи соорудить въ Венеціи греческую церковь хотя бы съ уніатскимъ (?) обрядомъ (*secundum latinum ritum*), мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что «этихъ грековъ схизматики и потому не хотятъ посѣщать латинскихъ костеловъ, а равно тѣмъ, что періодически повторяющееся сборище 400—500 венеціанскихъ грековъ въ одномъ мѣстѣ было бы не безопасно для республики (053). Лишь въ 1511 г., подѣ давленіемъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ, принужденъ былъ совѣтъ X разрѣшить по просьбѣ греческихъ стратіотовъ республики, покупку въ Венеціи мѣста и постройку на немъ греческой церкви св. Георгія для богослуженія по греческому обряду, вмѣсто очень тѣсной часовни св. Власія. По словамъ просителей, въ часовнѣ этой латинское и греческое богослуженіе были до того перемѣшаны, что Господь Богъ не могъ де и услышать ихъ молитвъ (062).

Между тѣмъ желаніе венеціанскаго правительства обратить грековъ въ папизмъ или по крайней мѣрѣ въ унію лишь очень медленно приближалось къ исполненію. Оно успѣло, правда, создать для

грековъ латинскую іерархію, именовавъ, по соглашенію съ нами, многочисленныхъ латинскихъ епископовъ для греческихъ острововъ, съ подчиненіемъ ихъ либо венеціанскому патриарху, либо особому латинско-цареградскому патриарху (*In partibus infidelium*), между которыми нерѣдко возникали пререканія изъ-за грековъ (051, 057). Нѣкоторая часть греческаго клира и міра формально приняла унию, но въ душѣ они питали глубокую ненависть къ католицизму. По сообщенію Фоскарини изъ о. Крита въ 1577 г., завѣщанная кардиналомъ Виссаріономъ Петраркою сумма, для ежегодной раздачи 300 дук. 16 греческимъ понамъ-униатамъ, была дѣйствительно раздаваема, но получавшіе ее новы на самомъ дѣлѣ и понятія де не имѣли о римскомъ католицизмѣ (635). Въ томъ же доведеніи Фоскарини жалуются на упорство грековъ-кандіотовъ въ своемъ церковномъ обрядѣ, сообщая между прочимъ, что они считали авасематизованными тѣ церкви, въ которыхъ совершена была латинская месса. Въ гор. Канеѣ исконная ненависть грековъ къ франкамъ возгорѣлась де съ новой силой съ тѣхъ поръ, какъ мѣстный губернаторъ велѣлъ бить грековъ, не ставшихъ на колѣни во время выноса въ великую латинскую церковь монстранціи въ уличной процессіи. Греки жаловались де на это своему патриарху и успокоились лишь тогда, когда имъ было объявлено, что они могутъ и впредь оставаться при своемъ церковномъ обрядѣ (635). Адмиралъ Суриано въ доведеніи 1583 г. сообщаетъ, что, по словамъ венеціанскихъ капитановъ, въ Греціи невозможно было найдти въ городѣ латинскаго капитана (573) и что греки никакъ нельзя довести до согласія исповѣдываться у латинскаго коендза (ib.)!

Но всего краснорѣчивѣе изображена преданность грековъ православію и отвращеніе отъ католицизма въ запискѣ Грека Малакси, поданной венеціанскому правительству въ 1570 г. „Нѣтъ въ мірѣ народа, говоритъ онъ, столь усерднаго къ своей религіи, какъ греки; ничего они такъ не страшатся, какъ необходимости оставить обряды греческіе и принять латинскіе, въ случаѣ подчиненія закону либо христіанскому государю" (083). Зная, что Венеція очень предала римской церкви, греки опасаются де потерять подъ ея господствомъ свои обряды и перейти на латинскіе: а между тѣмъ можно де навѣрное утверждать, что скорѣе они согласятся умереть, чѣмъ измѣнить своей религіи. Вотъ почему де по запискѣ Андреаса Доріо Моренъ ислеее греческое духовенство бѣжало въ Константинополь и убѣждало народъ помогать туркамъ, а не венеціанцамъ (085).

Въ этомъ случаѣ греческіе іерархи ни мало не заблуждались на счетъ преимущества ига турецкаго передъ венеціанскимъ. Подтверженіемъ можетъ служить донесеніе венеціанскаго баила Кавадли изъ Филиппополя въ 1558 г., въ которомъ сообщается между прочимъ, что султанъ, по внушенію пашей, разрѣшилъ сербскому патриарху (въ Печѣ?) взимать за требоисправленіе не только съ грековъ (православныхъ), но и съ латинягъ (папистовъ), которыхъ въ его епархіи насчитывается до 4,000, на сумму до 1,500 цехиновъ въ годъ, вслѣдствіе чего всѣ эти бѣдняки-папищаки должны будутъ перейти въ православіе (064).

Съ половины XVI в. венеціанское правительство замѣтивъ предпочтеніе грековъ къ туркамъ и опасность народныхъ волненій, особенно въ военное время, начало хотя по виду сдерживать фанатизмъ латинскаго духовенства и ретивость его въ совращеніи грековъ въ папизмъ прямо или черезъ унию. Всего раньше созвано было это требованіе государственной безопасности въ отношеніи къ кипріотамъ. Въ 1547 г. совѣтъ X предписалъ своимъ властямъ на о. Кипрѣ воспротивиться новшествамъ, вводимымъ латинскими епископами, для предупрежденія возникающаго отсюда соблазна между греками. Въмѣстѣ съ тѣмъ викарію Кипрскаго архіепископа внушено было воздерживаться впредь отъ именованія грековъ въ публичныхъ актахъ „мерзкими еретиками, потоптавшими святой крестъ, отрекшимися отъ вѣры и поработившими себя діаволу“ (063). Въ 1565 г. совѣтъ X постановилъ не настаивать на о. Кипрѣ на прочтеніи греческими епископами въ ихъ церквахъ опредѣленій Тридентскаго собора, такъ какъ это вызываетъ протесты (065). Года черезъ два (1567) аналогичное распоряженіе было сдѣлано и относительно епископа солійскаго (di Solia), при чемъ обращено было вниманіе на то обстоятельство, что хотя греческая церковь во многомъ отлична отъ римской, однако она была де терпима старыми венеціанцами, которые предоставили грекамъ въ венеціанскихъ владѣніяхъ жить по ихъ собственнымъ обрядамъ, не исключая даже гор. Венеціи. Отъ нарушенія этихъ обрядовъ могутъ де произойти большіе соблазны (066). Въ слѣдующемъ 1568 г. совѣтъ X предписалъ своему послу въ Римѣ заявить папѣ, что на всемъ востокѣ возникло бы сильное волненіе, еслибы сдѣлана была попытка измѣнить исконные обряды греческой церкви, которые терпѣлись прежде и папами, и святыми соборами, особенно тридентскимъ. Это волненіе было бы де очень опасно при нынѣшнихъ турецкихъ смутахъ (068). Около того же времени (1569 г.)

въ 1576 г. за албанскими солдатами на островѣ Корфу признается полное преимущество передъ итальянскими (615). Но особенно лестный отзывъ объ албанцахъ-солдатахъ находимъ мы въ донесеніи Ник. Донато въ 1599 г. По его мнѣнію, это лучшіе солдаты для употребленія противъ ускоковъ не только по враждѣ къ послѣднимъ, но и потому, что албанцы прекрасные стрѣлки, смѣлы, очень бдительны на стражѣ, всегда хорошо одѣты и крѣпкаго здоровья; въ боѣвни они обнаруживаютъ де невѣроятное самообладаніе, на войнѣ же идутъ въ огонь безъ оглядки. Правда, они не сохраняютъ порядка въ битвѣ, но вѣдь беспорядокъ и сохраняеть де характеристику дѣлъ съ ускоками. Трудно только удержать албанцевъ отъ мародерства: изъ-за добычи они покидаютъ и непріятеля, и побѣду. Вообще же, это народъ смысленный, угрюмый и гордый по природѣ, но способный къ дисциплинѣ (549). Национальная гордость албанцевъ выразилась и въ томъ, что, по свидѣтельству навплійскаго бана Джустиніано въ 1525 г., многіе изъ нихъ не охотно служили подъ командою не-албанцевъ, тогда какъ греки въ свою очередь не хотѣли де служить подъ албанцами (549). И для флота албанцы представляли прекрасный матеріалъ. Объ этомъ свидѣтельствуеть губернаторъ острова Корфу Суриано въ 1583 г. въ донесеніи правительству, гдѣ онъ хвалить албанцевъ-матросовъ, какъ людей храбрыхъ и надежныхъ, и порицаетъ только ихъ неэкономность, страсть къ картамъ и волочитство, изъ-за чего они часто де голодаютъ, израсходовавъ жалованье на карты и дѣвокъ (565).

Сверхъ сухопутныхъ и морскихъ солдатъ, Албанія поставляла еще пиратовъ. Особенно знамениты были въ этомъ отношеніи тимариоты (химерцы?). По свидѣтельству Суриано въ 1583 г., они дѣлали много бѣды, нападая въ вооруженныхъ баркахъ на турецкіе корабли и разоряя прибрежныя селенія Албаніи вплоть до Валлоны. Нерѣдко они переплывали де и на островъ Корфу, отъ котораго жили въ разстояніи 40 миль, забирали скотъ, товары, разбивали корабли и барки, за исключеніемъ, однако, собственно корфіотскихъ. Въ 1582 г. тимариоты, при содѣйствіи нѣкоторыхъ корфіотовъ, ограбили де даже венеціанскій лазаретъ на островѣ Корфу и увезли съ собой много товаровъ и плѣнниковъ (603).

Венеціанское правительство хорошо понимало значеніе албанцевъ, и тогда уже вѣроятно на половину совращенныхъ въ папизмъ и столь многочисленныхъ, что въ 1595 г. признавалось возможнымъ въ три-четыре дня составить въ одной только части Албаніи трид-

цати-тысячный отрядъ (497). Тѣмъ не менѣ Венеція не рѣшалась воспользоваться этою возможностью, опасаясь столкновѣнія съ Турціею, которая была гораздо сильнѣе республики, особенно въ войнѣ сухопутной. Вотъ почему ея правительство отклонило тогда (1595 г.) предложеніе албанцевъ присоединиться къ Венеціи, если имъ удастся отбиться при ея помощи отъ турокъ (495 сл.). Въ слѣдующемъ (1596) году албанцы, чрезъ посредство ахридскаго архіепископа, вторично выразили Венеціи готовность отложиться къ ней отъ турокъ, при содѣйствіи 2000—3000-наго венеціанскаго отряда, но и на этотъ разъ республика не рѣшилась ломать взъ-за Албаніи миръ съ турками (498). Тогда албанцы вступили въ сношенія съ испанцами (497 сл.) и даже съ папою (497), при чемъ посредниками служили корчульскій епископъ и будванинъ Пелеса (Pelessa). Папа не прочь былъ присоединить къ Священной области сѣверно-албанскіе города: Олгунъ (Dulcigno), Скадръ (Scutari) и друг. (494). Онъ прислалъ даже 500 дук. для раздачи албанскимъ главарямъ, которые условились напасть ночью на турецкій гарнизонъ (20 чел.) въ Скадрѣ, перерѣзать его и затѣмъ передать городъ 300 пацскимъ солдатамъ; Олгунъ же предположено было занять съ морской стороны, при содѣйствіи одного подкупленнаго за 300 дук. потурченца (497). Изъ этихъ затѣй ничего не вышло, быть можетъ и потому, что венеціанцы предостерегли во время турокъ, какъ это рѣшено было сдѣлать въ отношеніи къ испанцамъ (495): республика боялась предоставить имъ область столь плодородную, населенную и воинственную (ib.). Такимъ образомъ, западныя державы парализовали свои дѣйствія взаимными интригами въ Албаніи!

Едва ли могли располагать къ нимъ албанцевъ и такія дѣйствія, какъ случившееся вслѣдъ за упомянутыми событіями (въ 1596 г.) прибытіе къ албанскимъ берегамъ неаполитанскихъ кораблей, захватъ ими мѣстныхъ жителей и продажа послѣднихъ въ невольники по 120 дук. за cadaго, несмотря на всѣ ихъ протесты и ссылки на свое христіанство (502).

Вполнѣ основательное недовѣріе албанцевъ къ западнымъ христіанамъ, особенно же къ венеціанцамъ, очень ясно выражено и въ перехваченномъ послѣдними письмѣ изъ Парижа молодаго албанскаго патріота Георгія Владагоні (Vladagoni) въ 1647 г. До меня дошелъ слухъ, говоритъ онъ, что албанцы усерднѣйше просятъ у венеціанцевъ оружія, съ дѣлію возстать противъ турокъ и отдаться подъ власть республики; но имъ слѣдовало бы очень этого остере-

гаться, если они не желаютъ наложить на свои шеи еще болѣе тяжелое иго. Албанцы ни за что не должны де вводить венеціанцевъ въ свои города, а наоборотъ, избирать своихъ же людей въ градоначальники и управители. Въ противномъ случаѣ они станутъ де, на подобіе далматинцевъ и прочихъ подданныхъ республики, людьми безъ имени и чести. Итальянцы вѣдь перелукавятъ ихъ (090).

Вѣроятно, такъ думалъ не одинъ Владагони, но всѣ лучшіе люди старой Албаніи, почему страна эта и осталась подъ турками, не смотри на всѣ соблазны и прелести сначала венеціанскаго, а потомъ австрійскаго господства.

XXIV.

Второе за греками мѣсто между инородцами республики занимали впрочемъ не албанцы, а славяне. Число ихъ и въ XVI вѣкѣ было столь значительно въ самой Венеціи, что одна изъ ея улицъ носила уже тогда названіе славянской (Riva del Schiavoni); и одна венеціанская тюрьма съ 1448 г. называлась славянскою (carcere Slavo, 682). Въ 1574 году при встрѣчѣ въ Венеціи Французскаго короля Генриха III снаряжена была прекрасная и огромная галера съ 400 матросами-славянами (429). Матросы эти набирались, конечно, главнымъ образомъ въ венеціанской Далмаціи, въ которой, по донесенію синдика Ляндо въ 1580 г., насчитывались 60,778 жителей (552). Положимъ, число это очень не велико въ сравненіи съ 400,000 греческихъ жителей острововъ Крита и Кипра; но все таки далматинцы, населявшіе преимущественно важные приморскіе пункты, доставляли не малый контингентъ для сухопутныхъ и морскихъ силъ республики.

Въ числѣ венеціанскихъ владѣній Далмаціи находились болѣе или менѣе значительные города: Задръ, Сплѣтъ, Шибеникъ, Нинъ, Которъ, а также цѣлый архипелагъ острововъ, число которыхъ, по счисленію Геліана въ 1510 г., восходило до 300—большихъ и малыхъ (308). Мы видѣли выше, что въ 1513 г. республика снаряжала въ своей Далмаціи съ Кварнерами и Истріей десять галеръ изъ 40 (555). Не удивительно, что государственные люди Венеціи чрезвычайно дорожили далматинскими ея владѣніями, называя ихъ „нервомъ ея силъ“, условіемъ ея морскаго господства, безопасности государства, спасенія Италіи (551).

Торговое и фискальное значеніе Далмаціи всего лучше видно изъ

коммерческихъ оборотовъ хотя бы Сплѣтскаго порта (scala di Spalatro). Портъ этотъ сооруженъ былъ по мысли венеціанскаго еврея Михаила Родигеца (Rodigez) послѣ 1577 г., съ цѣлю отвлечь отъ Дубровника грузы, направляемые по Неретванскому заливу (golfo di Narenta) въ Боснію, Сербію, Македонію, Оракію, Валахію, Молдавію и, наоборотъ, идущіе оттуда въ Италію. Чтобы обезопасить этотъ торговый путь отъ ускоковъ, организовано было правильное караванное сообщеніе Сараева со Сплѣтомъ, гдѣ устроены были обширныя таможни, лазареты, магазины, охраняемые городскими стѣнами и сторожевыми башнями. Благодаря этимъ мѣрамъ, въ Сплѣтъ стали направляться караваны даже съ персидскими и индійскими товарами, напримѣръ, шелкомъ, ароматами, коврами, не говоря уже о воскѣ, кожахъ, камлотъ (cambelotti), тканяхъ и т. п., въ обмѣнъ за которые изъ Венеціи вывозились сукна, шелковыя ткани, золотыя и серебряныя издѣлія, сахаръ, стекло и т. п. (513 сл.).

Еще важнѣе для республики былъ живой товаръ, получаемый ею изъ Далмаціи, въ видѣ моряковъ и солдатъ арміи и флота. Далматинцы наполняли военныя венеціанскія галеры; изъ нихъ же набиралась венеціанская пѣхота, ибо далматинцы были хорошіе стрѣлки и имѣли навыкъ ходить по скаламъ, какъ по равнинѣ (551). Николай Донато въ 1599 г. признаетъ далматинцевъ равно годными какъ къ морской, такъ и къ сухопутной военной службѣ, пѣшей и конной, называя ихъ при этомъ прекрасными гребцами, отличными стрѣлками и вообще бравыми малыми (552, ср. 549).

Правительству республики тѣмъ выгоднѣе было набирать своихъ галеотовъ въ Далмаціи, что они и жалованья получали меньше италянскихъ, именно по три лиры въ мѣсяцъ, вмѣсто пяти лиръ, уплачиваемыхъ тогда галеотамъ изъ самой Венеціи (въ 1524 г. 556). Охотно принимались въ морскую службу и далматинскіе бандиты, получавшіе помилованіе по выслугѣ во флотѣ опредѣленнаго срока (556).

Сверхъ далматинскихъ славянъ, служили въ венеціанскомъ флотѣ и ихъ соплеменники изъ Угріи и Турціи, какъ это видно между прочимъ изъ поименнаго списка 161 матросовъ галеры Дуодо (Duodo), которая въ 1484 г. вмѣстѣ съ капитаномъ передана была непріятелю (557). Въ 1539 г. изданъ былъ указъ сената о наборѣ въ солдаты возможно большаго числа моряковъ, которые въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ перебѣжали изъ Турціи (557). Съ другой стороны, далматинскіе матросы и капитаны служили не въ венеціанскомъ

лишь флотъ, но и въ испанскомъ, французскомъ, голландскомъ, даже англійскомъ, гдѣ упоминается напримѣръ въ 1553—1554 годахъ капитанъ Иванъ Бериславичъ (552).

Не смотря на всю важность для Венеціи далматинскихъ ея владѣній, республика обращалась съ ними довольно безпощадно и хищнически. Геліанъ имѣлъ основаніе въ своей вышеупомянутой рѣчи къ Угорскому королю и чинамъ его государства въ 1510 г. называть венеціанское управленіе въ Далмаціи „до невѣроятности жестокимъ“ (311). Этимъ объясняется отчасти и постоянное недовольство далматинцевъ венеціанскимъ управленіемъ (436), вызвавшее со стороны синьоріи цѣлый рядъ предохранительныхъ и репрессивныхъ мѣръ, особенно въ періодъ войнъ ея съ Угріей и Турціей (437 сл.).

Очень опаснымъ казалось Венеціи расположеніе далматинскихъ племеней къ Угріи, которая къ тому же присваивала себѣ старыя права на Далмацію, упоминаемая и въ рѣчи Геліана 1510 г. Онъ говоритъ, что Венеція получила Далмацію лишь во временное владѣніе, какъ залогъ за ссуду ею угорскому королю 30,000 дук. (308). Венеціанцы не отрицали этого факта, но основывали свои права на Далмацію на значительныхъ денежныхъ затратахъ, сдѣланныхъ на нее республикою въ теченіе долгодѣтняго въ ней управленія (312). Мотивы такой аннексіи не имѣли однако особенной силы въ глазахъ угорскаго правительства до тѣхъ поръ, пока оно было въ силахъ дѣйствовать наступательно на югъ, особенно при Матвѣѣ Корвинѣ. Республика слѣдила тогда съ величайшимъ подозрѣніемъ за угорскими агитаціями въ Далмаціи и столь недовѣрчиво относилась къ своимъ далматинскимъ подданнымъ, что въ 1458 г. правительство запретило пускать въ задрскую цитадель кого-либо изъ мѣстныхъ или пришлыхъ гражданъ и гражданокъ далматинскаго или угорскаго происхожденія (170). Тогда же предписано было не принимать въ задрскіи гарнизонъ тѣхъ солдатъ, которые родились въ Задрѣ или имѣютъ въ немъ родныхъ, особенно если они славянскаго происхожденія (171). Въ 1466 г. состоялось распоряженіе выслать въ Задрѣ отрядъ изъ 30 артиллеристовъ, но отнюдь не Славянъ или Угровъ, Нѣмцевъ или Босняковъ, а изъ областей неподозрительныхъ (*de terris non suspectis*, 180). Въ 1458 году въ Задрѣ воспрещены были всѣ собранія и сходки какъ мѣстныхъ горожанъ, такъ и племеней, безъ разрѣшенія ректора (172). Безъ его вѣдома никто не имѣлъ права отправиться изъ Задра въ

Угрію, Боснію и нины подозрительныя мѣстности (1b). Въ задрскомъ мужскомъ францисканскомъ монастырѣ воспрещено было въ 1474 и 1476 годахъ поставлять въ провинціалы, пріоры или гвардіаны иностранныхъ подданныхъ (187); въ женскій же задрскій монастырь указомъ 1458 года совершенно прегражденъ былъ доступъ иноземцамъ (173). Тогда же постановлено не назначать въ Задрѣ въ чиновники ни Нѣмцевъ, ни Угровъ, ни Босняковъ (1b); приказано (въ 1459 г.) строжайше охранять городскія ворота въ Задрѣ, Шибеникѣ, Силѣтѣ и Трогирѣ (174); ректору силѣтскому внушено (въ 1573 г.) особенно остерегаться поличанъ и клишанъ (182), вѣроятно, въ виду слуховъ о присягѣ поличанъ угорскому королю (186). Въ тѣхъ же видахъ предписано было въ 1473 г. укрѣпить Омишъ (Almissa) и Старый Градъ (186), а въ 1484 г. Вранью (Аугала) и Ницъ (Nopa, 192).

Но главнымъ политическимъ орудіемъ венеціанцевъ въ Далмаціи была поддержка розни между властельскимъ и мѣщанскимъ или крестьянскимъ сословіями, развившейся здѣсь давно, по образцу угорскихъ отношеній. Далматинская знать, сложившаяся по типу и при соучастіи знати угорской, всегда тяготѣла къ Угріи, а впоследствии къ Австріи (496). На островѣ Коркѣ произошелъ даже въ 1462 года формальный мятежъ противъ Венеціи въ пользу Угріи нобилей, подъ предводительствомъ Франконаповъ, которые были тогда изгнаны съ 20 важнѣйшими сообщниками изъ венеціанскихъ владѣній (194—196). Въ 1480 г. задрскій племянъ Фридрихъ Бертолашичъ (De Bertolatis) увѣрялъ угорскаго посла въ Римѣ, что задряне и вообще далматинцы не любятъ венеціанскаго господства и что явись къ нимъ угорскій король съ войскомъ, всѣ были бы рады его прибытію и сказали бы: благословенъ грядый во имя Господне (181).

Что задрскій племянъ не имѣлъ права утверждать это о всѣхъ далматинцахъ, а единственно о своемъ сословіи, это видно между прочимъ изъ прошенія корчульскихъ плебеовъ (populages) о назначеніи имъ ректора по избранію венеціанскаго большаго совѣта, а не корчульскихъ племянъ, какъ они сами того бы желали (176). Еще нагляднѣе выразилась сословная рознь далматинцевъ въ крестьянскихъ бунтахъ противъ племянъ, напримѣръ, въ 1511—1512 гг. на островахъ Фарѣ, Чресѣ, Осорѣ, а равно въ городахъ Шибеникѣ, Задрѣ, Силѣтѣ (429). Положимъ, въ тѣ тревожные годы сильно палъ въ Далмаціи и венеціанскій авторитетъ, какъ о томъ свидѣтель-

ствуеть шибеницкій ректоръ Эмилианъ въ своей жалобѣ сенату 11 августа 1511 г. (443); но быть можетъ, для поддержанія авторитета сеньорин и вызваны были ею возстанія черни противъ далматинской знати. Въ этомъ отношеніи очень характерно выраженіе венеціанскаго посла въ Угріи Пасквалло въ 1602 г.: „самъ Богъ даровалъ Венеціи эти раздоры между далматинскою знатью и плебеями“ (430)!

Не лишено вѣроятности предположеніе г. Ламанскаго о политической связи крестьянскихъ бунтовъ въ Далмаціи, съ одной стороны, и Угріи—съ другой, въ десятихъ годахъ XVI в. (430). Какъ ни странно кажется на первый взглядъ связь олигархической—не только дома, но и на Востокъ—Венеціи съ демократическими элементами уро-хорватскихъ областей, но подобныя противорѣчія возможны тамъ, гдѣ политики руководятся оппортунизмомъ, а не принципами. Такъ и папство, при всемъ своемъ аристократизмѣ и консерватизмѣ, нерѣдко подаетъ руку самымъ краснымъ революціонерамъ, если надѣется этимъ способомъ повредить какому-либо опасному противнику.

XXV.

Отправляясь въ 1869 году въ Венецію, г. Ламанскій, по его собственнымъ словамъ въ началѣ предисловія, хотѣлъ первоначально сосредоточить свое вниманіе на ускокахъ; но потомъ задача его постепенно такъ расширилась, что они остались уже на второмъ или даже третьемъ планѣ.

Первое упоминаніе объ ускокахъ въ сборникѣ находится въ документѣ 1565 г. (74), а послѣдніе — 1621 г. (115), но большая часть свѣдѣній объ нихъ относится къ 1595—1597 годамъ. Мы видимъ здѣсь, что ускокамъ пришлось быть игрушкой въ рукахъ Венеціи, Австріи, Рима и даже Испаніи, какъ это вообще слѣдуетъ сказать о старыхъ хорватахъ и далматинцахъ, за изъятіемъ развѣ дубровчанъ.

Сила ускоковъ заключалась въ постоянномъ приливѣ къ нимъ бѣглецовъ изъ Босніи и Герцеговины, а отчасти и въ содѣйствіи мѣстнаго сербскаго населенія. О содѣйствіи этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и далматинскій губернаторъ Суриано (въ донесеніи своемъ 1583 г.), объясняя его отчасти страхомъ далматинцевъ передъ ускоками, отчасти же расположеніемъ первыхъ къ послѣднимъ (802).

Отъ соединеннаго дѣйствія обоихъ этихъ мотивовъ ускоки заняли въ Далмаціи такое вліятельное положеніе, что, по словамъ одного венеціанскаго администратора конца XVI вѣка, одинъ ускокъ имѣлъ тутъ болѣе авторитета, чѣмъ всѣ венеціанскіе чиновники (091).. То же явствуетъ изъ жалобъ турецкаго посла въ Венецію 4-го и 15-го февраля 1595 г., въ которыхъ основательно говорится, между прочимъ, что ускоки не могли бы доходить изъ Сениа до Неретвы и Макарски, еслибы на протяженіи 500 (итал.) миль своего перехода черезъ венеціанскія владѣнія они не получали активной или хотя пассивной помощи отъ венеціанскихъ подданныхъ, которые въ торговыхъ интересахъ закрываютъ-де глаза на грабительскіе набѣги ускоковъ и на дѣлежъ ими добычи на островахъ Брачъ и Гелсѣ (Gelsa, 490). То же подтверждаетъ и подробное описаніе (на 502 стр.) начала занятія ускоками турецкой крѣпости Клиша, а затѣмъ отобранія ея турками въ 1596 г. Въ обоихъ случаяхъ слѣбчане оказывали сами дѣятельное содѣйствіе ускокамъ, несмотря на запрещеніе венеціанскаго правительства. Одинъ изъ слѣбтскихъ гражданъ (Иванъ Альберти) былъ даже комендантомъ этой занатой ускоками крѣпости (502). При осадѣ ея турками, Клишъ держался бы не дольше 40 дней, еслибы въ самую критическую минуту на выручку не явились туда по горнымъ тропинкамъ 600 далматинцевъ съ мѣшками муки и т. п. И потомъ, когда противъ осаждающей турецкой арміи выступилъ, по приказу австрійскаго правительства, хорватскій генералъ Ленковичъ, то главную силу его составляли примкнувшія къ отряду далматинцы (508). Правда, все это не спасло Клиша отъ турокъ, однако свидѣтельствуетъ о родственныхъ связяхъ ускоковъ съ далматинскими сербами. Если тѣмъ не менѣе далматинецъ Найчиновичъ въ запискѣ объ усмиреніи ускоковъ рекомендовалъ (въ 1592 г.) венеціанскому правительству направлять противъ нихъ не албанцевъ, плохо-де владѣющихъ ружьемъ, ни италианцевъ, не выносящихъ долго морской болѣзни, а именно далматинцевъ и хорватовъ, которые ненавидятъ-де ускоковъ за навлекаемыя ими бѣдствія отъ турокъ (550 сл.); то это слѣдуетъ объяснять не столько враждою между далматинцами и ускоками, сколько, вопервыхъ, извѣстною слѣпою вѣрностію славянъ своему знамени, хотя бы на немъ красовался хищный венеціанскій левъ, и вовторыхъ, — вѣронсповѣднымъ различіемъ между православными большею частію ускоками и латинскими далматинцами и хорватами. Еслибы дѣйствительно Венеціи удалось поселить ненависть къ ускокамъ во всемъ мѣстномъ населеніи, то

едва-ли могли бы они столь долго выдерживать борьбу съ ними республики, веденную и деньгами (74), и убійствомъ изъ-за угла (116), и снаряженіемъ цѣлыхъ экспедицій для разрушенія ускоцкихъ при-тоновъ въ Сентъ, Рѣкъ, Вакрѣ, Винодолѣ, каковы, напр., двѣ экспедиціи энергичнаго венеціанскаго генерала Альмово Тьеполо въ 1596 и 1597 годахъ (490, 492). Какъ ни рѣшительны казались успѣхи первой экспедиціи Тьеполо (490), все же изъ необходимости повторить ее черезъ два года (442) мы можемъ заключать о ея недостаточности для искорененія ускоковъ, поддерживаемыхъ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ.

Но сверхъ этой мѣстной помощи, пользовались по временамъ ускоки услугами и съ другихъ сторонъ. Даромъ, что они вели жизнь пиратовъ, обиравшихъ то одиночныхъ людей (97), то цѣлыя корабли — венеціанскіе (501), французскіе, англійскіе (491), или даже цѣлыя области, напр., Неретванскую въ Востин (491), парализуя торговые сообщенія странъ западныхъ съ восточными (514). Это не мѣшало нѣкоторымъ христіанскимъ государствамъ поддерживать изподтишка славянскихъ пиратовъ, въ видахъ нанесенія убытковъ то Венеціи, то Турціи. Такъ, Австрія подъ рукой поощряла ускоковъ (492) и покушалась даже для спасенія ихъ на жизнь Альмово Тьеполо (493), который и умеръ, вѣроятно, отъ австрійскаго яда во время сборовъ въ экспедицію противъ ускоковъ въ 1597 году (492). Въ 1596 году испанцы послали въ Дубровникъ особую баржу для найма въ свой флотъ 200 ускоковъ, съ платою по 7 дукатовъ въ мѣсяцъ каждому (500). Къ ускокамъ убѣгали иной разъ для пиратскихъ походовъ и нѣкоторые знатные италіанцы, какъ напримѣръ, разгульный и задолжанный сынъ одного неаполитанскаго маркиза (ib.). Но всего замѣчательнѣе, что и папы, напримѣръ, Климентъ VIII въ 1596 г., помогали подчасъ ускокамъ деньгами и совѣтами (502 сл.), при чемъ латинскіе ксендзы становились ихъ руководителями и вдохновителями (512)!

Эти связи съ Австріей, Италіей, Римомъ и погубили впоследствии ускоковъ, переведа ихъ изъ Приморья въ такъ-называемыя Ускоцкія горы, а изъ православія въ папизмъ черезъ унию.

XXVI.

Иврѣдка встрѣчается въ документахъ сборника, а чаще въ эпитафияхъ г. Ламанскаго, упоминаніе и о послѣднемъ, тогда (въ XV—XVI вѣкахъ) едва замѣтномъ, а съ начала XVIII вѣка уже пер-

венствующемъ факторѣ восточнаго вопроса — Москвѣ. Мы не будемъ приводить здѣсь эти упоминанія, уже собранныя и рассмотрѣнныя въ особой статьѣ г. Лаппы-Данилевскаго, которая была помѣщена на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія въ прошломъ году, и ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями по этому поводу.

Въ одномъ изъ этюдовъ своего сборника (379 сл.) г. Ламанскій подробно разбираетъ вводимыя Западомъ на Россію обвиненія, долженствующія объяснить или даже оправдать его исконную ненависть къ ней, въ родѣ, напримѣръ, русскаго правительственнаго абсолютизма, стремленія овладѣть Чернымъ моремъ, закрѣпощенія народныхъ массъ и т. п. Изъ рассмотрѣнія этихъ обвиненій оказывается, что ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ самой легкой критики. Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло Западу до русскаго самодержавія, которое ни мало на него не распространяется, а существуетъ для русскаго народа, представляя для него самую національную и наиболѣе соответствующую историческому возрасту форму правленія? Стремленіе Россіи къ Черному морю не только законно и естественно, но и въ высшей степени благотѣльно для человѣчества, ибо лишь Россія уничтожила тутъ постыдный торгъ бѣлыми невольниками, который отсюда распространялся въ Константинополь и на все побережье Средиземнаго моря. Что касается закрѣпощенія крестьянъ, то оно явилось въ Россіи позже, чѣмъ въ западной Европѣ, и въ настоящее время уничтожено „по манію царя“, такъ что, по справедливому замѣчанію г. Ламанскаго, теперешнее положеніе крестьянства русскаго, благодаря общинѣ и надѣлу бывшихъ крѣпостныхъ землею, значительно лучше западнаго, напримѣръ, англійскаго.

Причина вражды Запада къ Россіи коренится, значить, не въ этомъ, а въ чемъ-то другомъ, именно въ различіи, а отчасти и противоположности религіознаго, политическаго, экономическаго и общественнаго строя міра греко-славянскаго, съ одной стороны, а латинонѣмецкаго, съ другой. Это культурное различіе обусловило ихъ тысячелѣтній антагонизмъ, составляющій содержаніе и смыслъ и самаго восточнаго вопроса. Въ этой великой борьбѣ главную роль пришлось играть съ восточной стороны греко-славянской церкви (384 сл.), а впоследствии—Русскому государству. Въ этомъ и заключается главнѣйшее всемірно-историческое значеніе первой и втораго.

Оставляя теперь книгу, которая своими документами и изслѣдованіями открываетъ возможность освѣтить столько темныхъ прежде

точекъ въ исторіи восточнаго вопроса, мы пожелаемъ автору счастливаго продолженія его блестящихъ размыслиній въ этой области со стороны какъ фактической, такъ и выводной, оставаясь въ увѣренности, что впредь и „руки“ его будутъ „яковли“, какъ „голосъ“.

А. Будиловичъ.

Новое изслѣдованіе о славянской мѣеологіи.

А. С. Фаминцинъ. Божество древнихъ Славянъ, Выпускъ I. С.-Петербургъ. 1884 г.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что г. Фаминцинъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать вопросъ о происхожденіи древнихъ языческихъ славянъ и занимается этою задачей уже нѣсколько лѣтъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлю „подмѣтить общія черты (въ пѣсняхъ и напѣвахъ славянъ), отыскать и выдѣлать изъ массы пѣсенъ, нынѣ распадающихся народами въ разныхъ концахъ Славянскихъ земель, тѣ изъ нихъ, въ которыхъ уцѣлѣли такія черты, очистить тексты и напѣвы ихъ отъ присущихъ имъ чуждыхъ, постороннихъ составныхъ частей, отъ наслоеній позднѣйшихъ временъ, и, извлекиши, отпрепаровавъ, такъ сказать, изъ этихъ текстовъ и напѣвовъ основныя, общеславянскіе ихъ элементы, по возможности, возстановить, воссоздать изъ нихъ, хотя приблизительно, типъ древнѣйшей, общеславянской народной пѣсни“ (стр. 2).

Чтобы рѣшить эту любопытную задачу, автору пришлось ознакомиться съ религіознымъ міровоззрѣніемъ славянъ, въ виду того, что „большинство древнѣйшихъ, сохранившихся до нашего времени, пѣсенъ принадлежатъ къ числу обрядныхъ, которыя находятся, разумѣется, въ тѣснѣйшей связи съ унаслѣдованнымъ народомъ изъ глубокой старины религіозными вѣрованіями и обрядами“. Плодомъ занятій автора славянскою мѣеологіей было то, что онъ добылъ, по его словамъ, желанный ключъ къ уразумѣнію религіознаго міросозерданія славянина-язычника, а слѣдовательно и ключъ къ уразумѣнію древнеславянской пѣсни. На открытіе этого ключа г. Фаминцинъ навелъ поразившее его заклинаніе симбирскаго искателя клада: „Матушка, красное солнце! Матушка святая вода! Покажи рабу Божию поклажу!“ „Въ этомъ словѣ“, говоритъ авторъ, — „простолюдинъ выразилъ основное положеніе, основную мысль религіознаго сознанія всего много-